ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ

СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ

Редактор серии Б.А. Филиппов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ПЯТИ ЧАСТЯХ

Ответственный редактор доктор исторических наук

А.Л. Ястребицкая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ..

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ V-IX вв.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР X-XV вв.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ..

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИР.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ. V-IX вв.

МОСКВА
ИНТЕРПРАКС
1995

Средневековая Европа глазами современников и
С 75 историков. Книга для чтения. Часть I. Рождение и становление средневековой Европы. V—IX вв. Серия «Всемирная история и культура глазами современников и историков». — М.: Интерпракс, 1995. 224 с.
ISBN 5-8S235-220-9

Цель издания — приобщить читателя к новому историческому знанию и дать представление о мало известном облике западноевропейского средневековья. В издании сочетается сжатое изложение основного содержания отдельных работ ведущих отечественных и зарубежных историков нового направления с публикациями фрагментов из этих работ и небольшими оригинальными авторскими очерками. Широко представлены фрагменты источников, как в оригинальном переводе, так и в перепечатке из имеющихся на русском языке публикаций.

Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно
и повсеместно.

А. С. Пушкин

Данное издание осуществлено в рамках программы "Новые книги — российским школам", реализуемой Московским отделением Института "Открытое общество" и Министерством образования Российской Федерации.

Главная цель данной программы — предоставить дополнительную возможность российским учащимся и учителям полнее удовлетворить свои образовательные потребности. В связи с этим лучшие учебные материалы программы "Обновление гуманитарного образования", которые прошли экспериментальную проверку в восьми регионах России, предлагаются на российский образовательный рынок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель, которую поставили себе авторы, — приобщить читателя к новому историческому знанию и дать представление об ином, пока еще мало ему известном облике Западноевропейского Средневековья. Сделать это не просто, особенно если принять во внимание относительно молодой «возраст» новой медиевистики в отечественной историографии и языковый барьер, осложняющий доступ к тому богатству конкретно-исторического материала, который накоплен мировой наукой за последние почти четыре с половиной десятилетия.

Чтобы как-то преодолеть эти трудности авторы-составители избрали смешанный «жанр» раскрытия отдельных тем и подачи материала, сочетающий элемент «дайджеста», — сжатого реферативного изложения основного содержания отдельных работ ведущих историков нового направления (отечественных и зарубежных) — с публикациями фрагментов из них и небольшими авторскими очерками. Широко представлены также фрагменты источников как в оригинальном переводе, так и в перепечатке из имеющихся на русском языке их публикаций. «Дайджесты», публикации фрагментов и документов, как правило, вводятся в концептуальный контекст соответствующего авторского очерка, иллюстрируя и развивая отдельные его положения. Они используются в виде цитат и приложений к очеркам.

Определяя тематику очерков и обзоров, отбирая конкретный материал источников авторы стремились, насколько это возможно, ввести читателя и в исследовательскую лабораторию современного историка-медиевиста и в мир средневекового человека. Мы считали важным дать представление о ключевых проблемах (становление феодального общества и европейского христианского мира, система ценностей средневекового человека, социокультурные процессы на рубеже Средневековья и раннего Нового времени и т. д.) и новых темах как результате изменения исследовательского поля и инструментария современной науки (историческая демография, история материальной культуры и повседневности, история женщины и т. д.). Хронологически наше внимание особенно обращено на те периоды Средневековья, которые в последние десятилетия подверглись принципиальному пересмотру и были открыты как бы «заново». Это прежде всего V—XIII вв. — эпоха рождения и становления европейской средневековой цивилизации и длительный период ее постепенной трансформации, четко обозначившийся с середины XV в.

Данное издание, таким образом, предполагает как бы два уровня ознакомления читателя с историей Средних веков — начала Нового времени. Во-первых, через освещение событий и явлений средневековой истории и культуры с позиций современного научного знания. Во-вторых, через посредство документов, свидетельств людей той далекой эпохи, не подозревавших, что они живут в «средние века».

Обеспечивая стереоскопичность восприятия прошлого, такой подход, как нам представляется, позволяет не только лучше усвоить конкретно-исторический материал, но, что особенно важно, способствует формированию исторического мышления, пониманию необходимости оценки событий и явлений прошлого с позиций самого этого прошлого, и, соответственно, важности познания его своеобразия — того, как сами люди той эпохи считали нужным жить и как они в действительности жили. При этом явственнее видится динамика движения не только истории, но и нашего познания ее, которое не является раз и навсегда данным, неизменным, но подвержено пересмотру под влиянием запросов современной жизни («ответ» на «вызов» времени) и совершенствования методов самой исторической науки.

Издание состоит из пяти частей (книг). В них отчетливо прослеживается «историческая эволюция» и развитие «цивилизации» (культуры): с одной стороны, важнейшие события, процессы, институты западноевропейского средневекового общества в их развитии, а с другой — различные стороны и характерные черты европейской средневековой цивилизации, «картина мира» средневекового человека и ее трансформация. Это прослеживается в названии многих разделов и очерков книги,

таких как «Рождение и становление Средневековой Европы. V—IX вв.», «Западная Европа в X—XI вв.», «Начало Реформации в Европе», «Чехия в преддверии и в эпоху гусизма. XIV—XV вв», «Средневековая Европа в свете историко-демографических социокультурных исследований», «Городская Европа», «Европейский мир XVI — середины XVII в...», «Фридрих Сицилийский и его эпоха», «В преддверии Возрождения: Данте», «От средневековой эсхатологии к мифам Нового времени» и т. д. Целостной характеристике средневековой культуры посвящены материалы третьей части книги «Средневековый человек и его мир». Стремление отразить основные этапы исторической эволюции и одновременно характерные черты средневековой культуры обусловливают неизбежное переплетение фактологического материала, но также и органическую взаимосвязь отдельных очерков, их взаимодополняемость, не в последнюю очередь благодаря различию подходов и ракурса освещения содержащегося в них исторического материала. Именно поэтому во всех пяти частях даны отсылки к материалам каждой из них.

Таким образом «Книга для чтения» открывает широкие возможности для использования ее в учебном процессе как преподавателем, так и учащимися. Преподаватель найдет здесь методически организованный конкретный материал для подготовки занятий по широкому спектру ключевых тем событийной и социокультурной истории Европы в Средние века и раннее Новое время. Отдельные разделы данного пособия могут быть рекомендованы учащимс для самостоятельной работы.

ВВЕДЕНИЕ

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» И НОВЫЙ ОБРАЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Задумывая это издание авторы ставили своей главной задачей дать читателю — в первую очередь преподавателю школы — некоторые «ключи» для лучшего понимания Западноевропейского Средневековья как особой цивилизации, культуры в широком смысле этого слова*. При этом мы стремились вызвать интерес к тому процессу обновления исторического знания, который имеет место сегодня в мировой науке и который не обошел стороной и отечественную историографию.

Новый образ Западноевропейского Средневековья, характерные черты которого стремится донести до читателя наша книга, это плод и итог развития исторической науки, поиска и разработки новых подходов и приемов исторического исследования в познании прошлого и прежде всего того его многовекового периода, который мы называем Средними веками.

Для того, чтобы лучше уяснить смысл и глубину происходящих перемен, важно рассмотреть некоторые общие положения, касающиеся прежде всего содержания самого термина «история» и того, что и как изучает историческая наука. «История» — слово греческое и в своем изначальном употреблении оно означает «исследование», «расспрос», «рассказ», «знание». За те более чем два тысячелетия, что оно не сходит с человеческих уст, содержание его сильно изменилось. Только в русском языке известно не менее шести значений этого термина: «повествование», «происшествие», «процесс развития», «жизнь общества», «прошлое», «наука, изучающая прошлое». «История», с которой мы знакомимся в школе, рассказывает о жизни общества в далекие времена — об истории прошлого. Речь идет здесь о крупных событиях, с которыми историческая память человечества связывает поворотные вехи своего движения во времени; о действующих лицах этих событий — правителях, героях, политических деятелях, борцах за социальную справедливость. «История прошлого» — это также долгий и сложный процесс освоения человеком пространства: новых земель под пашни и пастбища, океанских просторов и новых континентов; совершенствование техники и технологические новшества, успехи творчества, изменение жизни людей и ее качества. Это, наконец, сельские поселения и города, памятники культуры прошлых эпох.

Современная наука вносит новое, *человеческое измерение* в понимание термина «история прошлого», смещая привычные акценты с внешнего, с события как такового, на внутреннее — стоящего за ним человека, людей. И на вопрос о содержании предмета изучения истории она отвечает: это люди и их дела, люди и их действия, это представления людей о самих себе и об окружающем их мире, отраженные в формах их общения друг с другом, обычаях, ритуалах, запечатленные в памятниках письменности и зодчества, в художественном творчестве.

История — «наука о людях во времени», — так определяет предмет истории один из крупнейших современных историков и основателей новой исторической науки французский ученый Марк Блок (1886—1944 гг.). «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет

* См. Введение к Части третьей — «Средневековый человек и его мир».

увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиной, там, он знает, его ждет добыча» (Блок *М.* АПОЛОГИЯ истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 18).

Историческая наука, которой мы обязаны своим знанием прошлого, — одна из древнейших среди наук, изучающих человека. Вместе с тем, как «серьезное аналитическое занятие она еще совсем молода». «История, — пишет М. Блок, — долго прозябала в форме повествования, рассказа, была перегружена вымыслами, еще дольше прикована к событиям, непосредственно, легко доступным» (Блок М. Там же. С. 11). Эту оценку Марка Блока мы могли бы дополнить собственным опытом, связанным с марксистской историографией с ее средоточением на экономических процессах в противовес духовной и социальной жизни людей, которая рассматривается лишь как сфера «второго» порядка, подчиненная, так или иначе отражающая развитие экономической необходимости. Эта последняя прокладывает себе путь независимо от человеческой активности, которая, согласно этой методологии, не более, чем рябь на поверхности океана истории. Соответственно, для традиционной, в том числе и марксистской историографии, человек — всего лишь объект для внешнего наблюдения, подобно тому как для астронома — главное наблюдать как движутся небесные тела. Она не задается вопросом о сознании человека, смысле его социального поведения, поступков и действий. Все эти проблемы оказываются вне сферы интересов историков-традиционалистов еще и потому, что человек и его сознание мыслятся ими как константные, неизменные, которые могут быть объяснены и в категориях настоящего.

Современные историки не разделяют этой позиции. Историческая наука сегодня стремится выйти из традиционных для нее амплуа рассказа о героях, выдающихся политических событиях или иллюстрации неотвратимости действия «объективных» сил и закономерностей, стоящих над человеком. Она стремится проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов, за идеологическую сферу, присутствующую в каждом историческом памятнике, проникнуть в социально-психологический мир его создателей, выраженный бессознательно и порой иррационально. Люди живут «во времени» — в конкретной и живой действительности — и только в этой конкретной среде их собственного времени, считают современные историки, они могут быть поняты — может быть объяснен смысл их действий, поступков и формы их жизни. Ибо люди прошлого вели себя, руководствуясь иным смыслом, специфичным для того периода истории, в который они жили. Соответственно, «необходимым и неизбежным предварительным условием любого исторического исследования, — считает А. Я. Гуревич, — является расшифровка символического языка» — ментальности, присущей данному обществу и специфичной для каждого периода истории. Она проявляет себя не только в идеологических высказываниях, но и в стереотипах поведения, речи, жестах, обычаях, привычках, пронизывая все формы человеческого поведения и все сферы общественной жизни.

Таким образом, термин «новая историческая наука» имеет в виду новое ее качество, как науки аналитической, предметом изучения которой являются не изолированные факты политической, гражданской, хозяйственной истории, не закономерности общественного развития, как бы возвышающиеся над человеком и определяющие его жизнь, но сам человек как субъект истории, главное действующее лицо, во всех проявлениях своей социальности — человек в группе, в обществе и само это общество в его «тотальности» — как целостный единый организм в его внутренних взаимосвязях и функционировании, жизнедеятельности. Мы имеем дело, следовательно, с формированием нового исследовательского сознания в исторической науке, ориентированного на восприятие исторических обществ как социокультурной целостности. Что это означает?

Ключевым для этой концепции изучения истории является понятие «картина мира», вводимое новой исторической наукой. Вот как раскрывает содержание его А. Я. Гуревич, один из энтузиастов разработки новой методологии. «Картина мира, — пишет он, — есть продукт культуры в антропологическом смысле этого понятия и

всякий, кто принадлежит к данному обществу, не может не разделять этот взгляд на мир и не интериоризировать ту сетку культурных координат, которая заложена в человеческое сознание. Эти координаты (время — пространство, личность, социум, оценка права и обычая, осознание труда, богатства, бедности, отношение к смерти, представления о потустороннем мире, соотношение земного и трансцендентного, восприятие истории, источники страхов, «культура стыда», «культура вины» и т.д.) — коренные категории сознания. Люди воспринимают и моделируют действительность при посредстве этих категорий и только через них. *Вне этой системы невозможна никакая деятельность, ее предусловием являются эти категории» (Гуревич А. Я.* От истории ментальности к историческому синтезу//Споры о главном. М., 1993. С. 26).

Картина мира, предостерегает исследователь, это — отнюдь «не верный слепок» с действительности. Напротив, она представляет ее в трансформированном, подчас до неузнаваемости, виде. «Фрагменты внешней реальности подвергаются в сознании переработке в соответствии с заложенной в него и владеющей им картиной мира. Поэтому вполне естественно, что поведение людей соответствует не столько объективным условиям их существования, сколько их картине мира, навязанной им их языком и всеми вообще языками культуры, религией, воспитанием, социальным общением» (Там же).

Каждой эпохе всемирной истории присуща своя исторически обусловленная «картина мира». Фрагменты, категории ее присутствуют во всех сферах человеческой деятельности. «Невозможно адекватно понять какую-либо сферу общественной жизни, не пытаясь расшифровать категории картины мира. В противном случае историк подвергает себя риску исказить и модернизировать историческую действительность» (Там же. С. 27). Понять историческое прошлое в единстве «идеального» (системы мировидения), материальных условий жизни и социальной практики людей — такова главная стратегическая ориентация «новой исторической науки», передовой отряд которой составляют сегодня историки-медиевисты, исследователи Европейского Средневековья.

Новая историческая наука — не изобретение кабинетных ученых. Она родилась в ходе мощного интеллектуального движения за обновление исторического знания. Давшее знать о себе в первые десятилетия нынешнего столетия практически во всех европейских странах, это движение в полной мере развернулось с конца 60-х годов, сформировавшись окончательно в 70—80-е годы. Наиболее полное и последовательное концептуальное выражение «новая историческая наука» (или «новая социальная история», «историческая антропология», как ее также называют) получила во Франции, где центром притяжения и консолидации историков этого направления стал журнал «Анналы экономической и социальной истории», созданный в 1929 г. в Париже историками-медиевистами Марком Блоком и Люсьеном Февром (отсюда еще одно не совсем точное наименование данного направления «Школа «Анналов»). В России начало обновления исторического знания связано с исследованиями Л. П. Карсавина о средневековой религиозности и М. Н. Бахтина о смеховой культуре Средневековья. В настоящее время разработкой проблем новой исторической науки занимается широкий круг исследователей, работы которых нашли отражение и в данном издании.

Историк познает прошлое на основе изучения документов, свидетельств эпохи, т.е. источников. Ориентация современных исследователей на «тотальную» историю: их стремление соединить воедино знания об объективных условиях жизни людей с их представлениями о мире, в котором они живут («картина мира», «мир воображения»), чрезвычайно расширила круг и состав используемых источников, обогатив одновременно и методы их анализа. Историки ввели в свой научный оборот литературные памятники, фольклор, иконографию и, соответственно, некоторые литературоведческие, этнографические и искусствоведческие приемы их анализа. Они широко используют также понятийный аппарат и постановки вопроса, свойственные современной социологии и психологической науке. Исследовательская база и инструментарий современной исторической науки обогатилась за счет материалов археологии Средневековья и раннего Нового времени — новой

дисциплины, родившейся в послевоенные годы. Благодаря археологическим раскопкам средневековых поселений, широко развернувшимся в 60—70-е годы в различных частях Европы, была заложена основа для пересмотра традиционных представлений о городском развитии и урбанизационных процессах, также как и об аграрной истории доиндустриальной эпохи. Археологические исследования способствовали прояснению целых исторических периодов, в частности так называемых «темных веков», когда, опираясь на греко-римское, кельтско-германское, славянское наследие и иудейско-христианскую традицию, рождалась средневековая цивилизация.

Новые подходы, новые источники и новые ракурсы их рассмотрения нашли выражение в чрезвычайном расширении «владений» — тематики исторической науки, в создании огромных «опытных полей». Это — история материальной культуры и повседневности (орудия труда, предметы быта, технология производства, жилища, питание, костюм и т. д.); историческая демография, история женщины и детства, изгоев феодального общества (бедняки, иноверцы, «презренные» профессии и т. п.); представления о времени и пространстве, болезнях, смерти, потустороннем существовании; социальные страхи, вера в чудеса и ведовство, грезы о конце света; «социологические» представления: об общественном устройстве, дифференциации общества, власти, чести, свободе, праве и т. д.

Впечатляющим результатом этого масштабного эксперимента, происходящего в мировой науке на протяжении почти четырех последних десятилетий, явилось открытие «иного» Средневековья, как специфической цивилизации, принципиально отличающейся как от Древности, так и от современной культуры. Тем самым был похоронен так долго господствовавший над нашим сознанием, восходящий еще к эпохе Возрождения миф о «темном Средневековье». Напомним, что термином «средние века» (или «средний век» — лат. medium aevum) гордое гуманистическое сознание XV—XVI вв. обозначило большой исторический отрезок между двумя «просвещенными» эпохами — между Древностью (Античностью) и Возрождением, уже самим названием подчеркнув, что эта эпоха была «не-настоящей», «не-самостоятельной», а каким-то провалом между двумя «царствами света».

В новых исследованиях Средневековье предстает перед нами как эпоха со своими особыми социальными отношениями и особой культурой. Это время господства феодального способа производства и аграрной стихии (особенно в ранний период) и соответствующих специфических общественных форм существования: поместье, где господин с помощью труда зависимых людей удовлетворяет большую часть своих материальных потребностей; монастырь, отличающийся от обычного поместья лишь тем, что его хозяин — «коллективный сеньор» и что здесь время от времени встречаются люди грамотные, способные переписать книгу и имеющие для этого достаточный досуг; королевский двор, который переезжает с места на место и организует свою жизнь и управление по образцу обычного поместья. С X—XI вв. в этот аграрный мир вторгается город. На первых порах он еще остается в административном и политическом подчинении у поместья-сеньории, в идеологическом — у монастыря; хозяйственная и социальная жизнь раннесредневекового города пронизана феодальными принципами и господствующая верхушка горожан стремится подражать сеньорам. Постепенно город подтачивает основы Средневековья, сам мало-помалу преобразуясь и преобразуя своих «противников» — феодальных сеньоров. В острой социальной борьбе между крестьянами и феодалами, между городами и сеньорами, между различными группировками внутри феодального класса, между носителями централизации и приверженцами сепаратизма Средневековье постепенно подошло к своему концу.

Средние века оставили нам огромное политико-культурное наследие. Именно в Средние века сформировался европейский мир в современных его пределах и этнических границах, и именно тогда было положено начало полосе географических открытий — освоению мира вне европейского континента. Было создано понятие сословной чести и рыцарского служения даме. Появились первые представительные учреждения: парламент, генеральные штаты, сеймы, рейхстага. «Темному» Средневековью мы обязаны не меньшим количеством изобретений, чем

«просвещенной» Античности. В эту эпоху научились ходить под парусом против ветра и надели хомут на вола, что коренным образом изменило систему упряжи; освоили стойловое содержание скота и стали применять удобрения; научились играть в футбол и изготовлять спирт. И именно в средние века античное изобретение — ветряная мельница получила всеобщее распространение. К классическому Средневековью восходит и появление пуговицы и очков, а также основных элементов современного костюма (юбка и брюки).

Дискуссии традиционно вызывает вопрос о периодизации средних веков. Это не должно удивлять. Средневековье — большая историческая эпоха, она не установилась в один день и ее хронологические грани представляются размытыми и неопределенными. Ее начинают обычно с условной даты — с падения Западной Римской империи в 476 г., хотя это событие — смещение последнего западноримского императора Ромула-Августула и отсылка его императорских инсигний в столицу Восточной империи, в Константинополь, — не было воспринято современниками как факт первостепенной важности, да и на самом деле не было таковым. Более правильным, возможно, было бы проводить хронологическую границу между Античностью и Средневековьем где-то в конце VI или в начале VII столетия, после вторжения лангобардов в Италию и окончательного упадка последних очагов римской городской жизни. Концом Средних веков в отечественной историографии традиционно принято считать Английскую буржуазную революцию середины XVII в., но уже последние века перед ней, окрашенные печатью Возрождения и Великих географических открытий, носят совершенно особые, далеко не средневековые черты. Видимо поэтому современные исследователи все больше и больше склоняются к тому, чтобы выделить особо период, который начинался с середины XV — начала XVI вв., как самостоятельную эпоху раннего Нового времени. Впрочем, и в этом случае не следует преувеличивать связь с Новым временем: умственные структуры («картина мира»), ценностные ориентации, свойственные средневековому сознанию изживали себя медленно. С этой точки зрения Средневековье, — пишет выдающийся современный французский историк Жак Ле Гофф, — «длилось, по существу, до XVIII века, постепенно изживая себя перед лицом Французской революции, промышленного переворота XIX века и великих перемен века двадцатого. Мы живем среди материальных и интеллектуальных остатков Средневековья» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М,, 1992. С. 5—6).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

КРИЗИС МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Конец XX в. — время складывания новой методологии истории. Позитивизм конца прошлого столетия, столь много давший нам в разработке приемов анализа текстов, окончательно исчерпал себя. Марксистская методология истории, извращенная догматизмом эпохи «реального социализма», рушится на наших глазах, несмотря на то, что, с нашей точки зрения, было бы желательно, чтобы Маркс, очищенный от компрометирующих его учение измышлений наследников, оставался в числе тех, кто вдохновляет современные исследования в области истории и других общественных наук. Квантитативная (количественная) история, сыгравшая в свое время полезную роль, ныне обнаружила ограниченность своих возможностей. Известны неоднократные попытки вернуться к повествовательной, событийной истории, утратившей, однако, свой престиж.

Не осталась без изменений и история, развивающаяся в русле «Анналов». С одной стороны, благодаря достигнутым в прошлом успехам, она как бы истощила свой потенциал, с другой стороны, она и сегодня в состоянии легко парировать

легковесные обвинения в так называемом «раздроблении» и «распылении» истории. Переживая переломный этап в своем развитии, она ищет ныне новых, междисциплинарных контактов с социальными науками и стремится заложить основы компаративистской глобальной истории. Этот подход, намеченный еще Марком Блоком, предполагает создание истории, которую следует считать именно «общей», «тотальной» (generale), а не «всеобщей» (universelle).

2.

ОТ ИСТОРИИ ИДЕЙ К ИСТОРИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ

Обновленная методология истории складывается как целостность не на пустом месте. Она возникает во взаимосвязи с новой политической историей и новой историей власти, каковые охватывают историю символов и мира воображения; она строится также на обломках прежней истории идей, неприемлемой для изучения современной исторической проблематики. В рамках этого движения исторической мысли можно вычленить несколько направлений. Они выступают как наследие истории, развивающейся в русле «Анналов», и прежней истории идей. Среди этих направлений назовем три: 1) историю интеллектуальной жизни, которая представляет собой изучение социальных навыков мышления; 2) историю ментальностей, т.е. историю коллективных автоматизмов в ментальной сфере; 3) историю ценностных ориентации.

Как известно, общество не может существовать ни без целеполагания, ни без грез и мечтаний. История этих мечтаний и грез — это история признаваемых им ценностей, образцов деятельности и индивидуумов, и социума в целом.

Понятие ценностной ориентации заменяет собой понятие идеи как движущей силы, выработанное в философии конца XIX века. Это представление было тесно связно с общим состоянием тогдашней науки, в которой идея как движущая сила ассоциировалась с физической силой. Ныне это представление преодолено.

Понятие ценностной ориентации отличается рядом черт. Оно позволяет учитывать при изучении истории динамику, изменение; оно охватывает феномен человеческих *желаний* и устремлений; оно восстанавливает *этику* прошлых обществ. Широко опираясь на достижения истории представлений, история ценностных ориентации помогает структуировать ряд исторических явлений, понять влияние этих ориентации на эволюцию общества, экономики, философии, культуры и политики. Так, например, важно проследить социальное воздействие тяги (или, наоборот, отвращения) к выгоде, притягательности рационального (или, наоборот, иррационального), влечения к прекрасному (или же лишь к полезному), склонности к иерархичности (или, наоборот, к равенству). Изучение истории ценностных ориентации может опираться на историю чувств, инициатором которой в современной историографии был Люсьен Февр (вместе с Марком Блоком)

3.

ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Главная задача историка — выявить, определить и объяснить происходящие изменения. Соответственно очень важно, чтобы историк анализировал периоды важнейших изменений в ценностных ориентациях. Эти изменения видятся мне сущностными характеристиками любой периодизации истории. Ведь для историка овладение прошлым зависит, в частности, от его способности строить убедительные схемы периодизации и разрабатывать различные системы внутри наиболее общих и масштабных...

Полезно вернуться к урокам М. Блока: «Человеческое время всегда будет сопротивляться строгому единообразию и жесткому делению на отрезки, которые свойственны часам. Для него нужны единицы измерения, согласующиеся с его собственным ритмом и определяемые такими границами, которые часто — ибо того требует действительность — представляют собой пограничные зоны. Лишь обретя подобную гибкость, история может надеяться приспособить свои классификации к «контурам самой действительности.., а это, собственно, и есть конечная цель всякой науки» (Блок *М.* Апология истории. М., 1973. С. 101).

Об истории вообще можно сказать то же, что Блок написал о литературе: «Она почти неизбежно тянет за собой множество унаследованных тем, формальных приемов, старых эстетических условностей — и все это причины ее отставания. «В один и тот же период, — тонко замечает Фосильон, — политика, экономика и искусство не находятся (я бы скорее сказал: «никогда не находятся» — М. *Б.)* в точках равной высоты на соответствующих кривых». Но именно благодаря такому разнобою и создается ритм социальной жизни, почти всегда неравномерный» (Там же. С. 84).

Итак, изменчивость, пластичность, разнобой кривых, составляющих историю, но также и внезапное схождение их в пучок, происходящее благодаря осознанию людьми соответствующих реальностей. «Историк никогда не выходит за рамки времени, но, вынужденный двигаться внутри него то вперед, то назад, он то рассматривает большие волны родственных феноменов, проходящих по времени из конца в конец, то сосредоточивается на каком-то моменте, где эти течения сходятся мощным узлом в сознании людей» (Там же. С. 85). Блок призывает к осторожности по отношению к утвердившемуся в XIX в. хронологическому идолу историков: вместо наполненного неопределенностью и мистикой понятию «век» у древних, вместо претенциозных привязок к имени личности («век Перикла», «век Людовика XIV») появляется арифметическое исчисление столетия с первого года нашей эры: «Среди неразберихи наших хронологических классификаций незаметно возникло и распространилось новое поветрие, довольно недавнее, как мне кажется, и во всяком случае тем более заразительное, чем меньше в нем смысла. Мы слишком охотно ведем счет по векам» (Там же. С. 97). Именно исходя, с одной стороны, из понятия ценностных ориентации, а с другой — из гибкой периодизации, для которой генезис явления не совпадает с арифмтическим веком, я хотел бы показать формирование одного из таких «узлов», о которых говорил Марк Блок.

Мне кажется, что между серединой XII в. и серединой XIII в. (датировка очень приблизительна) я выявил глубинное изменение основной совокупности ценностных ориентации в западном обществе. Этот решающий поворот произошел, я полагаю, под воздействием осознания значительной частью мужчин и женщин того времени громадного подъема, который когда-либо знало христианское общество Западной Европы после 1000 г. и который в целом продлился до середины XIII в. (хотя и не был вполне одновременным в разных регионах). Этот подъем (с большей или меньшей интенсивностью и с хронологическим смещением в зависимости от места и социальных условий) затрагивал самые разные сферы: технологическую, экономическую, художественную, религиозную, социальную, интеллектуальную, политическую. И на все эти сферы накладывала свой отпечаток система ценностных ориентации. Все эти сферы вместе взятые составляли некую

историческую структуру, которую, однако, следует анализировать вне всякого мертвящего противопоставления базиса и надстройки. В условиях всеобщего взаимодействия этих сфер та или иная из них становилась в ходе общей перестройки ведущей. Это был то рост городов, то аграрная революция, то демографический рост, то появление схоластики и нищенствующих орденов, то складывание сильного государства, то трансформации крестьянства, то появление новых общественных слоев в городе; в любом случае каждое из этих явлений находилось во взаимодействии со всеми другими...

Ле Гофф Ж. ***С*** **небес на землю//Одиссей. Человек в истории.** М., 1991. С. 24—28.

РАЗДЕЛ I

У ИСТОКОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РИМ И ГЕРМАНЦЫ

До середины V в. большая часть стран Западной Европы выступает как часть Римской империи. В ее состав входили территории современных Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Англии и Южной Шотландии, Южной Голландии, Швейцарии, Юго-Западной Германии, Южной Австрии. Под властью римского императора эти территории были объединены с балканскими провинциями, а также с Малой Азией, Сирией, Египтом и Северной Африкой. На западе границей огромной империи был Атлантический океан, на севере — Рейн и Дунай, на востоке — Евфрат, а на юге — пустыни Африки. Несмотря на формальное сохранение единства Империи, к концу IV в. происходит окончательное политическое разделение ее восточной и западной частей. Наконец, уже в V в. в результате массового вторжения германских племен Западная империя прекращает свое существование.

Историю средних веков и начинают обычно с падения Западной Римской империи, ставшего политическим выражением того социального переворота, который осуществлялся в ходе длительного процесса взаимодействия, слияния и преодоления пережитков римской античности и родоплеменных отношений варваров и привел к возникновению Новой, раннефеодальной Европы лишь через несколько столетий. Важнейшие предпосылки этого переворота складывались в процессе предшествовавшей внутренней эволюции позднеримского и варварского обществ: в общем кризисе античного общества и в динамике разложения родового строя германских племен, перемещавшихся вблизи границ и селившихся на территории Западной Римской империи.

Проблемы двух корней западноевропейской цивилизации и роли каждого из них в ее формировании, а также самого характера перехода от Античности к Средневековью многие десятилетия были предметом острых научных дискуссий, в которых необычайно ярко отразились идейно-политические и национальные пристрастия представителей различных течений в европейской историографии XIX— XX вв. В начале XX в. выдающийся русский историк Д. М. Петрушевский, отстраняясь от общих тезисов так называемых романистов, придававших римскому влиянию определяющее значение, и так называемых германистов, сводивших это влияние к минимуму, следующим образом обозначил круг и последовательность тех конкретных вопросов, которые предстоит решить исследователю, «интересующемуся исторической действительностью во всей ее конкретности и индивидуальности»: «Каким образом, вследствие каких причин, при каких условиях произошла смена древнего мира средневековым? Каковы причины падения античной культуры, и как оно произошло? Чем объяснить падение Западной Римской империи? Была ли она разгромлена германскими полчищами на высоте силы и могущества, или же мы имеем здесь дело с длительным процессом внутреннего разложения империи, ее культуры и ее политической организации, сделавшего неизбежным распадение империи на ряд варварских королевств? Если последнее верно, то чем был вызван и как совершился этот внутренний процесс и в чем заключалось его существо? И какую роль сыграли в этом процессе германцы?». (Петрушевский Д. *М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М., 1917. С. 34).

Современный взгляд на этот сложный узел проблем блестяще сформулировал французский историк Жак Ле Гофф в своей книге «Цивилизация средневекового Запада»: «Средневековый Запад зародился на развалинах римского мира. Рим поддерживал, питал, но одновременно и парализовал его рост... Этот шедевр консерватизма, каким была римская цивилизация, со второй половины II в. под воздействием сил разрушения и обновления подвергся эрозии. Мощный кризис III в. пошатнул постройку. Единство римского мира стало разваливаться; его сердце, Рим

и Италия, было парализовано и не снабжало кровью части тела империи, которые пытались начать самостоятельную жизнь: провинции сначала эмансипировались, а затем перешли в наступление... Если в кризисе римского мира III в. можно обнаружить начало переворота, благодаря которому зародится средневековый Запад, то варварские нашествия V в. можно рассматривать на законном основании как событие, ускорившее преобразование, придавшее ему катастрофический разбег и глубоко изменившее весь вид этого мира» (Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 9—10).

Последние века Римской империи

Достигнув своего наивысшего расцвета в I—II вв. н.э., Римская империя уже в конце II в. переживает первые симптомы упадка, а в середине III в. постепенно нараставшие негативные явления в экономике, управлении, духовной жизни сливаются в панораму всеобщего кризиса, который с особенной силой проявился в наиболее развитых западных провинциях и привел к углублению противоречий между центром Империи и ее периферией. Усиливаются центробежные тенденции, нарушаются хозяйственные связи между провинциями, сокращаются торговля и денежный обмен, приходят в упадок города, снижается уровень агрикультуры, падает урожайность, многие земли перестают обрабатываться. Часть хозяйств, использовавших труд рабов, разоряются: приток новых рабов уменьшается, а их цена растет. Происходят серьезные изменения в структуре и системе управления латифундий (так назывались крупные поместья богатых землевладельцев). Рабам позволяют заводить семьи и предоставляют в пользование орудия труда, скот, участок земли — так называемый пекулий. Одновременно с этим в результате произвольного повышения арендной платы прежде свободные земледельцы попадают в кабалу к латифундистам. Огромные латифундии, в которых основной рабочей силой стали зависимые земледельцы-колоны, превращаются в самостоятельные хозяйственные центры, с ремесленным производством, независимым от города. В городах же идет процесс прикрепления свободных ремесленников к профессиональным коллегиям, многие из которых переходят под патронат влиятельных лиц.

Растущая аграризация и натурализация хозяйства, колоссальная инфляция, подрыв благосостояния и сокращение традиционной социальной базы римского государства — муниципальных слоев — разрушают материальные основы центральной власти и заставляют все больше увеличивать налоги и повинности с населения, что ускоряет его разорение. Конечно, ухудшение экономического положения и усиление налогового гнета в первую очередь ощущались все более нищавшими свободными мелкими арендаторами, колонами, ремесленниками и мелкими торговцами. В сохранившихся надписях сельские жители молят «божественное непревзойденное величество» — императора «обратить внимание на страдания крестьянства, так как нам чинят препятствия сборщики налогов и их представители, угрожая нам, оставшимся, смертельной опасностью, и мы не можем из-за чинимых препятствий ни землю обрабатывать, ни выполнять платежи и повинности в будущем» (Надпись из Филадельфии в Лидии, середина III в. // Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. С. 333). Ожесточенная борьба за императорский престол и гражданские войны между претендентами, опустошительные набеги варварских племен усугубляют экономическую разруху, обескровливают и ослабляют Империю. Тяжесть налогового бремени, безудержный рост цен, беззаконие и произвол чиновников, грабежи варваров вызывают массовое недовольство. Вот как воспринимали римляне обстановку, в которой они жили:

«Смотри: дороги заняты разбойниками, моря заперты пиратами, всюду война, лагеря, кровавые ужасы. Весь мир орошен взаимно проливаемой кровью, и человекоубийство считается преступлением, только если его совершают отдельные лица, если же оно осуществляется публично, то считается доблестью...

...Пусть законы написаны на двенадцати таблицах, пусть они выставлены на меди для всеобщего сведения, перед лицом законов совершаются преступления, попираются права... Кто же оградит от всего этого? Патрон? Но он вероломен и обманщик. Судья? Но он торгует своими приговорами. Кто поставлен для пресечения преступлений, тот сам их допускает и, чтобы погубить невинного обвиняемого, сам судья становится виновным.

Нет никакого страха перед законами, никакого уважения ни к следователю, ни к судье. Что продажно, то не внушает страха.

И тех, кого ты считаешь богачами, переходящими от одного увеселения к другому, вытесняющими бедняков из своего соседства, беспредельно расширяющими во всех направлениях свои поместья, обладающими большим

количеством золота и серебра, у которых несметные богатства в деньгах, ссыпанных в кучи или зарытых в землю, и тех, среди всего их богатства, терзают беспокойство и опасение, как бы его не похитил грабитель» (*Фасций Цецилий Киприан.* Из послания Донату. Там же. С. 316).

Столь красноречивые документы эпохи позволяют историкам составить целостное представление не только об экономическом упадке и политической нестабильности в Римской империи III в., но и его психологическом воздействии на людей, об их субъективных переживаниях.

Впечатляющую картину кризиса III в. рисует В.И.Уколова: «...После падения династии Северов в 235 г. территория Империи оказалась охваченной разгулом военной анархии. Трон становился легкой добычей солдатских императоров, за пятьдесят лет он принадлежал двадцати двум Монархам. Рим, бывший еще недавно единой мощной Державой, распадался. Провинции провозглашали свою независимость от центральной власти, сражаясь из-за границ И устанавливая собственные пограничные кордоны. Больше не было единых законов. На местах право сменил произвол. Сила стала главным доводом в любых спорах и тяжбах.

Это была не только военная сила, но и сила денег, а деньги обесценивались. Исчезло из обращения золото, которое пряталось в тайниках предприимчивыми людьми, чтобы вновь появиться при стабилизации политического положения. Сенат являл собой жалкое зрелище. Споря о правовых основах государства, законодатели своими словопрениями оскорбляли даже память о римских законах.

Цены росли, исчезало продовольствие, что приводило к голоду среди значительной части населения. Никто не хотел работать: ни рабы, ни крестьяне, ни ремесленники. Городские магистраты и управители поместий не выполняли своих функций. Плебс бунтовал, требовал хлеба и смены власти. Человеческая жизнь потеряла всякую цену, а знаменитая «римская свобода» — всякие гарантии. Все это приводило к крайней психологической и духовной напряженности в обществе. Люди уже не верили в покровительство римских богов, процветали восточные культы. Популярнейшими фигурами стали маги, прорицатели, астрологи. Все жаждали чуда. Набирала силу новая религия, пришедшая из Иудеи — христианство» *(Уколова В. И.* Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 7).

И все же, при всей своей глубине и масштабности, кризис III в. содержал в себе и тенденции обновления, которые обеспечили временный успех реформаторских усилий, предпринятых правительством в конце века. Крупное поместье стало той основной ячейкой, вокруг которой происходил процесс перестройки всего римского общества. Приобретает новые черты широко распространившаяся аренда: с одной стороны, эмфитевсис — аренда с небольшой фиксированной платой и широкими правами арендатора по распоряжению участком, а с другой — мелкая аренда — прекарий, который постепенно становится условным долгосрочным или пожизненным держанием. Наряду с преобразованием некоторых видов поземельных отношений наблюдается трансформация связей патроната (покровительства) и превращение патроциниев III—IV вв. в форму личной зависимости мелких и средних землевладельцев от более могущественных соседей — патронов, «покровителей», которая вела, как правило, к потере права собственности на землю. Постепенно складывается и принципиально новая сословная структура: вместо популярного деления на свободных и рабов возникает сложная иерархическая система, состоящая из элитарной группы «светлейших» — clarissimi (которая с IV в. уже сама подразделяется на три разряда), «достойных» — honestiores и «смиренных» — humiliores, включающих наряду со свободнорожденными плебеями и неполноправные слои населения: колонов, отпущенников, а позднее — и рабов. В середине IV в. исчезает из социального строя Империи сословие всадников, растворившееся в имперской аристократии, в руках которой сосредоточились почти все земельные богатства и денежные ресурсы.

Нововведения не обошли и сферу политических отношений. В ходе кризиса распался союз между императорской властью, сенаторской аристократией, всадниками и высшими муниципальными слоями, который являлся одним из стержней политической организации общества. Рост могущества крупных

землевладельцев из числа всадников и некоторых наиболее богатых представителей муниципальной верхушки выдвинул их на ведущие позиции и в государственной системе. Наиболее заметные преобразования претерпевает политическое устройство Империи в эпоху императоров Диоклетиана (284—305 гг.) и Константина (306—337 гг.), которым удалось реанимировать центральную власть, временно стабилизировать положение и приостановить развал Империи, скрестив жесткими политическими оковами ослабленные экономическим спадом связи. Эта эпоха получила название домината и характерна радикальным изменением роли императорской власти, которая стала считаться абсолютной и священной. Император перестает быть *принцепсом* — первым среди равных, высшим магистратом — государственным должностным лицом. Он становится господином *(доминус),* «божественным владыкой», а римские граждане — его подданными. Решения римского сената потеряли свое значение: реальная власть сосредоточилась в императорском совете — «священном консистории».

Центральная администрация обрастала все новыми органами, напоминающими «Министерства»; штат канцелярий императоров и сановников, а также многочисленных ведомств по сбору налогов, их распределению, управлению императорским имуществом был неимоверно раздут.

Центральная власть стремилась ослабить роль наместников провинций и сделать их более доступными воздействию и контролю со стороны императора. Диоклетиан ликвидировал старое административное устройство Империи (с традиционным делением на императорские и сенаторские провинции, личные владения императора, колонии разного статуса) и разделил ее на Запад и Восток, а каждую из этих частей — на две префектуры. Каждый из четырех префектов вначале наделялся гражданской и военной властью, но в конце концов превратился в контролера провинциальной администрации на своей территории. Для того чтобы обеспечить эффективный контроль, Диоклетиан разделил всю Империю еще и на 12 диоцезов (в течение IV в. их число увеличилось до 14), поставив во главе каждого диоцеза заместителя префекта — викария. Из старых больших провинций было «нарезано» более сотни новых, значительно меньших по размеру, причем сам Великий Рим стал лишь одной из провинций.

Одним из средств контроля над местной администрацией были провинциальные собрания, на которых съехавшиеся из разных городских общин — муниципиев депутаты составляли петиции к императору с изложением жалоб и просьб своих избирателей. Но подлинный полицейский надзор за растущей как на дрожжах областной администрацией осуществлялся с помощью целой сети шпионов-агентов, так называемых curiosi, которым поручалось следить и за наместниками провинций, и за викариями. Бюрократизация аппарата управления приобретает характер цепной реакции: появление все новых должностей и канцелярий умножает число чиновников и учреждений, осуществляющих контрольные функции. Создается сложная иерархическая система с тщательно разработанной табелью о рангах, с множеством титулов и чинов от самого мелкого чиновника до правительственных верхов. Обладая многочисленными привилегиями и пользуясь высоким престижем, бюрократия превращается в противостоящую обществу самостоятельную силу.

«Все это до невероятных размеров разросшееся чиновничество требовало от государства огромных средств для своего содержания, и лежавшее на народе налоговое бремя становилось все тяжелее и невыносимее. Но народу приходилось не только платить казне на содержание бюрократии. Он принужден был отдавать часто последнее и непосредственно в руки самих чиновников: взяточничество, а то и прямой грабеж населения, сопровождаемый самыми возмутительными насилиями, отличали римскую бюрократию последних веков Империи не в меньшей мере, чем ее погоня за титулами и привилегиями и ее безграничное неуважение ко всякому праву и закону» *(Петрушевскип Д. М.* Очерки... С. 60—61).

На содержание огромной армии и государственного аппарата требовались материальные ресурсы, в целях мобилизации которых в 297 г. была проведена податная реформа. На основе всеобщей переписи составили поземельный кадастр (он должен был пересматриваться каждые пять лет), который устанавливал для каждого

муниципального округа определенное число податных единиц в зависимости от площади и качества земли (с учетом расположения участков и характера возделываемых культур), количества занятых на ней работников и поголовья рабочего скота. В соответствии с установленным числом податных единиц взимался прямой натуральный налог — аннона, а ответственность за недоимки возлагалась на муниципальный совет, т.е. на всех местных землевладельцев — декурионов. Крестьян и колонов принуждали платить подать и за прилегающие к их хозяйствам пустующие земли.

Константин ввел особый денежный налог на членов сенаторского сословия (дополнительно к поземельному натуральному налогу, который они платили как землевладельцы). Раз в пять лет собирался поимущественный налог золотом и серебром с торговцев и ремесленников, живших в городах. Средства от этого налога специально предназначались для раздачи императором подарков воинам (армия была увеличена вчетверо, в ней насчитывалось 75 легионов и около 400 тыс. человек), придворным и другим сановникам в очередной пятилетний юбилей своего царствования; иногда он взимался и чаще.

Но этим тяготы римских подданных не исчерпывались: и селяне, и горожане были обязаны государству всякого рода отработочными повинностями, которые могли быть востребованы произвольно и в любое время, включая страду. Большинство этих повинностей — а их насчитывалось около сорока — представляли собой ремонтно-строительные и транспортные работы; освободиться от них удавалось только людям очень богатым и влиятельным.

Сверхусилия, предпринимаемые центральной властью для сохранения единства Империи (и для собственного возвеличивания), ложились невыносимым бременем на население, подрывая его хозяйственные основы и вызывая новые глубокие изменения в социальном строе, что не только не способствовало упрочению централизации, но приводило к прямо противоположному результату. Так, стремясь обеспечить объем поступлений в казну, необходимых для снабжения армии и других государственных расходов, некоторые императоры пытались ограничить переход свободных крестьян и колонов под патронат местных магнатов и защитить декурионов и городской плебс от злоупотреблений крупных землевладельцев. Но на практике упрочившие свое экономическое положение и политическое влияние за счет приобретения налоговых иммунитетов и создания собственных военных отрядов из армейских ветеранов, все чаще получавших наделы не на муниципальной земле, а в частных владениях земельные магнаты нередко занимали высшие должности в управлении западных провинций, а иногда и в центральном аппарате. В 364 г. была учреждена должность так называемого дефенсора, т.е. защитника, который сначала назначался императором или префектом, а позднее стал избираться муниципальными общинами из среды наиболее видных декурионов. Но сама сфера деятельности муниципальных властей оказалась до крайности сужена режимом жесткой регламентации со стороны Императорского центра, а затраты на отправление неоплачиваемых должностей и бремя групповой ответственности декурионов за исправное поступление налогов сделали городские магистратуры и вовсе непривлекательными. Спасаясь от неминуемого финансового краха, многие декурионы покидали свои курии (городской совет), муниципальная жизнь угасала. Перед угрозой разрушения системы местного самоуправления, на которую оно опиралось, государство прибегает к самому радикальному средству: эдиктом 325 г., дополненным циркуляром 326 г., Константин Великий юридически прикрепляет тех, кто родился в сословии декурионов, или куриалов, к своей курии. Ни постановление самой курии, ни даже рескрипт императора не могли отныне освободить куриала от несения муниципальных повинностей той общины, к которой он принадлежал по рождению. Даже те из декурионов, кто к тому времени занимал какую-либо гражданскую или военную должность, должны были оставить ее и вернуться. Не подлежали принудительному возвращению в свою курию лишь те из декурионов, кто уже был римским сенатором. В течение IV и V вв. в государственных интересах были введены жесткие ограничения на право куриала распоряжаться своим имуществом, продавать, давать или завещать его. Превращение куриалов в

наследственное сословие тяглых людей, несущих из поколения в поколение бремя муниципальных повинностей и фискальной ответственности, было лишь одним из проявлений новых взаимоотношений между государством и обществом. Прикрепление к государственным повинностям распространилось и на другие социальные группы, придав им кастовый, неподвижный характер: сыновьям ветеранов предписывается поступать в военную службу, а сыновьям официалов (представителей имперской бюрократии) — в ту же канцелярию, в которой служил их отец, если они не желают быть записанными в сословие декурионов.

Та же участь постигла и низшие слои общества: крестьян, ремесленников, торговцев. Новые законы запрещают колонам переходить в другие сословия: в куриалы, в официалы, в войско. Они не позволяют землевладельцам сгонять колонов с возделываемых ими участков и отчуждать эту землю, но, с другой стороны, прикрепляют прежде свободных арендаторов к земле данного поместья. «Тот, у кого будет найден принадлежащий другому колон, — читаем мы в постановлении Константина от 332 г., — не только должен вернуть его туда, откуда он родом, но и должен заплатить подать, причитающуюся с колона за все то время, какое тот у него находился... А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковывать в кандалы, как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям» (Хрестоматия по истории Древнего Рима. С. 390). Постепенно из свободного арендатора колон превращается в неотторжимую часть поместья: в одном из эдиктов императора Феодосия прямо говорится о том, что «никто из колонов не может по своей воле уходить, куда хочет, как это может сделать свободный человек». Таким образом, экономическая зависимость колона-арендатора от собственника земли превращается в освященную законом и поддерживаемую государством власть землевладельца над колоном.

Возложив на латифундиста ответственность за поступление в казну следуемых с колонов натуральных платежей, государство наделяет его и целым рядом административных функций: представлять в суд привлекаемых к судебной ответственности колонов, улаживать тяжбы между ними, пресекать на месте мелкие правонарушения, поставлять рекрутов в императорское войско (только к середине V в. колоны уже не привлекаются к воинской службе). С течением времени зависимость колонов от землевладельца настолько увеличилась, а их социальный статус настолько понизился, что законодательство иногда не отличает лично свободных колонов от рабов и даже называет латифундиста их господином. Со временем стирается различие между так называемыми свободными колонами — *либери,* которые обладали значительными имущественными правами, и низшим слоем колонов — *адсприпции и оригинарии,* которые считались «рабами земли».

Одновременно шел процесс закрепощения и торгово-ремесленного населения городов. Некогда свободные профессиональные коллегии ремесленников стали объединениями, обязанными обслуживать потребности государства, неся натуральные повинности и по принципу круговой поруки. На первом этапе (при Диоклетиане) государственная повинность ложилась не столько на самого члена коллегии, сколько на его имущество: оставалась возможность выхода из корпорации, отказавшись от последнего. Однако в дальнейшем законы IV—V вв. лишают ремесленников и торговцев любого способа выйти из коллегии и грозят суровыми карами всякому, кто примет к себе беглого члена корпорации, пусть даже и в колоны.

Невыносимыми поборами и повинностями, реквизициями и конфискациями государство разоряло и фактически «проедало» своих подданных, которые предпочитали отдаться под власть и защиту земельного магната, расширяя таким образом его владения и сферу влияния. Крестьяне иногда целыми деревнями переходили под патронат «сильных людей», но попадали «из огня да в полымя». Крупные землевладельцы нередко использовали вооруженные свиты для подчинения себе окрестного свободного населения и для всевозможных вымогательств, строили укрепления в своих владениях, заводили собственные тюрьмы. Все большее обособление обширных владений магнатов, которые были изъяты из общей системы администрации и свободны от вмешательства государственных чиновников,

неизбежно усиливало центробежные тенденции. Между государством и колонами вставал господин — носитель целого ряда политических прав по отношению к сидящему на его земле населению.

Отчуждение римских граждан от центральной власти шло параллельно с отчуждением их от политической идеологии и культуры римского общества. Одновременно | ослаблялась их идейно-эмоциональная связь со своей об-j Щиной, исчезало ощущение принадлежности к родному *А* городу. На этой почве распространялись утопические 1 идеи — мечты о золотом веке, о наступлении вечного [1] мира, воображаемые картины царства социальной гармонии г и покоя, которые рисовались по принципу «от противно-« го» — отрицанием жестоких явлений реальной действительности. Так, например, в истории правления императоров, написанной около 400 г., анонимный автор «предвидит» то время, когда «жителю провинции не придется вносить аннону, для оплаты наемников не будут использоваться принудительные дары... Тогда не будет больше военных лагерей, не слышен будет звук труб, не нужно будет ковать оружие, солдаты, терзающие теперь государство гражданскими войнами, пойдут за плугом или займутся ремеслами, станут учиться наукам и плавать по морям, И никто не будет больше убит на войне». Системе жизненных приоритетов римских граждан переориентировалась с общественных и государственных интересов на частные, подвергалась эрозии складывавшаяся веками традиционная система представлений и ценностей, в основе которой лежало деление людей на свободных и рабов.

«...Нестабильность и нарастающее давление варварских племен на границы Империи порождали у людей страх и изматывающую беспечность безнадежности. Экзальтация и религиозный энтузиазм самого различного толка уживались с разгулом и изощренным развратом, спиритуалистические искания с грубейшими материальными устремлениями, жадностью, корыстью, полнейшим невежеством. Императорский двор и сенаторская аристократия погрязли в интригах, предательстве и измене. «Славный римский народ» также, по сути, перестал уже существовать, превратился в неорганизованные и разноязыкие толпы, которым было очень мало дела до великого прошлого Рима. Это тем более объяснимо, что население «Вечного города» и западных провинций давно уже не было этнически однородным, запад заполнили выходцы с востока и варвары, принесшие сюда свои религии, мировосприятие и обра: жизни... В этой вакханалии страха и разгула люди пытались найти выход: одни в гальванизации древних и иноземных языческих культов, другие — в аскетическом служении христианству...» *(Уколова В.И.* Поздний Рим... С. 12)

В последние века Римской империи *перестройка религиозного сознания общества* происходила в форме трагического противостояния христианства и язычества. Будучи религией, не признающей этнических и социально-правовых барьеров и декларирующей равенство всех перед богом («для бога несть эллина и иудея, ни свободного, ни раба»), проповедуя суетность мирских дел и «царство Божие внутри нас», христианское учение как нельзя лучше откликалось на духовные запросы людей, мятущихся в мучительных поисках идейно-нравственной опоры, и формировало мировоззрение грядущей эпохи. Еще в конце II в. христианский писатель Тертуллиан писал о духовном обновлении, направленном против старых порядков и законов, господствующих в обществе. Широкое распространение христианства на всей территории Империи в III в. несомненно было связано с переживанием кризисных явлений, в обстановке которых активность проповедников, внушавших обездоленным надежды на царствие небесное, была наиболее эффективной. Несмотря на жестокие гонения на христиан со стороны властей, обеспокоенных растущей популярностью христианских общин в муниципальной среде, христианская церковь становится внушительной и хорошо организованной силой. Не сломили христиан и преследования, которым они подверглись при Диоклетиане, беспощадно расправлявшемся с теми, кто не желал признавать божественность императорской власти. При Константине гонения на христиан были прекращены в 313 г. Миланским эдиктом, а позднее сам император стал христианином. Так началось многовековое сотрудничество церкви с государством. Римский епископ получил в качестве резиденции Латеранский дворец, а церковь —

важные привилегии, в том числе статус юридического лица, который позволял ей наследовать имущество, освобождал клириков от принудительного отправления муниципальных должностей, признавал юридическую правомочность решений епископов по светским делам. Ответные шаги не заставили себя ждать. Уже в 314 г. епископы Галлии, собравшись на синод, постановили, что христиане отныне не должны отказываться от службы в римской армии.

В 325 г. созванный императором I Вселенский собор (собрание всего высшего христианского духовенства) в Никее принял Символ Веры, призванный уладить богословские споры, создать основу для консолидации, очищения от еретиков и дальнейшей христианской экспансии в Империи. В IV в. римской церкви удалось, в частности, дать городам в лице епископа настоящего дефенсора, морально-религиозный авторитет которого был способен противостоять любой светской частной власти и у которого слабые и неимущие искали защиту от произвола «сильных людей» и даже от государства. Получив административные и судебные права, епископ становится во главе муниципия, совпадавшего с его епархией. Союз церкви с императором предоставлял последнему не только гибкую, компромиссную политическую идеологию, ослаблявшую социальное напряжение в больном обществе, но и окрепшую в тяжких испытаниях сплоченную организацию, которую можно было использовать во внутриполитических интересах.

В 381 г. христианство провозглашается государственной религией. Эдикты Феодосия запрещают отправление языческих культов, имущество упраздненных языческих жреческих коллегий отбирается в пользу государства, языческие храмы закрываются или разрушаются, настает черед язычников испытать гонения за веру. Таким образом, к концу IV в. население Римской империи формально стало христианским, основная масса была обращена в христианство в V в., но многие обращенные продолжали совершать традиционные языческие обряды, воспринимавшиеся как неотъемлемая часть повседневной жизни, особенно в сельских областях. Приверженность к язычеству сохранялась также в аристократической и интеллектуальной среде и не только по привычке к его внешним атрибутам или из-за чисто философских предпочтений, но прежде всего как к идейной основе своего собственного существования, которой христианство не давало никакой приемлемой альтернативы. «Философско-теологическое, мировоззренческое неприятие христианства сливалось в образованных слоях римлян с его политическим отторжением. Столкнулись не только два видения мира, две религии, но и две политические доктрины, и это столкновение в конечном итоге привело к гибели одной из противоборствующих сторон... Самыми стойкими язычниками оказались римские аристократы, для которых отказ от него был равносилен отрешению от славного прошлого Рима, от признания его вселенской миссии, — языческий культ и римская государственность в их глазах были неразделимы... Для них противостоять христианству означало противостоять всему не-римскому, варварскому. Великое наследие Рима, его слава должны были быть переданными потомкам, и даже императорам не дозволено было посягать на них...» Органическая несовместимость систем ценностных ориентации и нравственных принципов христианства и позднего язычества особенно ярко проявилась в аргументах сторон по так называемому делу об алтаре Победы, который император Грациан приказал в 382 г. вынести из курии сената. Блестящий представитель сенаторской аристократии Квинт Аврелий Симмах настаивает на том, что право древней религии на жизнь освящено авторитетом великого прошлого Рима и уважением предков, а следование их примеру и обычаям служит укреплению духа народа. Каждый народ имеет свои обычаи и культы, которые должны быть равны перед государством. Напротив, епископ Милана Амвросий призывает всех «обратиться к истинному богу», «отбрасывает принцип веротерпимости, признавая безусловное право на существование лишь за ортодоксальным христианством, все еретические течения которого, так же как и язычество, должны были подлежать искоренению» (Уколова *В.И.* Поздний Рим... С. 22—33).

Обращение церкви к власти и принуждению не избавило ее от внутренней борьбы и угрозы расколов, от образования все новых еретических течений (к концу IV в. их

насчитывается более 150), часть которых, соединяясь с сепаратистскими тенденциями и массовыми народными движениями того времени, составляла их идейную основу и придавала им форму религиозного протеста. Так, в середине IV в. на базе ереси агонистиков (одно из течений донатизма, выступавшего против вмешательства государства в дела Церкви и за очищение ее от мирской скверны) в Северной Африке получило широкий размах так называемое движение Циркумцеллионов, направленное против ростовщиков, земельных магнатов, сборщиков налогов и высшего церковного клира.

Но внутрицерковные проблемы не ограничивались теологическими разногласиями, единству церкви угрожала и личная борьба за власть между «добрыми пастырями заблудшего Рима», и союз с государством только обострил эти противоречия. Дело доходило до вооруженных столкновений с сотнями жертв между сторонниками соперничающих претендентов на епископскую кафедру и престол римского первосвященника. Христианский автор Аполлинарий Сидоний писал в своем послании папе Агроцию: «Востребованный постановлением граждан, я прибыл в Битуриги. Причиной призвания было шаткое положение церкви, которая утратила недавно своего верховного понтифика и как бы протрубила сигнал к домогательству священного сана для сословий того и другого звания. Взроптал народ, разделенный на две партии. Некоторые выдвигали в кандидаты ближних, многие — себя, и не только выдвигали, но продвигали штурмом. Если по мере сил ты делаешь у них что-нибудь по-божески и по правде, то тебе противостоят всяческое легкомыслие, непостоянство, лицемерие; да что говорить! — неизменно у них только бесстыдство. Я бы осмелился сказать — если Вы не сочтете мои жалобы преувеличением — что многие до того наглы и отчаянны, что не боятся добывать святое место и достоинство за взятку; они бы давно уже сумели вынести дело на торжище и аукцион, если бы при наличии и готовности покупателя налицо оказался также пропащий продавец» (Хрестоматия по истории Древнего Рима. С. 413— 414).

Общий упадок середины V в. повлиял на христианские общины, которые оказались в бедственном положении во многих провинциях. «...Большое число областей лишено высшего священства, так как по смерти епископов не заступали следом их место преемники, которые хотя бы избирали служителей низших рангов; эти округа очерчивают широкую границу духовного разрушения... Нет никакой заботы о безлюдных епархиях и приходах. В церквах можно видеть гнилые обломки рухнувших крыш; двери базилик сорваны со створок и вход заграждают ветки дикого терновника. Можно видеть даже — увы! — скот, лежащий в полуоткрытых притворах и даже пасущийся на травке около цветущих алтарей. Запустение — не только в сельских приходах, редеют даже сборища в городских церквах. Какое утешение осталось у верных, когда у клириков исчез не только порядок, но даже воспоминание о нем! Ибо если умирает какой-нибудь клирик и вместе с ним угасает благословение, так что он не имеет наследника своего достоинства, то в такой церкви умирает священство, а не священник...» (Из послания Сидония папе Василию. Там же. С. 414—416).

Как можно заключить из сказанного, в обществе поздней Империи сложились определенные формы отношений и институты, имевшие перспективу развития: сословная собственность, разделенность и опосредованность владельческих прав (от верховного собственника — императора через собственность сенатора к прекарным, на определенных условиях правам колона), корпоративная организация всех групп населения в соответствии с характером трудовой деятельности, исполняемых повинностей и местом в социальной иерархии и, наконец, сама система натуральных платежей арендаторов вместо непосредственного использования рабского труда. В это время сформировалась и окрепла новая общественная сила — христианская церковь, которая, создав духовные и организационные предпосылки АЛЯ совместного существования римлян и варваров, оказалась в дальнейшем в состоянии стать опорой постимперского общественного порядка.

Система домината была призвана в новых социально-экономических условиях сохранить политическое единство римского мира — объединенных римским оружием стран и народов трех континентов. Реформы эпохи домината действительно

продлили римскому государству жизнь примерно на полтора столетия, отсрочив его гибель, казавшуюся в середине III в. очень близкой. Но средство спасения — политика тотального фискального грабежа и наследственного прикрепления всех слоев населения к своему ярму, — поставив все общество на службу государству, исчерпала жизненные силы Империи и привела, в конечном счета, к обратному результату. И все же ослабевшая Империя не просто рухнула под собственной тяжестью. Римское государство погибло в результате германского завоевания. Социально-политические процессы III—V вв. невозможно понять, не учитывая мощного «внешнего» фактора — давления со стороны варварской периферии, которая, по существу, составляла с ним единое целое. В ходе беспрерывной борьбы позднего Рима с варварами их племенные союзы внедрились в общественный и политический организм поздней Империи и превратились уже фактически из внешнего во внутренний фактор ее последующей истории.

Варварский мир

Что же представляли собой те варвары, которые «завоевали» и разрушили Римскую империю? Главную роль в этом процессе сыграли германские племена. Слово «германцы» — не самоназвание, этот термин применяли античные авторы для обозначения народов, живших севернее Альп и восточнее Рейна между кельтами и сарматами.

Основными источниками о древних германцах до самого последнего времени были сочинения античных писателей, среди которых первостепенное значение имеют «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря (середина I в. до н.э.) и «Германия» Корнелия Тацита (конец I в. н. э.). Многим поколениям историков приходилось внимательно вчитываться в лаконичные, порой загадочные формулировки этих авторов, пытаясь прояснить их смысл. Нередко разноречивые выводы исследователей строились на основе совершенно искусственных толкований тех нескольких фраз аменитых римлян, которые донесли до нас информацию о жизни германских племен на пороге новой эры.

Между тем по поводу возможности принимать на веру все, что сообщается Цезарем и Тацитом, высказывалось много сомнений. Одни историки утверждали, что Цезарь имел сведения лишь о свевах и о германцах, переселившихся в Галлию, но распространил их и на прочие племена, другие — обращали внимание на то, что Цезарь писал для римской публики и поэтому на точность сообщаемого не обращал особого внимания и преследовал только свои собственные политические цели. Некоторые называли Тацита всего лишь плохим компилятором Цезаря и ряда других авторов, тогда как их оппоненты считали его сведения о германцах точными и ясными, основанными на критической переработке как имевшихся в его распоряжении письменных источников, так и устных сообщений римлян, служивших на Рейне и Дунае, и германцев, живших в Риме или приезжавших туда.

Кроме того, привлекались и вспомогательные методы: сравнительно-исторический, основанный на изучении особенностей общественного строя древних германцев в сопоставлении с известными этнологам данными об общественном строе других племен, находящихся на примерно той же стадии развития, и ретроспективный, позволяющий сделать некоторые выводы из анализа германского общества в более позднее время. Но именно использование этих методов, расширив информационное поле исследователей, завело их — в отсутствии строгой системы неоспоримых доказательств — в тупики длившегося многие десятилетия противостояния общинной (марковой) и вотчинной теорий. Споры концентрировались главным образом вокруг следующих вопросов. Были ли германцы в эпоху Цезаря кочевниками и какую роль играло у них земледелие? Какова была форма собственности на землю у германцев в эпоху Тацита: общинная или индивидуальная? Спектр ответов на эти вопросы был весьма широк: от номадизма (кочевни-чества) до высокоразвитого земледельческого хозяйства (более умеренные точки зрения включали переходную стадию от кочевничества к оседлости, «кочевое земледелие», переложную систему земледелия) и от первобытнообщинного коммунизма до частнособственнического землевладения поместного типа.

Согласно марковой (общинной) теории выдающихся немецких историков середины XIX в. Георга Людвига Маурера, Георга Вайца и их последователей, первой формой организации землепользования и поселений при переходе германцев от кочевой жизни к земледелию было общинное устройство, а система ежегодных переделов земли и сменившая ее впоследствии система наследственных наделов с чересполосицей и принудительным севооборотом выражали общность собственности на землю всех членов марки. Напротив, сторонники так называемой классической вотчинной теории (Карл Теодор Инама-Штернег, Карл Лампрехт и др.) полагали, что во времена Тацита в связи с переходом германцев от полукочевой жизни к более прочной оседлости пахотная земля стала делиться между членами общины, которая постепенно в период расселения германцев на римской территории превратилась в объединение самостоятельных хозяев-соседей. Наконец, на рубеже XIX и XX вв. на

основании весьма произвольного истолкования свидетельств Цезаря и Тацита был осуществлен полный пересмотр и отрицание обеих упомянутых теорий. Французский историк Фюстель де Куланж, а вслед за ним представители страсбургской школы аграрной истории (Вернер Виттих, Франк Гутманн и др.) утверждали, что исконной формой земельной собственности у германцев была не общинная, а индивидуальная, и сама община-марка в эпоху Тацита состояла не из «простых свободных», а из мелких вотчинников. В начале XX в. австрийский историк Альфонс Допш выдвинул «новую вотчинную теорию», согласно которой у германцев, по крайней мере со времен Тацита, существовала частная собственность на землю и вотчинное землевладение.

В отечественной медиевистике представления об аграрных отношениях древних германцев естественно строились на основе все тех же «Записок» Цезаря и «Германии» Тацита. Пожалуй, наиболее тонкий, можно сказать виртуозный, анализ текста источника с тщательным сопоставлением содержащихся в нем прямых и косвенных указаний, терминологических особенностей и внутренних противоречий был продемонстрирован Н.П.Грацианским в статье «К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря», который пришел, в частности, к выводу о том, что «картина, рисуемая Цезарем, есть яркая иллюстрация быта полукочевого народа, переходящего к земледелию... Не может быть и речи о какой бы то ни было собственности на землю. Свободного пространства еще слишком много, чтобы заявлять на него какие-либо притязания. Оно ничье... и лишь временно находится в пользовании или владении у отдельных родственных соединений... Проходит 150 лет — и многое в этих порядках коренным образом изменяется... Достаточно даже беглого чтения «Германии», чтобы понять, что здесь вырисовывается уже не то германское общество, которое описывал Цезарь... Германец твердо осел на одном месте и не хочет больше бродяжничать. Пастушеские занятия он уже не хочет предпочитать земледелию, умея искусно комбинировать и то, и другое... Вместе с тем фактически возникает и земельная собственность — родовая или семейная, связанная с индивидуальным (подворным) землевладением и переложною системою землепользования. Именно в этом смысле, как нам кажется, и следует понимать знаменитую XXVI главу из «Германии» Тацита» (Грацианский *Н. П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960. С. 67—70. Впервые статья была опубликована в 1913 г.).

Однако позднейшие археологические и текстологические исследования доказали несостоятельность тезиса о преобладающем значении скотоводства и подсобном характере земледелия у древних германцев. Их перемещения стали объяснять не особенностями хозяйственного уклада, а демографическими, климатическими, внешнеполитическими и другими причинами. Найденные в результате раскопок костные остатки и металлические предметы опровергли представления об охоте как одном из основных занятий германцев и об отсутствии у них кузнечного ремесла.

В поисках новых аргументов историки стремились максимально расширить свою информационную базу. С середины XX в. все большее значение стали приобретать археологический материал, отражающий материальную культуру древних германцев, данные исторической географии, позволяющие установить ту естественную среду, в которой они обитали, а также сопоставление и лингвистический анализ ряда хозяйственных и социальных терминов в различных германских и родственных им языках. На современном этапе развития исторической науки речь идет по существу о комплексном, комбинированном анализе всех имеющихся прямых и косвенных, письменных и иных свидетельств, который, разумеется, включает и их последовательную, многократную взаимную перепроверку.

Представленные в Приложении тексты (стр. 57—90) принадлежат перу трех выдающихся российских историков: Д. М. Петрушевского, А. И. Неусыхина и А. Я. Гуревича. Это фрагменты работ, которые были созданы соответственно в 1907 г., в 1948—1949 гг. и в 1985 г. А.И.Неусыхин был учеником Д. М. Петрушевского и, в свою очередь, учителем А. Я. Гуревича. Тем не менее, концепции всех троих существенно отличаются друг от друга. Они отражают не только личные позиции и методологические установки исследователей, но также сумму накопленных знаний и

общее состояние исторической науки в разные годы, и позволяют судить о том, какой путь она прошла в XX в.

***

Основным центром поселений германцев в древности был юг Скандинавии — территория современной Дании. Переселение племен в глубь континента и в восточные приморские районы началось очень рано. В первые века нашей эры германцы вступили в период интенсивных миграций. На западе и юге эти передвижения столкнули германцев с кельтами и римлянами. Первое знакомство римлян с германцами состоялось около 100 г. до н.э., когда племена кимвров и тевтонов, требуя земель для поселения, наводнили Южную Галлию и север Италии, но были разгромлены легионами Мария. В 72 г. до н.э. на территорию Галлии проникают отряды свевов под предводительством Ариовиста. В 61 г. они наносят серьезное поражение галльскому племени эдуев. Римский сенат решает временно примириться с Ариовистом, дав ему титул «Правителя германцев» и объявив его другом римского народа (59 г. до н.э.). Вскоре, однако, война возобновляется. Основные силы свевов были разбиты войсками Цезаря, а остальные вытеснены обратно за Рейн. С этого времени устанавливаются постоянные отношения между римлянами и германцами.

Римляне неоднократно предпринимали усилия перенести военные действия за Рейн, на территорию свободных германских племен, но сокрушительное поражение, понесенное армией Вара от вождя херусков Арминия в 9 г. н.э. практически положило конец этим попыткам. К 80-м годам I в. граница между римскими провинциями и свободными германскими землями окончательно определилась. Она прошла по Рейну и лимесу, или Римскому Валу — полосе укреплений длиной более 500 км, — до Дуная. Римский вал непосредственно защищал так называемые Десятинные поля — территорию, колонизованную римлянами внутри варварского мира. На рейнской границе германцев сдерживала стотысячная армия римлян. На римской стороне границы было образовано две новые провинции — Нижняя и Верхняя Германия, где проживали и кельты, и германцы. Многие племена по обе стороны границы занимались посреднической торговлей, меняя скот на изделия из металла и керамики, на предметы роскоши. Вокруг лагерей римских легионов выросли города: Майнц, Кельн, Страсбург, Вормс, Шпейер, Трир, Аугсбург, Регенсбург. Отдельные германские племена заключали с римлянами союзы, их вожди и дружины поступали на римскую службу. Захваченные в плен в военных столкновениях германцы пополняли ряды рабов и колонов. Почти полтора века относительно мирного сосуществования, торгового обмена и культурного общения, конечно, не могли пройти бесследно для племен, живших на границах Империи, хотя вполне понятно, что по мере удаления от них уровень цивилизованности падал.

«Контакты с романизированными территориями играли немалую роль в развитии древнегерманского общества, однако не меньшее значение имел сам факт политической стабилизации окружавших германцев земель, замыкание их в определенных границах. Это способствовало прекращению миграций и ускорило переход к большей оседлости племен, длившийся около двух столетий. В течение этого времени в жизни германского общества происходят важные сдвиги: развиваются земледелие и частная собственность на землю, резко возрастает плотность населения. Конкретные пути складывания крупных племенных союзов практически нам неизвестны, в частности из-за скудости источников, освещающих важный в этом отношении II в. Однако даже чисто теоретически союзы племен могли возникать лишь на основе более мелких родственных образований, связанных легендами об общем происхождении, территориальной близостью, совместными культовыми традициями.

При этом структура каждого подобного союза отличалась своими особенностями. Иногда племенные союзы поглощали не только этнически близкие, но и далекие племена, которые могли иметь в пределах объединения разную степень

самостоятельности. Как сообщают источники, нередко бывало, что внешне поглощенные мелкие объединения управлялись тем не менее собственными вождями и сохраняли сознание своей обособленности. Они обычно теряли древний этноним, и на них распространялось имя всего крупного объединения. Так появлялись новые этнонимы: алеманны («все мужи»), франки («свободные») и т. д... Сам по себе факт консолидации племен в крупное объединение не нов для германцев, однако до описываемого времени катализатором подобных объединений были миграции и военные походы... Действительно новым теперь было то, что военные союзы племен возникали скорее как результат внутреннего развития общества и явились не следствием, а предпосылкой крупных передвижений народов и военных походов.

Конец относительному спокойствию на западных и южных границах римских провинций был положен маркоманскими войнами (166—180 гг.), в ходе которых Рим пытался устранить постоянную опасность, которая исходила от этого крупного племенного объединения. В начале III в. в движение приходит большая группа племен, называвшая себя новым именем алеманнов. Они появляются между Майном и Неккаром у лимеса и пытаются прорвать эту укрепленную линию, что им и удается к середине III в. Прорвав оборону римлян, алеманны укрепляются на «десятинных полях», а к середине IV в. атакуют границу на Рейне и переправляются через эту реку. Продвижение германцев становится необратимым явлением» (История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 605).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Гай Юлий Цезарь.

ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

Книга IV. Гл. I. ...Племя свевов — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов, и каждый [округ] ежегодно высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли...

Гл. 2. Купцам они открывают доступ к себе больше АЛЯ того, чтобы иметь кому продать захваченное на войне, чем потому, что они сами нуждаются в каком бы то ни было ввозе. Германцы не пользуются даже привозными лошадьми, которыми галлы так дорожат и которых они приобретают за высокую цену, а используют своих туземных лошадей, низкорослых и невзрачных, и доводят их ежедневными упражнениями до величайшей выносливости...

Книга VI. Гл. 21. 9[Быт] германцев сильно отличается от... образа жизни [галлов]. Ибо у них [германцев] нет друидов, руководящих обрядами богослужения, и они не особенно усердствуют в жертвоприношениях. В качестве богов они почитают лишь солнце, огонь и луну, т.е. только те [силы природы], которые они видят [собственными глазами] и в благоприятном влиянии которых они имеют возможность воочию убедиться; об остальных богах они даже не слышали. Вся их жизнь проходит в охоте и военных занятиях: с раннего детства они [закаляются], приучаясь к тяготам их сурового образа жизни...

Гл. 22. Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. И никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности; но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько они найдут нужным земли, а через год принуждают их перейти на другое место...

Гл. 23. ...Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица, несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью [членов племени]. В мирное время у племени нет общего правительства; старейшины отдельных областей и округов творят там суд и улаживают споры. Разбойничьи набеги, если только они ведутся вне территории данного племени, не считаются позором; [германцы] выставляют на вид их необходимость как упражнения для юношества и как средства против праздности. И вот, когда кто-либо из первых лиц в племени заявляет о своем намерении предводительствовать [в военном предприятии] и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому, — тогда подымаются те, кто одобряет и предприятие, и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь; те из обещавших, которые не последовали [за вождем], считаются беглецами и изменниками, и лишаются впоследствии всякого доверия. Оскорбить гостя [германцы] считают грехом; по какой бы причине не явились к ним [гости], они защищают их от обиды, считают их личность как бы священной и неприкосновенной, предоставляют в их распоряжение свой дом и разделяют с ними свою пищу...

Хрестоматия по истории
средних веков. Т. I. М.,
1961. С. 264—266.

2.

Публий Корнелий Тацит.

ГЕРМАНИЯ

Гл. V. ...Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю уж по благосклонности к ним или же потому, что разгневались на них... Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [драгоценными металлами] и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [к Рейну и Дунаю племена] ценят золото и серебро для употребления в торговле: они ценят некоторые виды наших монет и отдают им предпочтение; живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой...

Гл. VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия. Они редко пользуются мечами и длинными копьями, а действуют дротиком, или, как они его называют, фрамеей, с узким и коротким железным наконечником, оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются и в рукопашную, и издали...

Боевой строй [германцев] составляется из клиньев. Отступить, но с тем, чтобы вновь наступать, [у них] считается трусостью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит — особенно позорный поступок: обесчестившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Гл. VII. Королей они выбирают по знатности, а военачальников — по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, а вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать, тем, что они смелы, выделяются [в бою], сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволяется никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят... священные изображения... Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их турмы и клинья представляют собой не случайные скопления людей, а составляются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слцшат вопль женщин и плач младенцев...

Гл. XI. О менее значительных делах совещаются старейшины, о более важных — все, причем те дела, о которых выносит решение народ, [предварительно] обсуждаются старейшинами. Сходятся в определенные дни, если только не произойдет чего-нибудь неожиданного и внезапного, а именно в новолуние или полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела... Когда толпе вздумается, они усаживаются вооруженными. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старейшин, сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают фрамеям восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения.

Гл. XII. Перед народным собранием можно также выступать с обвинением и предлагать на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь. Наказания бывают различны, смотря по преступлению: предателей и перебежчиков вешают на деревьях; трусов и дезертиров, а также осквернивших свое тело топят в грязи и болоте, заваливши сверху хворостом. Эта разница в способах казни зависит от того, что, по их понятиям, преступление надо при наказании выставлять напоказ, позорные же деяния — прятать. Более легкие проступки также наказываются

соответствующим образом: уличенные в них штрафуются известным количеством лошадей и скота; часть этой пени уплачивается королю или племени, часть — самому истцу или его родичам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин, которые творят суд по округам и деревням. При каждом из них находится по 100 человек свиты из народа для совета и придания его решениям авторитета...

Гл. XIII. ...Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным [в боях], и нет никакого стыда состоять в (чьей-нибудь] дружине. Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того [вождя], за кем она следует. Велико бывает соревнование и среди дружинников, кому из них занять у своего вождя первое место, и среди [самих] вождей, У кого более многочисленная и удалая дружина...

Гл. XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, Дружинники — за вождя. Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обагренную кровью победоносную фрамею, а вместо жалованья для них устраиваются пиры, правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж и война...

Гл. XXV. ...Рабами они пользуются не так, как у нас, с распределением служебных обязанностей между ними как дворовой челядью: каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, подобно колону, известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды [в виде оброка]; и лишь в этом выражается его обязанность как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [господина]. Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие строгости, а сгоряча и в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным...

Гл. XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов; [и таким неведением] они лучше защищены [от этого зла], чем если бы оно было запрещено [законом].

Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников, и вскоре они делят ее между собой по достоинству; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню, и [все-таки] еще остается свободное поле...

Хрестоматия по истории
средних веков. Т. I. М.,
1961. С. 296—278.

3.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

С древними германцами, с их хозяйственным, социальным и политическим строем, как и с другими сторонами их частного и общественного существования, мы знакомимся главным образом по тем данным, которые сообщают нам о них Цезарь и Тацит. Как ни ценны эти данные, как ни велик авторитет писателей, их сообщающих, несомненно делавших строгий выбор в том материале чужих и собственных наблюдений, который был у них в руках, все же это не документальные данные, не сырой, непосредственно данный материал юридического памятника, государственного акта, хозяйственной описи, народной песни. И «Записки о галльской войне» Цезаря, и «Германия» Тацита представляют собой тщательно обработанные литературные произведения, носящие печать яркой индивидуальности своих авторов с их вполне определенными общественными, политическими и философскими взглядами, симпатиями и антипатиями, воспитанными в определенной политической и социальной среде. Благодаря этому не так-то легко восстановить объективную и притом вполне конкретную картину общественного и политического строя древних германцев, тем более что сведения, сообщаемые о германцах римскими писателями, далеко не всегда отличаются полнотой и определенностью, нередко ставя перед читателем почти неразрешимые загадки. Приходится обращаться к более поздним свидетельствам, заключающимся в памятниках германского права и поэзии, появившихся значительно позже сочинений Цезаря и Тацита, но рисующих жизненный строй, в котором еще очень многое Удержалось от самой ранней поры в жизни германцев, а также искать разъясняющих указаний в истории других человеческих обществ на соответствюущей стадии их развития. Только таким путем мы можем придти к более отчетливому пониманию того, что лишь слегка намечено римскими писателями.

Между «Записками» Цезаря и «Германией» Тацита прошло около полутора столетий, внесших в жизнь германцев немало весьма серьезных перемен, решительно двинувших вперед и их хозяйственное, и их политическое развитие. Цезаревские германцы (Цезарь составлял свои «Записки» в пятидесятых годах первого века до Р. Хр.) и германцы Тацита (Тацит написал свою «Германию» в конце первого века после Р. Хр.) это — две стадии в развитии германского общества и государства. Не следует только слишком прямолинейно и педантично проводить эту точку зрения, рискуя в противном случае отнести к позднейшим образованиям такие явления в жизненном строе германцев, которые, несомненно, существовали у них еще в доисторическую эпоху и если не попали на страницы цезаревских «Записок», то лишь благодаря ограниченности поля наблюдений их автора и недостаточности сведений, которые ему удалось добыть от других; эти же последние условия нужно иметь в виду и вообще при сопоставлении свидетельств названных римских писателей о древних германцах.

Но обратимся к Цезарю. По его словам, германцы мало занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. Скотоводство и охота — их главные занятия, если не считать войны. Земледелие находится еще в зародыше, так как прочной оседлости еще нет, и германцы представляют собою еще полукочевой народ. Ни у кого нет собственного поля с определенными границами. Каждый год племенные власти назначают отдельным родовым группам необходимое для каждой из них количество земли и по истечении года заставляют их переходить на другое место.

Едва ли в этих условиях может быть речь не только о частной, но и вообще о какой бы то ни было собственности на землю. Такой аграрный строй, естественно и непроизвольно вытекающий из общих хозяйственных условий стоявших на еще очень низкой ступени культурного развития германцев, изображается Цезарем как продукт сознательной социальной политики руководителей германского общества, боявшихся будто бы, чтобы оседлость, привязав германца к земле и к ее интересам, не превратила его из воина в земледельца, не развила в нем жадности к земельным владениям, заставляющей более сильных людей отнимать землю у более слабых...

...Нетрудно видеть, что, вкладывая все эти соображения в головы руководителей германского общества в качестве принципов будто бы проводившейся ими социальной политики, Цезарь просто переносил в изображаемую им первобытную

обстановку мысли и мечты, рожденные в обстановке высококультурного общества, раздираемого ожесточенной и непрерывающейся борьбой резко обострившихся социальных противоречий... Первобытная мысль изображаемых Цезарем германцев была очень далека от этой социальной философии, но их социальный строй действительно мог представиться просвещенному римлянину тем идеалом, от которого так далека была римская действительность...

...Ни о знатных, ни о рабах Цезарь ничего нам не сообщает, но на этом основании совершенно отрицать у тогдашних германцев наличность сословий, являющихся через какие-нибудь полутора столетия уже исконным фактом их социального бытия, мы не считаем возможным. Постоянно воюя, германцы эпохи Цезаря не могли не иметь рабов из взятых ими в плен и иным способом покоренных врагов, и едва ли им была чужда мысль о хозяйственном применении рабской силы...

...Имея основание предполагать существование у германцев эпохи Цезаря рабов, мы в то же время не находим основания отрицать у них и сословие знатных, по крайней мере в смысле отдельных знатных родов, выдвинувшихся на почве присущего родовым отношениям иерархического порядка...

...Политический строй цезаревских германцев, как видим, отличался крайней элементарностью... Только на время войны избирался общий предводитель с правом жизни и смерти. Избирался он, надо думать, в народом собрании племени, собиравшемся, вероятно, лишь для подобного рода экстренных надобностей, выходивших за пределы повседневного обихода отдельных родовых групп...

...Если прежде, во времена Цезаря, охота и скотоводство совершенно оттесняли на задний план земледелие, то теперь [во времена Тацита] пришлось серьезно заняться паханьем и сеяньем и мало-помалу обратить в пахотные поля многие из тех тянувшихся на десятки, если не на сотни миль пустырей, которыми, по словам Цезаря, любили окружать свои владения германские племена, как в интересах защиты от соседей, так и для цели охоты, игравшей такую важную роль в их хозяйственной жизни. Границы отдельных племен сближались, сближая и самые племена как для мирного, так и для враждебного общения и создавая почву для более широких политических соединений...

...Они [германцы] по-прежнему ведут экстенсивное хозяйство, придерживаясь все той же грубо-переложной системы, что и во времена Цезаря: как тогда, так и теперь они распахивали новь и сеяли хлеб, и затем бросали ее и брали под пашню новую землю; ни садоводством, ни огородничеством, ни какими-либо иными видами интенсивной культуры они совсем не занимались; знакомо им было одно лишь хлебопашество. Разница с прежним была лишь в том, что тогда вместе с полем передвигался и пахарь, теперь же этот последний уже сидел на определенном месте, что, конечно, не могло не стеснять его хозяйственной свободы, вводя практиковавшуюся им систему полеводства в .определенные, хотя все еще достаточно широкие территориальные рамки.

Менял пашню не каждый отдельный хозяин, а все вместе, всей деревней. Вся деревня, вся община одновременно переходила к новой запашке, занимая для этого необходимые ей по числу ее рабочих рук определенные площади или еще вовсе не паханной, или уже достаточно отдохнувшей земли на принадлежавшей общине территории и затем распределяя их между своими сочленами по степени достаточности каждого из них...

...Как и во времена Цезаря, земля не являлась еще предметом частной собственности, но уже стала собственностью общественной, собственностью деревенской общины. Мы говорим о пахотной земле; что же касается земли, находившейся под усадьбой каждого отдельного общинника, то трудно сомневаться в том, что она уже находилась в его полной собственности, точнее — в собственности его семьи. Общей собственностью деревни, если не ряда соседних деревень, были и пастбища, леса, луга и иные угодья... Являясь предметом общинной собственности, пахотная земля находилась в частном пользовании временно владевших ею общинников, распределенная между ними по участкам, состоявшим каждый из совокупности полос, нарезанных, в интересах справедливого распределения, во всех полях деревни; чересполосность, принудительный

севооборот, отдача под временное пастбище всех полей после уборки хлеба, вероятно, и тогда, как и в более позднее время, являлись характерными особенностями общинных порядков; то же, без сомнения, следует сказать и о совместном пользовании общинными угодьями...

...Единственным видом богатства все еще, по словам Тацита, продолжал оставаться скот. Если некоторые члены общины и получали в пользование (как и все, во временное пользование) больше земли, чем остальные, вместо одного надела несколько, то это не могло иметь вредных социальных последствий, во-первых, потому, что земли еще было много и всем хватало, а во-вторых, потому, что и такие сравнительно крупные хозяйства никаких целей, в сущности, кроме непосредственно потребительных, преследовать не могли и в сущности, благодаря этому, очень были далеки от крупного хозяйства в собственном смысле, лишь сравнительно немного превышая размерами хозяйственного среднего германца...

...На такой стадии культурного развития рабство должно было играть значительную хозяйственную роль: рабский труд должен был не в малой мере заменять труд свободных людей, направленный на нехозяйственные цели, и вместе с трудом женщин и слабосильных членов семьи создавать хозяйственные блага, необходимые для существования семьи, будет ли то семья богатого и знатного или же семья рядового, среднего германца. Когда община распределяла землю между своими сочленами, то она имела в виду, несомненно, количество рабочей силы, находившейся в распоряжении той или иной семьи, а также количество рабочего скота. Только те, у кого было много рабов и много рабочего скота, могли брать по нескольку наделов и становиться «крупными» землевладельцами. Если в хозяйстве самого малоземельного, имевшего всего лишь один надел германца, рабский труд являлся лишь подспорьем к труду его самого и членов его семьи, то в «крупном» поместье он должен был играть главную роль; если на одном из его наделов еще могла бы работать семья «крупного» землевладельца, то остальные он должен был передать исключительно в руки рабов и в полное их распоряжение, обязав их лишь доставлять ему определенное количество продуктов их труда...

...Хозяйственный строй, как мы сейчас видели, предполагает у германцев существование людей богатых и людей обычного достатка, а также свободных и рабов, но экономической зависимости между людьми, мыслимой лишь при условиях, делающих возможным превращение земли в частную собственность, скопление ее в одних руках и уход из других, он не допускает...

...Основой богатства, дававшей возможность богатому человеку становиться крупным землевладельцем, являлся скот и рабы. И то, и другое легче всего можно было достать на войне, и самая крупная доля этой добычи попадала в руки тех, кто стоял во главе воевавших. А это были, если не самые знатные, то самые храбрые и предприимчивые люди, умевшие успешно довести до конца начатое дело и покрыть себя и свой род воинской славой. Потомство таких людей, если сами они не были знатного рода, уже вступало в ряды знати и «крупных» землевладельцев. Богатство и знатность здесь совмещаются в одних родовых группах. Богатство давало знатному человеку возможность иметь нескольких жен. Среди простых свободных многоженство не было распространено; по-видимому, наблюдалось оно и среди знатных далеко не у всех, а лишь у немногих, надо думать, у самых богатых и знатных, в родстве с которыми лестно и выгодно было состоять другим знатным родам. Богатство давало знатному человеку и средства набирать и содержать дружину, тоже далеко, конечно, не всякому, а лишь самым богатым, самым прославленным и самым влиятельным из сословия знатных, тем, кого Тацит обозначает столь многозначным у него словом «принцепс»...

...«Принцепсы» представляли собою верхний слой германской знати; это были самые знатные, богатые и могущественные ее представители, имевшие и материальную, и моральную (блестящая воинская репутация) возможность окружать себя дружиной из отборных юношей и, опираясь на нее, оказывать влияние и на международные отношения, и на внутренние дела своего племени и его подразделений. Из их среды избирались, вероятно, областные старшины, творившие суд по деревням и волостям; они же, эти «принцепсы», предварительно обсуждали

все более важные дела, поступавшие потом на решение народного собрания, и окончательно решали менее важные; из их среды, при благоприятных условиях, выходили и фактические властелины племени, а иным удавалось основать и настоящую династию и поставить на настоящую юридическую основу свою королевскую власть.

Таким образом, в германском обществе эпохи Тацита мы можем констатировать существование высшего класса, опиравшегося, как на свою материальную базу, на сравнительно большие земельные владения, отводившиеся представителям этого класса во временное пользование и эксплуатируемые с помощью несвободного юридически труда рабов, которых у них было больше, чем у простых свободных. Без несвободного труда, при тогдашних условиях, обеспечивавших каждому свободному необходимое для него количество земли, существование этого высшего класса было бы немыслимо, и в особенности его высшего слоя, вождей дружин. Правда, средства для содержания дружины давала ее вождю война, и среди мотивов, побуждавших дружину и ее вождя вмешиваться и в чужие войны, когда их собственное государство ни с кем не воевало, Тацит вполне определенно указывает и мотивы часто материальные, чтобы не сказать хозяйственные: необходимость добыть для дружины и боевых коней, и окровавленные победоносные копья, и продукты для ее пропитания. Тем не менее едва ли можно допустить, Чтобы стал набирать дружину человек, у которого не было готовых средств для вооружения ее хотя бы на первое время, у которого не было больших владений и большого числа рабов, сидевших на отдельных участках и поставлявших ему все необходимое для него и для его дружины...

...Сидя на отведенном ему земельном участке и платя своему господину оброк из продуктов своей в сущности самостоятельной хозяйственной деятельности, германский раб был почти вне контроля со стороны своего господина и менее всего был похож, на его хозяйственное орудие. Да и в качестве дворового раба он не переставал быть для него человеческой личностью. Как и в других обществах на соответствующей ступени материального и духовного развития, и в германском обществе конца первого века после Р. Х. господин видел в рабе еще человека, а не хозяйственную вещь, отличающуюся от других хозяйственных предметов лишь человеческим даром слова; здесь раб еще не стал для своего господина instrumentum vocale, и при всей своей грубости и нередко жестокости германский рабовладелец едва ли бы мог понять глубоко циничные хозяйственные наставления высокообразованного римского агронома и даже редко бил своих рабов, а убивал еще реже, лишь в состоянии крайнего раздражения; столь же редко сажал он их в оковы и наказывал чрезмерной работой...

...Давая нам сведения о простых свободных, о знатных и о рабах, Тацит вовсе не упоминает о несомненно исконном элементе социального строя германцев, об известном нам из позднейших источников сословии полусвободных, так называемых *литов* или *летов* (иначе *лаццов* или *лассов),* или *альдиев.* Весьма возможно, что Тацит смешал их с рабами, потому что и они, подобно рабам, сидели на чужих участках и давали владельцам их, своим господам, вернее патронам, оброк натурой. Возникновение этого сословия относится еще к доисторической эпохе в жизни германцев и объясняется, по-видимому, фактом добровольного подчинения сильному, победоносному племени более слабого...

...Как и во времена Цезаря, германцы и тацитовской эпохи селились группами, и родовые порядки продолжали играть серьезную роль в их общественной жизни... Вне своей родовой группы, как индивидуум, германец был беззащитен, если только он не был сильным вождем храброй и преданной дружины или же дружинником сильного вождя. Родовая группа не только обеспечивала ему средства к существованию, но она и защищала его жизнь и имущество, как внутри, так и со стороны внешних посягательств, исходивших от членов других родовых Групп. На защиту своего сочлена вставал весь род и начинал войну против всего рода обидчика. Это были настоящие международные отношения: каждая родовая группа представляла собою еще в сущности самостоятельное политическое целое, и так называемая кровная месть была настоящей войной между враждовавшими родами.

Тацит не оставляет у нас сомнения в существовании в германском обществе в его время кровной мести, как вполне правомерного факта, но в то же время он констатирует большую распространенность у германцев родового выкупа, шедшего на смену родовой мести, сообщая, что вражда между родами не всегда бывает непримиримой, что даже убийство возмещается определенным количеством крупного и мелкого скота, которое получает в виде удовлетворения весь род убитого от рода убийцы. Отдельные семьи, из которых слагалась каждая родовая группа, еще во многом должны были считаться с родовыми узами, на каждом шагу дававшими им чувствовать, что они — лишь часть целого, интересы которого для них обязательны. Глава семьи не мог, например, свободно распоряжаться собственностью семьи; естественными наследниками являлись дети, а если детей не было у него, то имущество непременно переходило к родственникам, прежде всего к братьям и дядьям со стороны отца и матери, и о завещании не могло быть и речи...

...Общество живет еще замкнутыми и во многом еще самодовлеющими родовыми группами, менее узкими (родами) и более широкими (коленами), в мирное время не Чувствуя почти никакой потребности в более широком общении. Соединяет эти группы в более широкое целое лишь сознание ими своего племенного единства, происхождение от общих предков, общий культ и необходимость действовать совместно против внешнего врага. Этот последний мотив едва ли и не был тем фактором, который более всего способствовал постепенному сплочению родовых групп в политическое целое и вызвал к жизни зачатки общегосударственной организации, заставляя все племя собираться для совместного обсуждения общего плана действий и для выбора общего военного вождя для предстоящего общего похода. Не удивительно, что в народное собрание германцы являлись вооруженными и стуком оружия выражали свое одобрение ораторам; не удивительно, что в качестве судебного трибунала народное собрание судило почти исключительно людей, совершивших преступления на поле битвы — изменников, перебежчиков, трусов, и что в народом собрании германскому юноше, когда он достигал совершеннолетия, вручали щит и копье. Внешние, международные отношения племени, война и мир, — вот чем главным образом занималось народное собрание племени. Никаких внутренних задач ему разрешать не приходилось: их еще не было у племени, как у целого, так как племя дробилось на родовые группы, разрешавшие каждая за себя свои внутренние задачи. Не всегда эти группы справлялись с своими внешними задачами, возникавшими на почве междуродовых отношений, и тогда, и только тогда они обращались к содействию народного собрания племени, и оно брало на себя труд помирить враждовавшие роды, склонить своим авторитетом род убийцы к уплате роду убитого выкупа за убитого; но это была добрая воля враждовавших родов: они могли и не обращаться к содействию народного собрания, и никто их принудить к этому не мог...

Власть короля была ограничена и совершенно отступала на задний план перед правами народа, осуществлявшимися им в народном собрании, сводясь к военному предводительству (из которого она и возникла) и к взиманию в свою пользу части судебных выкупов, а также, по-видимому, к некоторым жреческим функциям короля как представителя племени перед богами...

> ...Ни о каких налогах мы не слышали ни от Цезаря, ни от Тацита. Да их ни один свободный германец и не допустил бы и увидел бы в них покушение на свою свободу. У королей, как и у областных старшин, были свои земельные владения и рабы, доставлявшие им все необходимое для содержания их и их дружин; а чего не доставало, то добывали на войне. Тацит этого прямо не говорит, но это с необходимостью вытекает из общих условий изображаемой им жизни. Тацит говорит лишь о почетных подарках, которые давали германцы своим главарям в виде скота и зернового хлеба, чем доставляли им и материальную поддержку-прибавляя при этом, что для них еще приятнее были подарки, которые они получали от соседних племен в виде ценных коней, дорогого оружия, пышного убранства для боевого коня и драгоценных ожерелий...

...Тацит с большим интересом останавливается на дружине и подробно описывает, видимо, поразившие его дружинные отношения. Его в особенности поразило то, что

вступление в число дружинников не считалось унизительным для свободного человека. Он не мог понять, как могли вступать в отношения личной зависимости свободные и даже знатные юноши — а эти последние едва ли не составляли главный контингент дружинников, — как они могли отказываться от своей личной независимости и добровольно отдавать себя в подчинение вождю дружины и жертвовать для него жизнью, за него, а не за отечество, не за общее дело...

...С своей стороны вождь обязан был содержать дружинников, давать им вооружение и боевых коней и доставлять им возможность проявлять свою храбрость, удовлетворять свое военное честолюбие и обогащаться добычей. Дружина являлась военной школой для знатного германского юношества и в то же время почвой для развития отношений, которым предстояло в сравнительно недалеком будущем играть серьезную роль в общественном и политическом строе германских государств.

Петрушевкий Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917. С. 200—222.

4.

ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ

Этим именем в науке принято обозначать совокупность мелких племен, обитавших на рубеже нашей эры между Рейном и Вислой с одной стороны и между Дунаем и побережьем Немецкого (Северного) и Балтийского морей — с другой, причем восточная часть этой территории (область между Одером и Вислой) была заселена уже в те отдаленные времена и некоторыми негерманскими (иллирийскими, финскими и славянскими) племенами. Об уровне общественного строя германских племен этой эпохи и об основных событиях их истории мы узнаем из произведений античных писателей, из археологических раскопок и из данных сравнительного языковедения (т.е. науки, занимающейся сравнительным изучением различных языков, их происхождения и особенностей их строения). Из античных писателей больше всего сведений о древних германцах дают нам Юлий Цезарь и Корнелий Тацит. Очень существенные сообщения о древних германцах содержатся также в трудах Плиния Старшего, Страбона, Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Веллея Патеркула и др. Для IV в. особенно важны известия Аммиана Марцеллина.

Названные писатели изображают древних германцев в весьма прозаических тонах — как племена, у которых только начинается процесс социального расслоения и оформляется политическая власть вождей и королей.

Родовой быт у них уже начинает разлагаться, но общинная собственность на землю еще господствует и частная собственность не зародилась. Древние германцы, правда, уже земледельцы, но их земледелие еще очень примитивно и обработка земли происходит по системе перелога, требующей очень неэкономного расходования больших площадей для прокормления сравнительно немногочисленного населения. Наряду с земледелием очень большую роль в их жизни все еще играет скотоводство... Хотя они уже возделывают многие хлебные злаки (рожь, овес, ячмень, кое-где, может быть, некоторые сорта пшеницы), тем не менее в их пище большую роль играют молочные продукты и мясо домашних и диких животных; древние германцы много времени уделяют охоте.

Хотя племя и состоит из родовых объединений, которые во времена Цезаря еще являются субъектами владения землей, но из этих родовых групп уже выделяются домовые общины, т. е. так называемые «большие семьи», состоящие из представителей трех—четырех поколений и составляющие отдельные домохозяйства. Такая «большая семья», или «домовая община», во времена Тацита (т.е. к концу I в. н. э.), по-видимому, уже является основной ячейкой хозяйствования и основной группой родственников, живущих вместе и ведущих совместное хозяйство.

Это не мешает тому, что верховную собственность на территорию села по-прежнему имеет община, выросшая из былых, более крупных родовых объединений, старейшины которых еще во времена Цезаря отводили отдельным группам сородичей, живущих совместно, те или иные участки земли под обработку. Таким образом, к концу I в. н. э. родовая община, являющаяся у древних германцев верховной собственницей занятой ею территории, распадается на ряд более мелких подразделений — домовых общин, представляющих собою несколько соседствующих друг с другом домохозяйств. А это в свою очередь приводит к тому, что постепенно родственные связи между жителями села слабеют, хотя и не рвутся вовсе, и вместо них все более начинают выступать на первый план связи, основанные на соседстве. Другими словами, родовая община начинает перерождаться в соседскую, но это перерождение продолжается очень долго и заканчивается лишь через несколько столетий.

Параллельно возникает и социальное неравенство: основную массу племени составляют так называемые «свободные», т. е. равноправные соплеменники — члены поземельной общины, собственным трудом возделывающие землю, но в то же время являющиеся и вооруженными воинами; однако над ними уже во времена Тацита начинает возвышаться знать, которая составляется, с одной стороны, из родовых

старейшин, а с другой — из вождей народных дружин. Таким образом, древнегерманская знать складывается из двух слоев — из представителей старой родовой знати и из вновь нарождающейся верхушки племени, которая приобретает в нем вес в результате захвата дружинниками и их вождями во время военных походов большого количества скота, рабов и иной движимости и приобретения ими лучших и более обширных земельных участков.

Наряду с прежними родовыми старейшинами в древнегерманском племени все большую роль начинают играть вожди дружин. Между дружинниками и их вождем устанавливаются особенно близкие — личные и материальные отношения...

...Но дело не только в личной связи между вождями и дружинниками... Древнегерманская дружина представляла собою своеобразную примитивную организацию по совместному захвату награбленной на войне (т. е. во время военных набегов) добычи. Тацит так прямо и говорит, что «дружина обеспечивает свое пропитание и снаряжение войной и грабежом».

А так как в дружину могли вступать не только знатные, но и рядовые свободные члены племени, то становится очевидным, что в составе дружины в ходе военных набегов и захватов имущества у соседних племен любой свободный германец мог разбогатеть и стать знатным. Значит, дружинный быт вызывал возникновение новой знати, но она еще не превращалась в класс, ибо переходы от простой свободы к знатности были текучими, а кроме того, знатный, как и простой свободный, был и воином, и земледельцем, только первый был богаче второго: у него могло накопиться больше скота, рабов, даже земель. Но и рядовой свободный германец частично прибегал к эксплуатации труда рабов, так что разница между знатным и рядовым свободным в этом отношении была лишь количественной.

Древнегерманская знать отличается от рядовой свободной массы племени не тем, что знать обладает землей, рабами и скотом, а масса простых свободных лишена этого, а лишь тем, что знать обладает всеми этими условиями производства в большей мере, чем рядовая масса. Нельзя также считать, что классовое расслоение в древнегерманском обществе проходило по линии: «рабы — свободные». Во-первых, рабов у древних германцев было очень мало, и не они, а рядовые свободные члены племени составляли основную массу непосредственных производителей материальных благ. Во-вторых, самый характер древнегерманского рабства противоречит такому предположению. у древних германцев были рабы двух родов: домашние, дворовые рабы, которые вырастали и воспитывались вместе с хозяевами, и рабы, посаженные на землю. Первые отличались от свободных личным бесправием: они не имели права носить оружие и участвовать в народном собрании; они были, видимо, потомками несвободных слуг, появившихся внутри рода еще во времена полного господства родового быта; вторые имели свои земельные участки, и господин довольствовался тем, что взимал с них оброк хлебом, скотом и одеждой. Никакой барщины древнегерманские рабы не несли; это видно хотя бы из того факта, что тяжелая работа не возлагалась на раба даже в виде наказания. Следовательно, эксплуатация рабов у древних германцев была очень слаба, что естественно при низком уровне сельского хозяйства и примитивности всего общественного строя германских племен той эпохи. Социальное равенство у древних германцев лишь зарождается, и именно поэтому классы у них еще не сложились; но возникновение этого неравенства уже указывает на начало перехода древнегерманских племен от бесклассового общества к классовому. Этот переходный характер германского общественного уклада отразился и в политическом строе германского племени.

Оно управлялось, с одной стороны, органами, сложившимися еще во времена полного господства родового быта, а с другой стороны — органами, возникшими под влиянием роста социального расслоения. К первым относится народное собрание, состоявшее из всех вооруженных свободных членов племени. Но уже при Таците возникают и органы второго порядка: заседаниям народного собрания в его время предшествуют совещания представителей знати — старой родовой и новой, вновь складывающейся, т.е. родовых старейшин, вождей и наиболее знатных и влиятельных людей в племени. Эти совещания вырабатывали определенные

предложения, выносившиеся потом на народное собрание, которое могло принять их или отвергнуть. Кроме того, народное собрание занималось лишь самыми важными делами, второстепенные же разбирались тоже на совещаниях знати. Хотя народное собрание и решало такие существенные вопросы, как объявление войны и заключение мира, хотя оно являлось высшим судилищем и вообще центральным органом жизни племени, тем не менее и в нем задавали тон представители знати: именно они (а также короли, вожди, старейшины) выступали с речами и предложениями; из их же среды избирало народное собрание должностных лиц, творящих суд по округам и селам.

Словом, знать не только ограничивала компетенцию народного собрания, т.е. суживала круг дел, подлежавших его ведению, но и вмешивалась в самый ход их обсуждения. Пожалуй, в еще большей степени ограничивала роль народного собрания усиливавшаяся политическая власть военного вождя или короля. Вожди отдельных дружин нередко становились военными вождями целых племен, а некоторые из них превращались в королей. Такие вожди и короли все еще выходили обычно из рядов старой родовой знати, но зачастую их выдвигало на первый план не только знатное происхождение, но и их положение предводителей дружин, которое давало иной раз возможность более молодому и менее влиятельному члену какого-нибудь знатного рода накопить богатства и приобрести политический авторитет в племени. Правда, авторитет был непрочен, а власть короля, выраставшая из власти военного вождя, — крайне неустойчива, что выражалось уже в самом избирательном ее характере и в том, что военных вождей и королей постоянно свергали. Но все же ее возникновение создавало предпосылки для дальнейшего углубления социального неравенства и тем самым ускорило движение древнегерманского племени от бесклассового общества к классовому. Однако до последнего было еще далеко — в I в. н. э. древние германцы пока еще представляли собою ряд разрозненных племен.

Однако именно в это время начинается сплочение в крупные военные союзы ряда племен во главе с сильными-вождями и королями.

Племенного единства среди германцев эти военные союзы еще не создавали и не могли создать по многим причинам: во-первых, в такие союзы объединялось лишь несколько отдельных племен; во-вторых, эти союзы постоянно враждовали друг с другом; наконец, они довольно легко распадались — так же быстро, как и возникали.

С момента появления германцев на арене истории до конца I в. н.э. мы знаем несколько таких военных союзов (союз кимвров и тевтонов 113—101 гг. до н.э., свевскйй союз Ариовиста 72—54 гг. до н.э., союз херусков во главе с Арминием и свевско-маркоманнский союз Маробода в самом начале н.э., батавский союз Цивилиса 69—70 гг. н. э. из ряда кельтских и германских племен), и все они были очень непрочными...

...В течение II—IV вв., после сооружения римско-гер-манского пограничного вала и временного отказа римлян от наступательной политики по отношению к германцам, шел непрерывный процесс консолидации древнегерманских племен.

Так, как этот процесс вызывался внутренней эволюцией общественного строя древних германцев (постоянно возникавшим перенаселением земледельческих племен с экстенсивной системой сельского хозяйства при относительно самодовлеющем скотоводстве), его не смогли задержать и такие формы мирных взаимоотношений римлян с германцами, как поселение последних в виде лэтов и федератов на пограничных территориях римских провинций. Более того, провинциальная римская культура, складывавшаяся здесь из смешения элементов древнегерманского общественного строя и социально-политического строя этих провинций, содействовала усложнению общественного уклада тех древнегерманских племен, которые подвергались в результате этого смешения поверхностной, но непрестанной романизации. Но все же исходным пунктом консолидации древнегерманских племен была их исконная родина: там происходило не только временное сплочение племен в более или менее устойчивые военные союзы, но и непрестанное слияние нескольких прежних мелких племен в одно новое большое племя, т.е образование новых народов. В III в. на страницах источников появляются и их новые названия: франки (составившиеся из целого ряда прирейнских и

нижнегерманских племен — батавов, хавков, тенктеров и узинов, сугамбров, убиев и др.), алеманны (в состав которых вошли семионы и отчасти свевы), саксы (название, до того лишь мелькнувшее у Птолемея и еще не известное Тациту, а теперь обозначающее целую совокупность мелких племен, ядро которой, с одной стороны, составили херуски и хатты и к которой, с другой стороны, примкнули англы, юты и фризы).

Но и старые названия (бургунды, готы, лангобарды, вандалы) относятся уже не только к тем отдельным племенам, которые обозначались так во времена Плиния и Тацита, а покрывают разросшиеся племенные объединения, иногда (как, например, у готов) — целую совокупность разнородных племен. Таким образом, и по отношению к ним можно говорить о процессе образования новых народностей. Хотя «военные союзы» не обязательно тождественны новым обширным племенным объединениям, тем не менее процесс объединения тех и других всегда шел рука об руку и приводил к усилению роли военных вождей с их дружинами, а нередко — к установлению более или менее прочной королевской власти. Так или иначе, и консолидация прежних мелких племен в обширные объединения, и образование военных союзов не только были политическими проявлениями глубокого перерождения общественного строя соответствующих племен, но и оказывали обратное влияние на ход этого перерождения. Ибо оба явления углубляли социальную дифференциацию и тем самым содействовали разложению остатков первобытнообщинного строя и изменению основ родо-племенного уклада путем превращения части рядовых свободных воинов-земледельцев в оседающих на землю дружинников и усиления социально-экономического неравенства внутри сельской общины.

Таким образом, еще до окончательного завоевания варварами Западной Римской империи и до основания варварских государств на ее территории в недрах их общественного строя уже наметился переход от «военной демократии» к будущему варварскому обществу, т.е. от начатков социального неравенства к первому этапу классообразования. Однако этот переход не мог осуществиться прежде, чем возникновение варварских государств стало свершившимся фактом...

Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 218—225.

5.

А. Я. Гуревич.

АГРАРНЫЙ СТРОЙ ВАРВАРОВ

...Очерк агарарного строя древних германцев приходится начинать с рассмотрения вопроса о памятниках, в которых он нашел свое отражение...

...Значительная часть письменных известий о германцах не принадлежит очевидцам. Но и в тех случаях, когда автор повествования непосредственно общался с ними, подобно Цезарю, достоверность его сообщений подчас вызывает самые серьезные сомнения. Северные варвары были чужды грекам и римлянам и по языку, и по культуре — по всему строю своей жизни — они были выходцами из иного мира, который пугал и настораживал. Иногда этот мир внушал и другие чувства, например чувство ностальгии по утраченной чистоте и простоте нравов, и тогда описание германских порядков служило, как у Тацита, средством косвенной морализаторской критики РИМСКОЙ пресыщенности и испорченности — у древних авторов существовала давняя традиция восприятия «примитивного человека», не испорченного цивилизацией, и связанные с нею штампы они переносили на германцев... Сочинения античных писателей характеризуют прежде всего культуру самого Рима, культура же германцев выступает в них сильнейшим образом преломленной и деформированной взглядами и навыками мышления столкнувшихся с нею носителей совершенно иной культурной традиции. Варварский быт служил античным писателям своего рода экраном, на который они проецировали собственные идеи и утопии, и все заслуживающие доверия фактические сведения в их сочинениях надлежит оценивать в именно этом идеологическом контексте. Трудности, встающие перед исследователем, заключаются не столько в том, что сообщаются неверные сведения о варварах — они могут быть правильными, но оценка их значения, их компоновка в общей картине, рисуемой античным писателем, всецело определяются установками автора...

...Однако отказаться от привлечения показаний Цезаря и Тацита в качестве главных свидетельств о материальной жизни германцев историки не решались до тех пор, пока не сложился и не приобрел достаточной доказательности комплекс других источников, в меньшей мере подверженных произвольному и субъективному толкованию, — данных археологии и связанных с нею новых дисциплин. При этом речь идет не о накоплении разрозненных вещественных находок.., а о внедрении в науку более точной и объективной методики исследования.

В результате комплексных археологических исследований с привлечением картографирования, климатологии, почвоведения, палеоботаники, радиокарбонного анализа, аэрофотосъемки и иных относительно объективных новых методов, в особенности же в результате успехов в археологии поселений, перед наукой в настоящее время открылись перспективы, о которых еще недавно даже и не помышляли. Центр тяжести в обсуждении древнегерманского материального быта явственно переместился в сферу археологии, и в свете собранного ею и обработанного материала неизбежно приходится пересматривать и вопрос о значимости письменных свидетельств о германских племенах...

...Обнаружение остатков поселений и следов древних полей коренным образом меняет всю картину материальной жизни Средней и Северной Европы на рубеже н.э. и в первые ее столетия. Есть основания утверждать, что упомянутые находки аграрного характера кладут конец длительным и продемонстрировавшим свою бесплодность спорам, связанным с истолкованием высказываний Цезаря и Тацита о германском земледелии и землепользовании — лишь в свете реконструкции полей и поселений становится вполне ясным, что эти высказывания не имеют под собой реальных оснований. Таким образом, если еще сравнительно недавно казалось, что археология может послужить только известным дополнением к анализу литературных текстов, то ныне более или менее ясно, что этим ее роль отнюдь не исчерпывается: самым серьезным образом под сомнение поставлены ключевые цитаты из «Германии» и «Записок о галльской войне», касающиеся аграрного строя

германцев, — они представляются продуктами риторики или политической спекуляции в большей мере, нежели отражением действительного положения дел, и дальнейшие попытки их толкования кажутся беспредметными.

И все же затруднение, которое испытывает исследователь древнегерманского общества, остается: он не может игнорировать сообщений античных авторов о социальной и политической жизни германцев, тем более что археологические находки дают куда меньше данных на этот счет, нежели об их материальной жизни. Но здесь приходится учитывать еще одно обстоятельство.

Интерпретация текстов античных авторов осложняется, помимо прочего, еще и тем, что они характеризовали германские отношения в категориях римской действительности и передавали понятия, присущие варварам, на латинском языке. Никакой иной системой понятий и терминов римляне, естественно, не располагали, и возникает вопрос: не подвергались ли социальная и культурная жизнь германцев — в изображении ее латинскими писателями — существенной деформации уже потому, что последние прилагали к германским институтам лексику, не способную адекватно выразить их специфику?..

...Во всяком случае, осознание трудностей, порождаемых необходимостью перевода — не только чисто филологического, но и перехода из одной системы социокультурных понятий и представлений в другую, — помогло бы точнее оценить античные письменные свидетельства о древних германцах...

...Археология поселений, инвентаризация и картография находок вещей и погребений, данные палеоботаники, изучение почв показали, что поселения на территории древней Германии распределялись крайне неравномерно, обособленными анклавами, разделенными более или менее обширными «пустотами». Эти незаселенные пространства в ту эпоху были сплошь лесными...

...Изучение обнаруженных на территории Ютландии следов полей, которые возделывались в древности, показало, что поля эти располагались преимущественно на местах, расчищенных из-под леса...

...Типичной «исходной» формой германских поселений, по единодушному утверждению современных специалистов, были хутора, состоявшие из нескольких домов, или отдельные усадьбы. Они представляли собой небольшие «ядра», которые постепенно разрастались...

...Особенно детально изучены остатки полей доримского и римского железного века на территории Ютландии. Эти поля представляли собой участки в виде неправильных прямоугольников. Поля были либо широкие, небольшой длины, либо длинные и узкие; судя по сохранившимся следам обработки почвы, первые вспахивались вдоль и поперек, как предполагается, примитивным плугом, который еще не переворачивал пласта земли, но резал и крошил ее, тогда как вторые вспахивались в одном направлении, и здесь применялся плуг с отвалом. Возможно, что обе разновидности плугов применялись в одно и то же время. Каждый участок поля был отделен от соседних невспаханной межой — на эти межи складывались собранные с поля камни, и естественное движение почвы по склонам и наносы пыли, из года в год оседавшей на сорной траве на межах, создали низкие широкие границы, отделявшие один участок от другого. Межи были достаточно велики для того, чтобы земледелец мог проехать вместе с плугом и упряжкой тяглых животных к своему участку, не повредив соседских наделов. Не вызывает сомнений, что наделы эти находились в длительном пользовании.

Площадь изученных «древних полей» колеблется от 2 до 100 га, но встречаются поля, достигающие площади до 500 га; площадь отдельных участков в полях — от 200 до 7000 кв.м. Неравенство их размеров и отсутствие единого стандарта участка свидетельствуют, по мнению известного датского археолога Г. Хатта, которому принадлежит главная заслуга в исследовании «древних полей», об отсутствии переделов земель. В ряде случаев можно установить, что внутри огороженного пространства возникали новые межи, так что участок оказывался разделенным на две или несколько (до семи) более или менее равных долей... Расположение участков и обособленный характер их обработки дают исследователям основание полагать, что в изученных до сих пор аграрных поселениях железного века не существовало

чересполосицы или каких-либо иных общинных распорядков, которые нашли бы свое выражение в системе полей.

Открытие следов таких «древних полей» не оставляет никаких сомнений в том, что земледелие у народов Средней и Северной Европы еще в доримский период было оседлым и более интенсивным, чем предполагалось ранее. Таким оно оставалось и в первой половине I тысячелетия н.э. Разводили ячмень, овес, пшеницу, рожь. Именно в свете этих открытий, сделавшихся возможными вследствие усовершенствования археологической техники, стала окончательно ясной беспочвенность высказываний античных авторов относительно особенностей сельского хозяйства северных варваров. Отныне исследователь аграрного строя Древних германцев стоит на твердой почве установленных и многократно засвидетельствованных фактов и не зависит от неясных и разрозненных высказываний повествовательных памятников, тенденциозность и предвзятость коих невозможно устранить...

...Тезис о частной собственности на землю у германских народов на рубеже н.э. утвердился в новейшей западной историографии...

...Однако вопрос о том, свидетельствует ли длительность обработки земли и наличие межей между участками о существовании индивидуальной собственности на землю, неправомерно решать лишь с помощью тех средств, какими располагает археолог. Социальные отношения, в особенности отношения собственности, проецируются на археологический материал весьма односторонне и неполно, и планы древних германских полей еще не раскрывают тайны общественного строя их владельцев. Отсутствие переделов и системы уравнительных участков само по себе едва ли дает нам ответ на вопрос: каковы были реальные права на поля у их возделывателей? Ведь вполне можно допустить — и подобное предложение высказывалось, — что такая система землепользования, какая рисуется при изучении «древних полей» германцев, была связана с собственностью больших семей. «Длинные дома» раннего железного века рассматриваются рядом археологов именно как жилища больших семей, домовых общин. Но собственность на землю членов большой семьи по своему характеру Чрезвычайно далека от индивидуальной. Изучение скандинавского материала, относящегося к раннему средневековью, показало, что даже разделы хозяйства между малыми семьями, объединявшимися в домовую общину, не приводили к обособлению участков в их частную собственность...

...Встает, тем не менее, более общий вопрос: каково было отношение к обрабатываемой земле у человека изучаемой нами эпохи? Ибо нет сомнения в том, что в конечном счете право собственности отражало как практическое отношение возделывателя земли к предмету приложения его труда, так и некие всеобъемлющие установки, «модель мира», существовавшую в его сознании.

Археологическим материалом засвидетельствовано, что жители Центральной и Северной Европы отнюдь не были склонны часто менять места жительства и земли под обработкой (впечатление о легкости, с которой они забрасывали пашни, создается лишь при чтении Цезаря и Тацита), — на протяжении многих поколений они населяли все те же хутора и деревни, возделывая свои огороженные валами поля. Покидать привычные места им приходилось только вследствие природных или социальных бедствий: из-за истощения пашни или пастбищ, невозможности прокормить возросшее население либо под давлением воинственных соседей. Нормой была тесная, прочная связь с землей — источником средств к существованию. Германец, как и любой другой человек архаического общества, был непосредственно включен в природные ритмы, составлял с природой единое целое и видел в земле, на которой он жил и трудился, свое органическое продолжение, точно так же, как он был органически связан и со своим семейно-родовым коллективом.

Нужно полагать, что отношение к действительности члена варварского общества было сравнительно слабо расчленено, и говорить здесь о праве собственности было бы преждевременно...

...Земля для германца — не просто объект владения; он был с нею связан многими тесными узами, в том числе и не в последнюю очередь психологическими,

эмоциональными...

...Человек был включен в природу и находился с нею в постоянном взаимодействии; так было еще и в средние века, и тем более справедливо это утверждение применительно к древнегерманскому времени. Но связанность земледельца с его участком не противоречила высокой мобильности населения Центральной Европы на протяжении всей этой эпохи. В конце концов передвижения человеческих групп и целых племен и племенных союзов в огромной мере диктовались потребностью завладеть пахотными землями, т.е. тем же отношением человека к земле, как к его естественному продолжению.

Поэтому признание факта постоянного обладания участком пашни, огороженным межой и валом и обрабатываемым из поколения в поколение членами одной и той же семьи, — факта, который вырисовывается благодаря новым археологическим открытиям, — не дает еще никаких оснований для утверждения, будто бы германцы на рубеже новой эры были «частными земельными собственниками». Привлечение понятия «частная собственность» в данном случае может свидетельствовать только о терминологической неразберихе или о злоупотреблении этим понятием, человек архаической эпохи, независимо от того, входил он в общину и подчинялся ее аграрным распорядкам или вел хозяйство вполне самостоятельно, не был «частным» собственником. Между ним и его земельным участком существовала теснейшая органическая связь: он владел землей, но и земля «владела» им; обладание наделом нужно понимать здесь как неполную выделенность человека и его коллектива из системы «люди — природа».

При обсуждении проблемы отношения древних германцев к земле, которую они населяли и обрабатывали, видимо, невозможно ограничиваться традиционной для историографии дилеммой «частная собственность — общинная собственность». Марковую общину у германских варваров находили те ученые, которые полагались на слова римских авторов и считали возможным возводить к седой старине общинные распорядки, обнаруженные во времена классического и позднего средневековья...

...Вполне возможно, что у древних германцев существовали большесемейные группы, патронимии, тесные и разветвленные отношения родства и свойства — неотъемлемые структурные единицы родо-племенного строя. На той стадии развития, когда появляются первые известия о германцах, человеку было естественно искать помощи и поддержки у сородичей, и жить вне таких органически сложившихся коллективов он едва ли был в состоянии. Однако община-марка — образование иного характера, нежели род или большая семья, и она вовсе не обязательно с ними связана...

...Между древней общиной у германцев и средневековой «классической» маркой невозможно ставить знак равенства...

...Вполне вероятно, что выпас скота на лугах регулировался общинными правилами и что отношения соседства приводили к некоторой организации жителей деревни. Однако о системе принудительных полевых порядков в этих населенных пунктах мы сведений не имеем. Устройство «древних полей», следы которых изучены на обширной территории расселения древних германцев, не предполагало такого рода распорядков. Нет оснований и для гипотезы о существовании «верховной собственности общины на пахотные участки».

При обсуждении проблемы древнегерманской общины необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство. Вопрос о взаимных правах соседей на земли и о размежевании этих прав, об их урегулировании возникал тогда, когда возрастала численность населения и жителям деревни становилось тесно, а новых угодий не хватало. Между тем начиная со II—III вв. н.э. и вплоть до завершения Великих переселений происходило сокращение населения Европы, вызванное, в частности, эпидемиями. Поскольку же немалая часть поселений в Германии представляла собой обособленные усадьбы или хутора, то едва ли возникала необходимость в коллективном регулировании землепользования.

Человеческие союзы, в которые объединялись члены варварского общества, были, с одной стороны, уже деревни (большие и малые семьи, родственные группы), а с

другой — шире («сотни», «округа», племена, союзы племен). Подобно тому как сам германец был далек от превращения в крестьянина, социальные группы, в которых он находился, еще не строились на земледельческой, вообще на хозяйственной основе — они объединяли сородичей, членов семей, воинов, участников сходок, а не непосредственных производителей, в то время как в средневековом обществе крестьян станут объединять именно сельские общины, регулирующие производственные аграрные порядки.

В целом нужно признать, что структура общины у древних германцев нам известна слабо. Отсюда — те крайности, которые зачастую встречаются в историографии: одна, выражающаяся в полном отрицании общины в изучаемую эпоху (между тем как жителей поселков, изученных археологами, несомненно, объединяли определенные формы общности); другая крайность — моделирование древнегерманской общины по образцу средневековой сельской об-щины-марки, порожденной условиями более позднего социального и аграрного развития.

Может быть, более правильным подход к проблеме германской общины сделался бы при учете того существенного факта, что в хозяйстве жителей нероманизованной Европы, при прочной оседлости населения, первенствующую роль сохраняло все же скотоводство. Не пользование пахотными участками, а выпас скота на лугах, пастбищах и в лесах должен был, судя по всему, в первую очередь затрагивать интересы соседей и вызвать к жизни общинные распорядки...

...Во главе племен или союзов племен у германцев стояли вожди, выделявшиеся особой знатностью происхождения и воинскими доблестями. Возможно, что королевская власть (или лучше: власть «конунга»?) уже в тот период осмыслялась как сакральная, хотя точное содержание этой сакральности (происхождение от богов? тесная связь с ними и покровительство, оказываемое богами отдельным знатным родам? ведущая роль короля в религиозно-культовой жизни племени, жреческие или магические функции его?) ускользает от нашего взора.

Во всяком случае, ясно, что наличие королевской власти предполагало существование социальной группы, которая концентрировалась вокруг короля, — нобилитета. Знать находилась с королем в противоречивых отношениях: знатные люди сплачивались в возглавляемые вождями дружины, служили им, искали у них наград и добычи, вступали с ними в отношения личной службы и покровительства, но в определенных ситуациях представители нобилитета могли фигурировать и в роли конкурентов короля и завязывать с ним или между собой борьбу за власть...

...Представители знати выделялись из остальной массы соплеменников своими богатствами, и не только украшениями, оружием и другими сокровищами, которые они захватывали в войнах или выменивали на захваченную добычу, но и большими земельными владениями. В пользу этой точки зрения свидетельствуют как высказывания латинских авторов, так и данные археологии. При всей неясности слов Тацита о том, что германцы делят землю «по достоинству», все же возможно, что за ними стояла некая реальность — неравные разделы владений в зависимости от происхождения участников дележа занятой

земли...

...Знать, как явствует из высказываний Тацита, играла ведущую роль в управлении племенем, и именно на ее собраниях и пирах обсуждались все важнейшие дела — остальным же соплеменникам предоставлялось, потрясая оружием, одобрить те предложения, которые были выработаны королем и знатью. Вообще «простолюдины», рядовые свободные занимают в рисуемой Тацитом картине общественной жизни Германии второстепенное место. Инициатива в принятии решений, имеющих значение для жизни народа, принадлежит, согласно этой картине, вождям и нобилям, масса следует за ними...

...У германцев, отмечает Тацит, «существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд». Даже если допустить, что дары, приносимые свободными соплеменниками вождям, действительно имели добровольный характер, то легко предположить, что в случае

нежелания кого-либо из членов племени выказать подобное уважение его главе такой человек рисковал навлечь на себя месть или опалу. Дары эти — далеко не подать, не принудительная дань, и тем не менее налицо элемент эксплуатации части ресурсов свободного населения в интересах нобилитета. Вполне возможно, что в материальном отношении эти дары были необременительными, однако самая традиция делиться ими с вождями выражала способ перераспределения материальных благ между рядовыми свободными и нобилитетом. Для предводителя, окруженного многочисленной дружиной, подарки, получаемые как от соплеменников, так и от соседних племен, должны были служить немаловажным подспорьем в укреплении его могущества...

...«Военная демократия» выступает в изображении Тацита в качестве крайне противоречивого феномена. С одной стороны, это *демократия,* и народ, все свободные участвуют в управлении племенем; нет отношений эксплуатации в среде свободных. С другой же стороны, это *военная* демократия, и воинственный нобилитет оказывает все возрастающее влияние на все стороны социальной и хозяйственной жизни. Знать представляла собой динамичный фактор в варварском обществе, и перегруппировка племен, возникновение новых племен и их союзов в позднеримский период в большой степени определялось военной ролью нобилитета...

...Таким образом, знать, вожди, дружинники, несомненно, выделялись из основной массы населения как своим образом жизни, воинственным и праздным, так и немалыми богатствами, которые были ими награблены, получены в подарок или в результате торговых сделок; их земельные владения были более крупными, чем владения остальных свободных, и, видимо, знатные семьи преимущественно использовали труд рабов, перекладывая на них заботы о своем содержании... Зажиточные собственники могли принимать участие в производстве, даже если они и принадлежали к знати. Точно так же и рабы, о которых мы знаем из тацитовской «Германии» (Тацит уподобляет их римским колонам, мелким свободным арендаторам и явно идеализирует их положение), трудились не на одних только вождей и дружинников, и наличие одного или нескольких рабов в хозяйстве свободного человека никоим образом не избавляло его самого от необходимости заниматься производственной деятельностью.

Об этих германских рядовых свободных известно очень немногое: внимание римских авторов было, естественно, приковано к наиболее воинственному и динамическому слою дружинников и нобилей. Между тем рядовые свободные соплеменники составляли костяк населения...

...Свободный соплеменник был занят сельскохозяйственным, а временами и ремесленным трудом, но в его хозяйстве или на участках, выделенных из его владения, вполне могли трудиться несвободные или зависимые люди, вместе с тем он был воином и участвовал в военных действиях и, нужно полагать, именно поэтому выступал в качестве члена народного собрания. Иначе говоря, свободный соплеменник был полноправным членом общества, еще не знакомого с последовательно проведенным разделением социальных функций, — общества доклассового.

Состав хозяйства соплеменника определить довольно трудно. Характерный для древних поселков «длинный дом», площадь которого достигала подчас 100—150—200 и более кв. метров, был способен вместить несколько десятков жителей. Его могла населять «большая семья» — коллектив родственников из трех поколений, включавший семью родителей и семьи их женатых или замужних детей; здесь жили и зависимые. О большой семье или домовой общине у древних германцев приходится высказываться гипотетически, поскольку никаких твердых данных на этот счет применительно к изучаемой эпохе нет и все предположения исходят из более позднего материала, рассматриваемого ретроспективно...

...Тем не менее индивида в древнегерманском обществе трудно представить себе вне состава обширного коллектива сородичей и других близких людей — в качестве члена этой группы он находил поддержку и помощь. По Тациту, вооруженные отряды германцев состоят из людей, связанных семейными узами и кровным

родством; у них принято мстить за убитого сородича — обычай, как известно, сохранившийся у германских народов и много веков позднее; широкое гостеприимство — признак общества, в котором людей сплачивают прежде всего родовые отношения; об этом же свидетельствует особо тесная связь между сыном сестры и дядей. Однако беспочвенно предположение о существовании у германцев родовых общин, члены которых якобы вели совместное хозяйство. Как передает Тацит, «наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети»; при их отсутствии имущество переходило лицам, ближайшим по степени родства, — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери. Новые данные о землепользовании и поселениях германцев подтверждают мысль о том, что производственной ячейкой этого общества была семья («большая» или «малая»). Мелкое производство едва ли требовало объединения усилий отдельных хозяев.

...Знать, дружинники, свободные, вольноотпущенники, рабы — таков в изображении античных авторов состав Аревнегерманского общества. Археологический материал да-ет картину этого общества в несколько иной проекции. Здесь знатные и могущественные люди выступают не в роли участников пиров и сходок, а как обладатели полей и стад, оружия и сокровищ. Точно так же и простой народ в археологическом освещении рисуется не в виде прячущихся в лесах и болотах воинов, которые легко снимаются с мест и переселяются в другие области, но нерадивы в обработке земли, — раскопки свидетельствуют о населении деревень, существующих на протяжении нескольких столетий, населении, поглощенном заботами о скоте и вспашке земли, постройке деревянных домов и ремесле...

...Особое внимание привлекают поселения, следы которых открыты археологами. Интерес к этим данным возрастает в связи с тем, что в ряде случаев вскрыто несколько археологических горизонтов, датируемых разными периодами, так что удается проследить последовательные этапы истории одной и той же деревни...

...Постепенный и неуклонный рост одного наиболее богатого хозяйства в этой деревне на протяжении нескольких столетий заставляет предположить, что здесь действительно происходило материальное и социальное возвышение некой семьи, которая если и не подчинила себе прочих жителей, то распространила свое влияние на всю деревню. Могущество этой семьи опиралось на доходы от скотоводства и земледелия, а также и во всевозрастающей степени — от ремесленного производства и торговли, в том числе и дальней...

...Оставляя в стороне утверждения о существовании в обследованных поселках «господ» или «предводителей» и «зависимых держателей», ибо для устранения социального статуса обладателей крупных усадеб и их отношений с остальным населением деревни явно нужны были бы совершенно иные источники, мы, тем не менее, имеем основания констатировать существование в этих аграрных населенных пунктах значительной общественной и имущественной дифференциации. Эта дифференциация, судя по всему, усиливается в эпоху Империи.

Выводы, сделанные на все же территориально ограниченном материале обследования поселений, находят дальнейшее подтверждение при изучении погребений. В захоронениях доримского железного века можно видеть отражение относительного имущественного и социального равенства, начиная же со времен принципата становится заметной дифференциация на богатые и бедные погребения...

...Конечно, было бы неосторожно, исходя из разительных контрастов в наборе вещей, которые помещали в погребение вместе с телом или урной с прахом умершего, прямо заключать о его статусе — следовало бы учесть и религиозные верования, в частности представления о загробном мире, и погребальные традиции. И тем не менее свидетельства археологии убеждают в том, что в древнегерманском обществе существовали зажиточные и бедные, не говоря уже о знати, которая располагала подчас огромными богатствами и похвалялась редкими сокровищами, импортированными из Рима. О наличии немалых богатств у части населения (или у отдельных индивидов) красноречиво говорят многочисленные клады, содержащие монеты римской чеканки, драгоценности, утварь, оружие и т. п.

Обладание сокровищами способствовало возвышению вождей и упрочению их власти, привлекая в их дружины наиболее воинственную часть соплеменников...

Трудно удержаться от заключения, что в этом обществе знать возвысилась над рядовыми свободными, заняв доминирующую позицию и в социальной, и в хозяйственной жизни, сосредоточив в своих руках ведение войн (в которых в случае необходимости принимали участие все свободные мужчины), а возможно, и руководство культом...

...А. И. Неусыхин видел в древнегерманском нобилитете социальную группу, которая выделилась из свободных соплеменников благодаря войне... Изучение археологических данных побуждает предположить, что накопление богатств и в мирных условиях приводило к обособлению в среде скотоводческого и земледельческого населения германских Деревень преуспевающей верхушки, хотя остается загадкой, в какой мере она идентична нобилитету, изображенному Цезарем и Тацитом.

Признавая имущественное и социальное расслоение германского общества, тем не менее можно со всей определенностью отрицать зарождение в нем классовой структуры. Тезис о наличии у германцев частной собственности на землю, который многократно постулировался историками, не находит подтверждения. Перед нами — родо-племенное варварское общество на поздней стадии своего развития («высшая ступень варварства» по Энгельсу). Существующие в нем социальные градации — знать, свободные, рабы, — это разряды именно родо-племенного общества, основную массу которого образуют свободные. Нет указаний о зависимости, личной или хозяйственной, одних свободных от других, и в этом отношении владения состоятельных германцев, в которых эксплуатировались рабы, радикально отличаются от средневековых вотчин с зависимыми крестьянами из числа бывших свободных. Ни зависимость сервов от их господ, ни личная связь дружинников с вождем не могут свидетельствовать о возникновение «зародышей» феодализма — они должны рассматриваться в контексте древнегерманской социальной системы, структурно, а не «телеологически». Варварское общество — последняя стадия доклассового общества...

История крестьянства в Европе.
Эпоха феодализма. Т. I. М.,
1985. С. 90—127.

Падение Римской империи и образование варварских королевств в V—VI вв.

Известное военно-политическое равновесие, установившееся между римским миром и германцами и сохранявшееся около полутораста лет, было нарушено в середине II в. маркоманнской войной.

С этого времени римляне сталкиваются уже не с мелкими разрозненными племенами, с которыми хорошо организованная римская армия справлялась относительно легко, ^ с крупными племенными союзами: алеманнов, бургундон франков и др. С конца II и особенно с начала III в. начинается почти непрерывное продвижение германцев на пограничные территории Империи. В качестве причин новой волны миграций — «Великого переселения народов» — выдвигаются, как правило, следующие две. Во-первых, рост населения, который в условиях неблагоприятных климатических изменений и неразвитости агрикультуры привел к необходимости искать новые земли для поселения и обработки. Во-вторых, резко возросшее давление на приграничные германские племена со стороны более отдаленных, главным образом кочевых, варварских племен, прежде всего готов и гуннов.

Движение на юг готов, потеснивших более западные германские племена, спровоцировало нашествие маркоманнов на римскую территорию. Жившие за Эльбой алеманны и бургунды придвинулись к Рейну, оставив свои земли другим германским племенам, среди которых образовались новые крупные союзы — вандалы, лангобарды и др. В конце концов Империи пришлось уступить алеманнам «десятинные поля», а готам — провинцию Дакия (на левом берегу нижнего Дуная). По договору, заключенному Константином и установившему мирные отношения с готами, последние поставили в римскую армию 40 тыс. воинов и обязались не пропускать к дунайской границе другие племена.

Готы, утвердившиеся в Причерноморе, распадались на две ветви: вестготов, живших в Дакии, которая стала Готией, и остготов, которые занимали земли за Днестром. В IV в. среди готов распространилось христианство в форме арианства, епископ Ульфила перевел Библию на готский язык. От готов арианство заимствовали и другие германские племена. В середине IV в. королю остготов Германариху удалось установить свое господство над всеми готами, но в 375 г., приняв первый удар надвигавшихся на Европу гуннов, «держава Германариха» прекратила свое существование, сам он пал в битве, а остготы были Увлечены гуннской ордой на запад.

«Вестготы, спасаясь от приближавшейся орды, ринулись к Дунаю. И вот в 376 году к императору Валенту в Антиохию прибыло вестготское посольство. Вестготы просили императора позволить им поселиться в пределах Империи и за это обещали ему свою службу и подчинение. Просьба их была исполнена: около 200 000 человек, способных носить оружие, с женами, детьми и стариками (всего до 700000 или 900000 человек), были размещены гарнизонами в Мезии (теперешняя Болгария), и местные власти должны были снабжать провиантом это варварское войско, поселенное на территории Империи, чтобы защищать ее от внешних врагов. Злоупотребления, которые позволяли себе римские чиновники, заведывавшие продовольствием, а также разные другие притеснения, которым подвергали варваров представители имперской администрации, вызвали среди готов открытое восстание. К восставшим в большом количестве присоединились римские крестьяне и рабы, и весь Балканский полуостров подвергся страшному разгрому. Император Валент был разбит и убит в сражении с восставшими (в 378 году) при Адрианополе. Только в 382 году Феодосию удалось усмирить восстание и заключить с готами договор, в силу которого они признали власть императора и в качестве союзного войска получали квартиры и содержание в разных частях Балканского полуострова. Варваризация Восточной империи стала делать большие успехи.

Не иначе дело обстояло и в Западной империи. Здесь также, за недостаточностью собственных военных сил, правительство принуждено было прибегать для защиты

Империи от варваров к варварам же, для чего вдоль рейнской границы селило группы варваров на положении лэтов или федератов, чтобы они отражали нападения бургундов, алеманнов и франков, часто вторгавшихся в Галлию и державших ее в состоянии хронического разорения...» *(Петрушевский Д. М.* Очерки... С. 177—178).

Именно в IV в. варвары стали той грозной силой, под ударами которой было в конце концов суждено пасть Великой Империи.

«Римская армия, прославленная столькими победами, в IV в. превращается в наемную, состоявшую из варваров.

Даже военная казна получает теперь название варварской. Германцы становятся командующими армией и преторианской гвардией, по своей воле смещая или возводя на трон императоров. Римских орлов на армейских знаках постепенно вытесняли варварские драконы, прикрепленные к древкам копий. Римляне, много веков кичившиеся всем истинно римским, начинали подражать варварам даже в одежде. Так, император Грациан обряжался в костюм своих телохранителей-аланов, а молодые щеголи появлялись в брюках — ранее презираемом атрибуте варварства — и отпускали длинные волосы» *(Уколова В. И.* Поздний Рим... С. 16—17).

«Позиция римлян по отношению к варварам была обычно двоякой. В зависимости от обстоятельств и политических расчетов они подчас принимали наседавшие на них племена, селили их на положении федератов и в этом случае уважали их своеобразные обычаи, нравы. Таким образом они умеряли их агрессивность, превращая себе на благо в солдат и крестьян, пополняя нехватку военной и рабочей силы.

Императоры, прибегавшие к такой политике, не заслужили благодарности сторонников традиционного отношения к варварам, в соответствии с которым они считались скорее животными, нежели людьми. Такова была вторая, более характерная для римлян позиция. «Константин, — пишет греческий историк Зосима, — открыл ворота варварам... и стал виновником крушения Империи».

Аммиан Марцеллин винит Валента в слепоте, когда тот в 376 г. организует переправу готов через Дунай. «Множество людей было направлено с поручением обеспечить всем необходимым для переправы этот дикий народ. Были приняты меры, чтобы никто из будущих разрушителей Римской империи, даже будучи при смерти, не остался на том берегу... И вся эта спешка, весь этот переполох Ради того, чтобы приблизить крушение римского мира» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация... С. 13).

Некоторые события внутреннего характера, несомненно, способствовали успехам варварских вторжений. В IV—V вв. антиримские выступления местной знати и массовые народные движения в западных провинциях Империи приобретают эндемический характер. Такова, в частности, была природа восстаний циркумцеллионов в Северной Африке, направленных против императорских чиновников, крупной земельной знати, ростовщиков и подавленных только в I половине V в. В начале V в. вновь активизировалось в Галлии и распространилось на Северо-Западную Испанию народное движение багаудов (оно возникло еще в конце III в.), среди которых были мелкие землевладельцы (в основном кельтского происхождения), колоны и беглые рабы.

Римский христианский писатель Сальвиан (середина V в.) в своем трактате «О божьем правлении», осуждая римские порядки, писал: «Бедные обездолены, вдовы стенают, сироты в презрении, и настолько, что многие из них, даже хорошего происхождения и прекрасно образованные, бегут к врагам. Чтобы не погибнуть под тяжестью государственного бремени, они идут искать у варваров римской человечности, поскольку не могут больше сносить варварской бесчеловечности римлян. У них нет ничего общего с народами, к которым они бегут; они не разделяют их нравов, не знают их языка и, осмелюсь сказать, не издают зловония, исходящего от тел и одежды варваров; и тем не менее они предпочитают смириться с различием нравов, нежели терпеть несправедливость и жестокость, живя среди римлян... Римского гражданства, некогда не только очень уважаемого, но и приобретавшегося за высокую цену, ныне избегают и боятся, ибо оно не только не ценится, но вызывает страх... По этой причине даже те, кто не бежит к варварам, все равно вынуждены превращаться в варваров, как это происходит с большинством

испанцев и многими галлами, равно как и со всеми, кого на обширных пространствах римского мира римская несправедливость побуждает отрекаться от Рима. Багауды, к примеру, будучи обездолены, унижены и погублены дурными и жестокими судьями, лишившись права римской свободы, утратили и честь римского племени. Мы обвиняем их самих в их несчастье, позорим их прозвищем нами же придуманным, называем мятежниками, отверженными обществом людьми тех, кого сами принудили стать преступниками. Ибо что же заставило их стать багаудами, если не наша несправедливость, не злодеяния судей, не проскрипции и грабежи тех, кто превратил взимание государственных повинностей в источник собственного дохода, а налоговый реестр в средство своекорыстной добычи?.. Так случилось, что люди, которых душили и губили грабители-судьи, уподобились варварам, потому что им не позволили быть римлянами» (Цит. по кн.: *Ле Гофф Жак.* Цивилизация... С. 15).

Тяжелейший удар по Западной Римской империи был нанесен в начале V в. вестготами под предводительством Алариха, которые, получив на востоке Иллирию, начали затем наступление на Италию. С целью организации обороны в Италию были вызваны легионы из Британии и значительная часть рейнской армии. Сосредоточение римских войск в Италии открыло варварам путь на римскую периферию. Оставленная на произвол судьбы Британия была вскоре завоевана англосаксами. Бургунды, алеманны и франки окончательно утвердились на левом берегу Рейна, свевы, вандалы и аланы дошли до Пиренеев и проникли в Испанию.

Война с Аларихом длилась около десяти лет, в течение которых вооруженные столкновения перемежались с мирными переговорами и соглашениями. Наемные римские войска, состоявшие преимущественно из варваров, под командованием высшего военачальника Западной империи вандала Стилихона, защищали Рим от других варварских племен и одержали над ними немало побед. Но в 408 г. по настоянию антигермански настроенной «патриотической» группировки придворной знати, обвинившей главнокомандующего в тайных связях с Аларихом и измене Империи, император Гонорий казнил Стилихона. Устранение Стилихона, приход к власти главы «антигерманской» партии Олимпия, движение против германцев и ариан, вызвавшее переход части воинов Стилихона после убийства их вождя на сторону Алариха и сопровождавшееся истреблением семей германских наемников на римской службе, сразу же отрицательно сказалось на обороноспособности Империи. В том же году Аларих с полчищами вестготов снова вторгся в Италию. К ним во множестве бежали италийские рабы и колоны. В конце лета 410 г. в результате третьей осады Аларих взял Рим, ворота которого открыли ему рабы. «Это событие заставило содрогнуться весь западный мир. Даже христианский писатель Иероним, не любивший и осуждавший развратный Рим, с отчаянием воскликнул: «Увы, мир рушится!»... Три дня вестготы грабили и жгли «вечный город», убивали его жителей. Впрочем, они вели себя примерно так же, как некогда римляне в завоеванных ими городах. Однако, если жестокость по отношению к варварам для римлян была делом обычным и оправдывалась «более низким» положением этих «дикарей», то посягательство на «главу мира» — Рим, жестокое отношение к римлянам, считавшим себя «цветом» вселенной, не только вызывало естественные человеческие чувства страха, ненависти, отчаяния, горя, но и никак не могло уложиться в сознании тех, кто от века привык считать Рим властелином вселенной. Это было не только крушение «Вечного Града», но и крушение многовековых представлений, всей системы римских ценностей» *(Уколова В.И.* Поздний Рим... С. 17). Жак Ле Гофф обращает внимание на то, что «другие тексты звучат, однако, в иной тональности. Святой Августин, не переставая оплакивать беды римлян, отказывался видеть во взятии Рима Аларихом в 410 г. что-либо иное, чем просто горестное событие, каких римская история знала немало, и подчеркивал, что в отличие от многих прославленных римских полководцев, снискавших известность разграблением захваченных городов и уничтожением их жителей, Аларих согласился признать за христианскими церквами право убежища и уважал его. «Все совершенные во время недавнего бедствия, постигшего Рим, опустошения, избиения, грабежи, поджоги и издевательства — обычное явление для войны. Но что было необычным, так это то, что варварская дикость чудесным образом обернулась такой

мягкостью, что в самых больших базиликах, выбранных и предназначенных для спасения народа, никто не был избит и никого не тронули, никто оттуда не был уведен в рабство жестокими врагами, а многих сочувствующие враги сами препровождали туда, чтобы сохранить им свободу. \\ все это свершилось во имя Христа, благодаря тому, что настало христианское время»...

Варвары, расселившиеся в V в. по Римской империи, отнюдь не были теми молодыми, но дикими народами, только что вышедшими из своих лесов и степей, какими они изображались их ненавистниками в ту эпоху или почитателями в новое время... Они прошли долгий путь эволюции во время своих нередко вековых странствий, завершившихся в конце концов нашествием на Римскую империю. Они много видели, много узнали, немало усвоили. В своих странствиях они вступали в контакты с разными культурами и цивилизациями, от которых воспринимали нравы, искусства и ремесла... Предводители варваров приглашали римлян в качестве советников, перенимали римские нравы, украшали себя римскими титулами консулов, патрициев и т. д. Они выступали не в роли врагов, а в роли поклонников римского политического устройства. Их скорее можно было принять за узурпаторов римской власти. Они составляли как бы последнее поколение тех иноземцев — испанцев, галлов, африканцев, иллирийцев, выходцев из восточных провинций, — которые постепенно захватывали высшие магистратуры и овладевали империей. Но ни один варварский владыка не осмеливался объявить себя императором...

...Стоит, однако, заметить, что представление о вторжении варваров как о мирном переселении или, в шутку говоря, о туризме далеко от реальности. Эта эпоха, несомненно, была смутным временем. Смута порождалась прежде всего столкновениями завоевателей. На своем пути племена и народы вступали в борьбу, подчиняли друг друга, перемешивались. Некоторые создавали эфемерные конфедерации, как гунны, включившие в свое войско остатки разбитых остготов, аланов и сарматов. Рим, пытаясь играть на их взаимной вражде, в спешке романизировал пришедших первыми, чтобы противопоставить их последующим, более диким...

...Смятение усугублялось страхом. Даже если принять в расчет преувеличение в рассказах об опустошениях и избиениях людей, которыми полна литература V в., нет никакого сомнения в жестокости и разрушительности «путешествий» варварских народов.

Вот какова была Галлия после крупного вторжения 417 г., по описанию Орента, епископа города Оша: «Смотри, сколь внезапно смерть осенила весь мир и с какой силой ужасы войны обрушились на народы. И холмистые лесные кущи, и высокие горы, и стремительные реки, и крепости с городами, и морские преграды, и места пустынного затворничества, и ущелья, и даже пещеры в мрачных скалах — все оказалось под властью варваров. Одни погибли, став жертвой подлости или клятвопреступления, а другие были выданы на смерть своими согражданами. Немало гибло в засадах врагов, но не меньше — из-за насилия, творимого народом. Те, кто сумели устоять перед силой, пали от голода. Несчастная мать распростерлась вместе с детьми и мужем. Господин вместе со своими рабами сам оказался в рабстве. Многие стали кормом для собак; другие живьем сгорели в своих домах, охваченных пламенем. В городах, деревнях, виллах, вдоль дорог и на перекрестках, здесь и там — повсюду смерть, страдание, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожаре».

А вот как выглядела Испания, по словам епископа Идация: «На Испанию набросились варвары; с не меньшей яростью обрушились заразные болезни; имущество и припасы в городах захвачены сборщиками податей, а оставшееся разграблено солдатней. Голод свирепствует столь жестокий, что люди пожирают человечину. Матери режут детей, варят и питаются их плотью. Дикие звери, привыкшие к человечине, обильно поставляемой голодом, оружием и болезнями, набрасываются даже на живых и полных сил людей; не довольствуясь мертвечиной, они жаждут свежей плоти рода человеческого. Война, голод, болезни и звери как четыре бича неистовствуют во всем мире, и сбываются прорицания Господа нашего и пророков его» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация... С. 14—21).

После взятия Рима вестготы с награбленной добычей устремились в Южную Италию, но после смерти Алариха, по договору с императором Гонорием, они перешли в Южную Галлию, затем в 414 г. отвоевали у вандалов и свевов Испанию, откуда в 418 г. отошли назад, получив для поселения провинцию Аквитанию (между Пиренеями, Атлантическим океаном и Гаронной), где возникает Тулузское королевство вестготов, первое варварское королевство на римской территории. Вестготы составили имперскую армию, а их королевство формально считалось составной частью Империи. Король вестготов становился одновременно высшим военным и гражданским сановником, подданным и наместником императора. Но на самом деле он был совершенно независим. Характер поселения готов в Аквитании принципиально отличался от прежних условий службы федератов: они расселились в императорских имениях и в крупных поместьях местных землевладельцев, получив от них две трети пахотных земель, половину лесов и лугов, часть рабов и колонов, жилых и хозяйственных построек, скота и инвентаря. Некоторые римские авторы V в. подчеркивали отличие готов-христиан от варваров-язычников и утверждали, что положение римского населения в землях, занятых готами и другими германскими племенами, было гораздо лучше, чем в Империи, и что римский плебс в этих землях боится, как бы ему не пришлось опять попасть в римское подданство. Бургунды, поселившиеся в качестве римского вспомогательного войска сначала на левом берегу Рейна, а потом в Савойе, занимают римские земли по приглашению местного населения, желавшего таким путем избавиться от фискального гнета Империи. Бургунды, также как и вестготы, взяли в свою пользу две трети земель, главным образом из владений казны и знати.

В 429 г., завладев находящимся в портах Испании морским флотом, вандалы переправились в Северную Африку и начали ее завоевание. В 439 г. житница Империи — провинция Африка была навсегда от нее отторгнута.

С 20-х годов V в. заметную часть римской армии составляли гуннские наемники, использовавшиеся против Франков, бургундов и багаудов Галлии. Но в 451 г. гунны во главе со своим вождем Аттилой и в союзе с рядом других германских племен вторглись в Галлию. В решающем сражении на Каталаунских полях (в Шампани) они были разгромлены вестготами, франками и бургундами под командованием последнего великого римского полководца Аэция. Этот человек, добывший победу в одном из важнейших для судеб западной цивилизации сражений, был в 454 г. убит по приказу Валентиниана III, испугавшегося его растущей популярности. После его смерти наступила полная анархия. Престол Западной империи стал игрушкой в руках командиров, состоявших на римской службе германских отрядов, которые сами назначали и смещали императоров: за два десятилетия сменилось девять правителей.

«Империя, расшатавшая основы общественного благосостояния и превратившая своих подданных в своих врагов, видевших в ее гибели свое спасение, ослабившая общество и принужденная искать опоры против варваров в самих же варварах, в немалой мере страдала и слабела и от придворных интриг, — явления, весьма характерного для государства, которое устраняет всякое участие общества в политической жизни и вследствие этого всегда легко упускает из виду свою истинную цель — общественное благо — и превращается в господство и борьбу частных интересов лиц, стоящих во главе правительства в данный момент. И весьма серьезным средством в такой борьбе из-за власти являлись все те же варвары. Варварские вожди очень скоро начали понимать свое положение и не упускали случая пользоваться им в интересах своих и своих племен. Не мало ослабляла Империю и вражда между западной половиной империи и ее восточной половиной... Ко второй половине V века Западная Римская империя состояла уже из одной только Италии, так как к этому времени из нее выделились одна за другой все ее провинции (Галлия, Испания, Африка, Британия), образовав ряд самостоятельных варварских королевств. Но не долго пришлось просуществовать Западной империи и в таком скромном объеме» *(Петрушевский Д. М.* Очерки... С. 178, 187).

В 475 г. западноримское правительство было, видимо, вынуждено признать завоевания готов в Галлии и в Испании. В 476 г. варвары-наемники во главе со

скиром Одоакром, в ответ на отказ выделить им требуемую треть земель в Италии, восстали и сместили императора Ромула Августула. Одоакр был провозглашен королем Германцев в Италии и, не сочтя нужным поставить нового императора, отослал знаки императорской власти в Константинополь. Восточный император Зенон утвердил Одоакра в сане патриция и поручил ему управление Италией. 476 год вошел в учебники истории как дата «падения Западной Римской империи», хотя все историки признают ее неизбежную условность.

Процесс переселения племен и образования варварских королевств продолжался и после этой символической вехи. В том же году, когда был свергнут Ромул, вестготские войска перешли через Рону и после столкновения с бургундами заняли Арль и Марсель. Под их властью оказалась пятая часть территории Галлии. В 486 г. салические франки во главе со своим вождем Хлодвигом уничтожили в битве при Суассоне осколок Римской империи — государство Сиагрия в Северной Галлии. В 493 г., убив Одоакра, остготский король Теодорих становится правителем Италии. В 90-х годах V в. начались столкновения между вестготами и франками, завершившиеся в результате войны 507 г. разгромом Тулузского королевства и завоеванием Аквитании. Основной территорией Вестготского королевства с этих пор стали их испанские владения. В 534 г. франки завоевали Бургундское королевство, в этом же году было завоевано Византией государство вандалов, в 555 г. та же участь постигла и Остготское королевство. В 568 г. теснимые аварами лангобарды вторглись в Северную Италию, где и образовали Лангобардское королевство. В 585 г. под ударами вестготов погибло Свевское королевство.

«Низложение в 476 г. последнего императора Западной Римской империи подростка Ромула Августула было лишь тихой заключительной мизансценой великой исторической трагедии — падения Рима, сущность которой составила гибель общественной системы, первоначально основанной на рабстве, и соответствовавших ей структур, отношений, Религии и культуры» *(Уколова В. И.* Поздний Рим... С. 18).

Характер перехода от античности к средневековью и природа образовавшихся в результате падения Римской империи варварских королевств неизменно являлись и продолжают оставаться предметом острых дискуссий. Разногласия среди историков по этим вопросам связаны с различными представлениями о соотношении римских и германских элементов в генезисе средневековой цивилизации, о сущности самой средневековой эпохи и об историческом процессе вообще, даже независимо от того, рассматривается ли он как смена цивилизаций или общественных систем. Одни историки подчеркивают преемственность структур и институтов германских королевств с позднеантичными, представляя их историю вплоть до VIII в. как простое продолжение истории Империи, как последнюю фазу поздней античности на Западе. Другие — напротив, уделяя большое внимание проблеме синтеза римских и германских отношений, подчеркивают преемственность институтов древних германцев, основную и ведущую роль германского элемента в римско-германском синтезе. Наконец, третьи отмечают качественно новый характер эпохи варварских государств и, говоря о синтезе, имеют в виду не просто взаимовлияние, но такое взаимодействие, которое приводило к возникновению новых отношений. В этой интерпретации возникновение варварских королевств означало установление переходного протофеодального (или дофеодального) периода, в который происходит постепенное преодоление дуализма (двойственности) общественных структур и который заканчивается формированием раннефеодальных государств. Различия в темпах и формах социальных преобразований в странах Европы связываются с уровнем развития и степенью романизации каждой из бывших провинций Римской империи и с уровнем развития тех племенных объединений, которые поселялись на ее территории. Вот как описывают этот процесс А. Р. Корсунский и Р. Гюнтер:

«Для того чтобы более полно охарактеризовать смысл и значение указанного исторического перелома, следует рассмотреть два вопроса:

1) почему оказалась возможной военная победа варваров

над Западной империей и создание ими ряда королевств на ее территории?

2) каковы были социальный характер и сущность этих королевств?

Военный успех варваров нельзя объяснить ни их численным превосходством над римлянами, ни более высоким уровнем общественного развития. Наоборот, германцы, установившие свою власть над Галлией, Испанией, Италией и Северной Африкой, составили лишь несколько процентов от общей массы населения данных стран. По уровню же развития материальной и духовной культуры варварское общество стояло значительно ниже, чем позднеримское. Правда, вооружение варваров во многих случаях не уступало по своему качеству римскому. И их войско обладало внутренней сплоченностью, обусловленной узами родоплеменных объединений. Но всего этого было бы недостаточно для прочного военного успеха варваров, если бы не внутреннее разложение рабовладельческого позднеримского общества, все более сказывавшееся на его военном потенциале.

В Западной Римской империи IV—V вв. правительство не обладало широкой социальной базой и это обусловило военную слабость государства. Значительная часть населения была освобождена от службы в армии, а те, кто оставались военнообязанными, упорно уклонялись от несения службы. Магнаты, на которых лежала повинность представлять рекрутов из числа своих колонов, старались обойти это требование, и правительству пришлось согласиться на замену рекрутов денежными взносами. В конечном счете вооруженные силы государства состояли из варваров-наемников или варваров-федератов. Ни первым, ни вторым не присущи были патриотические настроения и та моральная стойкость, которую сообщает войску его органическое единство с гражданским населением и заинтересованность в судьбах своего государства. Массы производительного населения — рабы, колоны, свободные Крестьяне и городские ремесленники — не склонны были выступать в защиту того государства, которое отдавало их во власть крупных землевладельцев и декурионов и само подвергало жестокой эксплуатации с помощью налогов р повинностей. Это не значит, что колоны и крестьяне шли на союз с варварами, как утверждали в свое время некоторые историки. В некоторых случаях массы поднимала восстания, рабы использовали военные действия для бегстве, от своих господ, а иногда и примыкали к соплеменникам В целом же позиция низших слоев римского общества была пассивной. Но и подобное отношение народных масс к государству лишало его внутренней прочности, столь необходимой в период конфронтации с внешним противником...

В таких условиях Западная империя смогла просуществовать еще более половины столетия после взятия Риме Аларихом лишь благодаря разобщенности его противников и большому политическому и государственному опыту римских правящих кругов, которым удавалось использовать одних варваров для борьбы против других.

Для самих же германцев борьба против Римской империи в период ее крушения являлась экспансией, характерной для племен, находящихся на стадии разложения родоплеменного строя. Королевская власть варваров еще выступала на этой стадии как выразительница интересов всех свободных членов племени, заинтересованных в захвате земель для поселения и военной добычи.

В ходе завоеваний все более возрастало значение военных дружин, что содействовало в свою очередь усилению королевской власти...

Двойственный характер присущ социальной природе всех варварских королевств, возникших на территории Италии Галлии, Испании и Северной Африки, хотя удельный вес римских и германских элементов, точнее — позднеантичных рабовладельческих и родоплеменных — в разных страна v и даже в тех или иных областях одной и той же стран! был неодинаков. Во Франкском королевстве, в котором доля германцев в общей массе населения была гораздо большей, чем в других варварских королевствах в Европе и Африке, возник довольно значительный общинный уклад хозяйства (главным образом к северу от Луары). Основную массу германского населения составляли свободные рядовые франки, хотя имелись в его составе также слои полусвободных (литов) и рабов, с одной стороны, зарождавшейся служилой знати, дружинников, с другой. Рядом с этой структурой находилась другая

— галло-римская. Сохранилась значительная часть крупных и средних вилл, где хозяйствование велось прежними позднеантичными способами, оставались римские города и деревни. Соответственно уцелели римские светские крупные и средние землевладельцы, католическое духовенство, мелкие земельные собственники, прекаристы, колоны и рабы, а также купцы и ремесленники. Для общественного управления характерно сосуществование системы военной демократии в виде королевской власти, местных судебных собраний, военного ополчения всех свободных франков, с одной стороны, остатков римской административной системы (комиты городов, судьи, сборщики налогов и проч.), которые, однако, тоже имеют теперь своим главой франкского короля, с другой.

Наряду с германским обычным правом сохраняет свое действие для галло-римского населения постклассическое римское право. Если ведущими принципами последнего являются идеи частной собственности, классовой иерархии, то первое еще признает принцип родовой собственности, исходит из полноправности всех свободных германцев. Такое же примерно сосуществование римских и германских элементов характерно и для Бургундского, Вестготского, Вандальского, Свевского и Остготского королевств. Особенностью всех этих политических образований (отвлекаясь от своеобразных черт каждого из них) было еще большее численное превосходство местного населения над германским, чем во Франкском государстве, расселение германцев не обособленно от римлян (как было в большинстве случаев в королевстве Хлодвига), а вперемешку с ними (во всяком случае в королевствах вестготов, бургундов и остготов). Свободные германские общины здесь представляли собой островки среди римских вилл и деревень со смешанным Римско-германским населением. Соответственно узкой была сфера действия германских судебных собраний.

Несмотря на свою малочисленность, слой свободных рядовых германцев играл известную роль в хозяйственной жизни страны, оказав влияние на ее аграрный строй и положение непосредственных производителей. Особенно значительное место занимали они в политической жизни. Составляя войско, свободные германцы служили опорой королевской власти, которая и здесь надстроилась не только над германскими, но и над. римскими органами управления, Относительная слабость германского элемента в данных королевствах заставляла королевскую власть, которая являлась прежде всего и главным образом выразительницей интересов своих соплеменников, в первый период искусственно поддерживать обособленность двух основных этнических групп (запрещение смешанных браков, сохранение арианской религии)...

Иной характер носили варварские германские королевства, возникшие на территории Британии. Римские виллы и города вместе с римскими органами управления были здесь сметены в ходе завоевания страны варварами. Англосаксонское общество V—VI вв. было слабо дифференцировано: основная масса германцев — полноправные свободные; сохраняется еще и родоплеменная знать. Местное кельтское население оказалось в приниженном положении. Для обеих этнических групп характерно наличие полусвободных и рабов, не игравших основной роли в процессе производства. На этой социальной структуре базировалась и соответствующая общественная организация — королевская власть, народное ополчение, судебные собрания всех свободных в округах, обычное право, которое впервые фиксируется королевской властью лишь в начале VII в. (в Кенте)...

...Процесс феодализации в Европе нередко градуируют в соответствии с наличием или отсутствием синтеза римских и германских отношений и его интенсивностью. Выделяют так называемый «пропорциональный» или «уравновешенный» синтез, а также синтез, в котором преобладающую роль играл один из компонентов рассматриваемого взаимодействия— варварские элементы в одних случаях, позднеантичные — в других... Изучение отношений Римской империи и варварских племен, а также история варварских королевств позволяет сделать вывод, что взаимодействие римских и германских элементов приводило к феодальному синтезу лишь в определенных исторических условиях. Для реализации такого синтеза необходим был определенный уровень развития варваров и известная ступень

зрелости (и разложения) рабовладельческих отношений у римлян... Необходимым условием осуществления синтеза была также известная продолжительность мирного сосуществования и взаимовлияния двух основных этнических групп населения варварских королевств. В Остготском королевстве срок такого сосуществования в условиях мира (четыре десятилетия) был, по-видимому, слишком мал для того, чтобы взаимодействие римских и германских начал привело к феодальному синтезу. Необходимы были, наконец, и известные демографические условия. Нужен был некий численный минимум носителей варварских и римских институтов для того, чтобы они сыграли такую роль в развитии варварских королевств, которая привела бы к феодальному синтезу. Мы не располагаем точными данными о численности варваров, завоевывавших различные страны Западной Римской империи, но известно, что процентное отношение германцев к местному населению во Франкском королевстве (в начале VI в), было во много раз выше, чем в готской Испании (где германцы составляли 2—3 % от общей массы населения). В остготской Италии доля варваров в общей массе жителей страны, по-видимому, была еще менее значительной, чем в Испании, и это, вероятно, оказалось одной из причин, помешавших осуществлению синтеза в данной стране...» (*Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 198—211).

А вот в каком виде предстает римско-германский синтез с точки зрения истории цивилизаций. «...Средневековый мир стал итогом встречи и слияния двух миров, тяготевших Друг к другу, итогом конвергенции римских и варварских структур, находившихся в состоянии преобразования... В варварских обществах, мирно или с боем осевших на римской территории, не было равенства или его уже не было, если оно когда-либо существовало. Перед побежденными варвар мог гордиться лишь своей свободой, дорогой для него тем более, чем он был менее значительной персоной. Дело в том, что далеко зашедшая социальная дифференциация среди завоевателей привела еще до их переселения к возникновению если не классов, то различных социальных категорий. Появились могущественные и слабые, богатые и бедные, которые легко превращались в крупных и мелких землевладельцев на занятых или захваченных ими землях. Юридические различия, проводимые в законах Раннего Средневековья, могут создать иллюзию пропасти между свободными варварами, рабы которых якобы происходили из подчиненных иноплеменников, и потомками римлян, иерархически делившихся на свободных и несвободных. В действительности же социальная реальность была сильнее, и она быстро отделяла «могущественных» людей варварского и римского происхождения от «смиренных» из обеих этнических групп. Таким образом, благодаря традиции сосуществования, которая в некоторых районах восходит к III в., за расселением варваров довольно быстро последовало их более или менее полное слияние с местным населением... Ассимиляция варваров наталкивалась, конечно, на препятствия, из которых наиболее серьезными, надо полагать, для многих народов были их язычество и особенно арианство (до обращения в католицизм), а также их малочисленность. Впрочем, как сказал Марк Блок, «влияние одной цивилизации на другую не обязательно измеряется численным соотношением людей». Желание варварских народов после их расселения по римской территории разобщенными малыми группами сохранить свои традиции и обычаи, к которым они испытывали крепкую привязанность, чрезвычайно усиливались страхом оказаться поглощенными, ввиду своей малочисленности, местным населением... Варвары поэтому стремились, по крайней мере поначалу, избегать городов, где была большая опасность их поглощения... Случалось, что вновь прибывшие варвары оседали в сельской местности целыми деревнями... Стремление варваров сберечь свою самобытность обнаруживается также и в раннесредневековом законодательстве, где появляется такой столь чуждый римской юридической традиции принцип, как персональность права. В варварском королевстве люди не подлежали действию единого закона, распространявшегося на всех жителей его территории, но каждого человека судили по правовому обычаю той этнической группы, к которой он принадлежал: франка по франкскому обычаю или, точнее, по закону своей группы среди франков, например салическому, бургунда —

по бургундскому, а римлянина — по римскому праву. Отсюда удивительные расхождения, когда за насилие над девушкой римлянин наказывался смертью, а бургунд штрафом; напротив, свободная женщина, живущая с рабом, по римскому закону всего лишь сожительница, не теряющая своих прирожденных прав, тогда как салический закон низводил ее до положения рабыни. Риск могущей возникнуть от этого неразберихи в новых государствах был таков, что в начале V в. были предприняты большие усилия по обобщению права...

...Варвары пытались воспринять по возможности все высшее, что осталось от Римской империи, особенно в области культуры и политической организации. Но здесь, как и во всем прочем, они ускорили, отягчили и усугубили упадок, наметившийся в эпоху Поздней империи. Закат они превратили в регресс, утроив силу варваризации: своим варварством они амальгамировали варварство одряхлевшего римского мира и выпустили наружу дикие примитивные силы, скрытые ранее лоском римской цивилизации. Регресс был прежде всего количественным: загубленные человеческие жизни, разрушенные памятники архитектуры и хозяйственные постройки, быстрое сокращение народонаселения, исчезновение произведений искусства, разрушение дорог, мастерских, складов, систем орошения, уничтожение посадок сельскохозяйственных культур. Шло непрекращающееся разрушение, поскольку руины античных памятников служили карьерами для добычи камня, колонн, украшений. Неспособный творить и производить, варварский мир занимался «утилизацией». В этом разоренном, ослабевшем и полуголодном мире природные бедствия довершали то, что начали варвары. С 543 г. и на протяжении более Полувека пришедшая с Востока чума опустошала Италию, Испанию и большую часть Галлии...

...Если Запад начиная с поднеимперского периода как бы заскользил по наклонной, то в связи с классическим спором историков, было ли Раннее Средневековье Эпилогом античности или прологом новых времен (хотя любая или почти любая эпоха разве не является переходной?), представляется, что преемственность между Античностью и Средневековьем возобладала над разрывом...» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация. С. 27—39).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. М., 1960.

История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 1929.

Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.

Петрушевский Д. *М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М., 1917.

Уколова В. И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992.

РАЗДЕЛ II

СЛИЯНИЕ ДВУХ МИРОВ. РОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОГО МИРА

Франкское государство и империя Карла Великого

Ранняя история франков окутана мифами. Вопрос о происхождении и первоначальном составе их племенного союза еще не решен в науке окончательно. В исторических памятниках франки начинают упоминаться с 242 г., когда их отряд, вторгшийся в Галлию, был разбит будущим римским императором Аврелианом. Источники, как правило, говоря о франках, перечисляют и отдельные названия племен, обозначаемых этим общим именем. Большинство историков склоняется к тому, что это было объединение осколков мелких племен, живших по правому берегу Рейна, а также примкнувших к ним многочисленных дружин, которые ранее отделились от германских племен, населявших прибрежные районы Северного моря. Полагают, что в племенной союз франков объединились такие западногерманские племена, как убии, тенктеры, хамавы, батавы, херуски, хатты, сугамбры и др. В V—VII вв. слова «сугамбр» и «франк» нередко употреблялись как синонимы.

III и IV века ознаменовались постоянным натиском франков на Империю. Во второй половине III — первой половине IV в. римские войска нанесли им ряд поражений, сопровождавшихся массовым поселением франков на территории Империи сначала в качестве рабов и колонов, а затем и в качестве федератов. Вплоть до V в. у них не было общего управления, но к середине IV в. внутри рыхлого объединения уже образовались два довольно прочных союза салических и рипуарских франков. Именно салические франки, или салии, были первыми из франков, получившими разрешение осесть в пределах Империи. Они занимали так называемую Токсандрию — северо-западную часть Галлии. Несмотря на то, что салические франки стали подданными Империи, у них сохранились свои конунги — племенные короли. В 30-х годах V в. один из них — Хлойо — расширил занимаемую ими территорию до Соммы. Считается, что к середине этого столетия родоплеменной строй у салических франков уже разложился, а власть военных вождей превратилась в постоянную королевскую власть. Однако она была еще очень непрочной, о чем свидетельствует, в частности, изгнание франками преемника Хлойо — Хильдерика, который, правда, впоследствии был призван ими обратно. Хильдерик был верным союзником Рима и защищал Империю от вестготов, саксов и алеманнов. Хотя франки были еще язычниками, они находили взаимопонимание с католиками — галло-римлянами, а христианская церковь в области их расселения даже получила особые права.

В середине V в. Аполлинарий Сидоний так описывал франков: «С макушки их рыжеватые волосы падают на лоб, а обнаженный затылок сияет, потеряв свой покров. У них светлые глаза серо-голубого оттенка. Они чисто выбриты и вместо бороды носят редкие усы, за которыми прилежно ухаживают, расчесывая их гребнем. Тесная одежда облегает стройное тело мужчин; одежда высоко подобрана, настолько, что видны колени, широкий пояс охватывает их узкую талию. Они развлекаются тем, что бросают двулезвенные топоры на большое расстояние, заранее предрекая, где они упадут, размахивают своими щитами, прыжками опережают брошенные ими копья, чтобы таким образом первыми достигнуть врага. Их любовь к войне возникает уже в юном возрасте. Если они оказываются побежденными в результате превосходящих сил врага или неблагоприятной местности, то падают жертвой смерти, а не страха. Пока они не побеждены, они стоят непоколебимо, и их мужество длится едва ли не дольше, чем их жизнь».

Знаменитый Хлодвиг из рода Меровингов (481—511 гг.) который по праву считается основателем Франкского государства, получил в наследство власть только над частью салических франков, у которых кроме него было еще не менее трех королей. В союзе с королем другой части салических франков Рагнахаром он одержал в 486 г. при Суассоне победу над бывшим римским наместником Сиагрием и, уничтожив таким образом последний осколок Западной Римской империи, расширил свои владения до Сены, а затем захватил и территорию между Сеной и Луарой. К этому времени относится действие записанной Григорием Турским (539—549 гг.) легенды о суассонской чаше, в которой отразились изменения, происшедшие в характере королевской власти в результате новых завоеваний:

«...Многие церкви были разграблены войском Хлодвига, ибо тогда он погрязал еще в заблуждениях язычества. И вот неприятели похитили из одной церкви вместе с другими церковными украшениями удивительной величины и красоты чашу. А епископ той церкви послал к королю просить, чтобы если нельзя его церкви получить другие священные сосуды, то по крайней мере [она] получила бы хоть [означенную] чашу. Выслушав эту просьбу, король сказал посланному: «Иди за нами в Суассон, ибо там будет дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, который просит святой отец, я выполню [его просьбу]». И вот, прибывши в Суассон, король сказал, когда сложил посередине всю добычу: «Прошу вас, храбрейшие воители, не откажите мне вне дележа хотя бы вот этот сосуд», — он имел в виду вышеупомянутую чашу. Когда король сказал это, те, у кого был здравый смысл, отвечали: «Все, что мы видим здесь, славный король, принадлежит тебе, как и сами мы подчинены твоему господству. Делай все, что тебе будет угодно, ибо никто не может противиться твоей власти». Когда они так сказали, один легкомысленный, завистливый и вспыльчивый с громким криком поднял секиру и разрубил чашу, промолвив: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Все были этим поражены, но король подавил обиду кротостью и терпением. Затаив в груди скрытую рану, он взял чашу и передал ее посланному епископа.

По прошествии года приказал он собраться всему войску *с* оружием, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержится это оружие. И вот, когда обходил там ряды, подошел к тому, кто разрубил чашу, и сказал ему: «Никто не содержит в таком непорядке оружие, как ты, ибо и копье твое, и меч, и секира — все никуда не годится», и вырвавши у него секиру... разрубил ему голову: «Так, — сказал он, — поступил ты с чашею в Суассоне». А когда тот умер, велел остальным расходиться по домам, внушив тем большой к себе страх...» *(Григорий Турский.* История франков... Кн. II. Гл. 27//Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1961. С. 421).

С победы при Суассоне началось возвышение не только королевской власти, но и служилой знати, которая становится правящей верхушкой франкского общества в ходе военных походов конца V — первой половины VI в. В 496—497 г. Хлодвиг предпринял поход на алеманнов, которые были разбиты и вынуждены признать власть франкского короля. В связи с походом против алеманнов Хлодвиг решил вступить в христианскую веру. Он принял вместе с тремя тысячами франков (очевидно, со своими родственниками и дружиной) христианство в его ортодоксальной форме, осуществив, таким образом, важную политическую акцию, имевшую огромные последствия. Непосредственным результатом этого шага была единодушная поддержка, которую приобрела королевская власть со стороны римской католической церкви в своей дальнейшей завоевательной политике. «Ваше присоединение к вере есть наша победа», — писал Хлодвигу глава бургундских епископов, поздравляя его с крещением и убеждая его распространять католицизм среди более далеких варварских племен, «которых еще не испортили еретические учения». Католический епископат выступил союзником Хлодвига в его войне *с* арианами-вестготами (507—510 гг.), в итоге которой была захвачена область между Луарой и Гаронной. Хлодвиг, в свою очередь, не скупился на крупные земельные пожалования церкви и на строительство храмов. В 508 г. он получил от византийского императора титул почетного консула и знаки царского достоинства —

хламиду, пурпурную тунику и диадему. Пользуясь бесспорным политическим и моральным авторитетом в глазах церкви и галло-римского населения, Хлодвиг сумел укрепить свою власть и над соплеменниками. Здесь он, впрочем, применил средства давно испытанные: физическое истребление реальных и потенциальных соперников, начиная со своих родственников — королей салических франков и многих представителей знатных родов — и кончая королем рипуарских франков, живших по нижнему Рейну (с центром в Кельне). Последних он заставил провозгласить его королем. Захватив еще несколько областей, занятых мелкими германскими племенами, Хлодвиг в последние годы правления завершил объединение под своей властью всех территорий на левом берегу Рейна. Он умер в своей новой резиденции в Париже в 511 г.

После смерти Хлодвига Франкское королевство было разделено между четырьмя его сыновьями, которые продолжили экспансию, распространив свои владения почти на всю Галлию, а к 50-м годам VI в. присоединив к ним и территории за ее пределами, принадлежавшие алеманнам, турингам, баварам. Хотя на внешнеполитической арене сыновья Хлодвига действовали поначалу совместно, но очень скоро началось непримиримое соперничество, переросшее в серьезные столкновения между ними. Одному из братьев — Хлотарю I — после гибели остальных удалось ненадолго объединить Франкское государство (558— 561 гг.). Однако после кончины Хлотаря оно вновь подверглось разделу.

Принцип разделения государства на отдельные части между наследниками стал поистине роковым для династии Меровингов. Сыновья Хлотаря I, владевшие уже державой, которая простиралась от Дуная до Атлантического океана, направили всю свою энергию на братоубийственную войну и погрузили страну в пучину междоусобиц. В жестоких междоусобных войнах второй половины VI в., которые вели король Австразии (восточной части Франкского государства) Сигиберт и его жена Брунгильда с королем Нейстрии (западной его части) Хильпериком и его женой фредегундой, погиб весь цвет рода Меровингов. Об истории «войны королей», полной предательств и насилия, подлых убийств членов королевской семьи и массовых расправ над их подданными, с горечью повествует Григорий Турский (см. стр. 132—134).

Возникновение Франкского государства, конечно, не было одномоментным. Это был довольно длительный процесс: целое столетие (до второй половины VI в.) новые политические институты сосуществовали со старыми, постепенно вытесняя их. Главная инициатива в этом процессе, несомненно, принадлежала королевской власти, изменения в характере которой не замедлили сказаться на всем политическом строе Франкского королевства. Занимая первоначально довольно скромное место в организации общества и подчиняясь народному собранию, конунг, власть которого служила исключительно военным целям, в ходе успешной их реализации существенно расширяет свою материальную и социальную базу на завоеванных территориях и, соответственно, свои политические полномочия, организует управление обществом своими приближенными людьми и под своим непосредственным контролем. Государство, основанное путем завоевания и подчинения чужих племен и территорий, становится как бы личным достоянием королевского рода, передается по наследству, делится между сыновьями, как и всякое другое имущество, отчуждается по частям в пользу верных слуг, а поступления в казну в виде судебных штрафов, торговых пошлин, налогов, оставшихся от римской эпохи, рассматриваются как личные доходы короля.

«Не удивительно, что свободные граждане государства рассматриваются как лично связанные с ним люди, как его люди в специальном значении людей, находящихся под частным покровительством и обязаны приносить ему присягу, закрепляющую эту его частную власть над ними. И это относится не только к его подданным в точном смысле этого слова, т.е. к жителям покоренных им территорий, но также и к его собственным соплеменникам, потому что и в отношении к ним власть его приобретала все особенности частной власти после того, как он приобрел ее над покоренными племенами... Если что связывает эти племена и территории в одно политическое целое, так это именно общее им всем подчинение личной власти

короля и наложенному им на них фискально-полицейскому аппарату... Королевская власть... не является источником действующего в них права и закона. Каждое из племен, и войдя в состав обширной франкской державы, продолжает жить по своему собственному праву, применяемому и охраняемому, как и прежде, судебными собраниями сотенных округов, сохраняющими свою прежнюю организацию и свою прежнюю судебную процедуру. Королевская власть, соединяя в одно политическое целое отдельные племена и территории, оставляла на первых по крайней мере порах, неприкосновенными их учреждения, действовавший у них до тех пор правовой государственный строй... Государственный порядок в настоящем, публично-правовом смысле этого слова продолжал, таким образом, сохраняться в больших варварских государствах германцев в прежнем виде, в виде исконного народного права и исконных народных учреждений. Но наряду с ним в сильнейшей мере проникнутая теперь частно-правовыми и частно-хозяйственными элементами и тенденциями королевская власть организовала как бы новую государственность, осуществлявшую интересы личного властвования и фискальной эксплуатации... Этот дуализм лежит в основе политических образований германцев, возникших на территории Римской империи, и является фактом, определяющим их дальнейшую эволюцию; с ним нам приходится считаться, можно сказать, на каждом шагу при изучении этой эволюции на протяжении целого ряда веков и, только уяснив его себе во всем его значении, мы можем, в частности, понять генезис и существо феодального государства...» *(Петрушевский* Д. *М*-Очерки... С. 292—296; см. также Приложение стр. 135—140). Итак, с усилением королевской власти к ней и ее агентам переходят и публичные функции народного собрания: сначала военно-политические, а затем — судебно-административные и законодательные. Завершение процесса формирования раннефеодального государства у франков обычно датируется второй половиной VI столетия, конец которого характеризуется постепенным обособлением Бургундии, Нейстрии («Новое Западное Королевство») и Австразии («Восточное Королевство»). Южная часть — Аквитания — долгое время дробилась между этими тремя королевствами, но в конце концов и она обрела самостоятельность. В более романизированных областях Нейстрии, особенно к югу от Луары, все местное управление находилось в руках графов и других королевских должностных лиц, которые назначались из представителей галло-римской знати, унаследовавшей традиции римской бюрократии. В Австразии, где в значительной мере сохранялись пережитки родоплеменных отношений, продолжали функционировать судебные собрания, включавшие всех свободных жителей административного округа — сотни, а выборный сотник (центенарий) только к началу VII в. уступает свои позиции назначаемому королем графу.

Важнейшим источником для изучения общественного строя франков (в областях к северу от Луары) в меровингский период является «Салическая правда», запись судебных обычаев салических франков, отредактированная по инициативе королевской власти со слов старейших представителей племени в последние годы правления Хлодвига. «Из дошедших до нас сборников писаного права германцев Салическая правда — древнейшая. Оттого она и наиболее типичная. Нигде с такою ясностью и полнотою не отразился дух древнегерманского права, не затемненного посторонним римским влиянием, как в Салической правде. Римское влияние сказалось здесь чисто внешним образом — в усовении плохого римского языка и римской монетной единицы — золотого солида, разделенного на серебряные Денарии. Что касается самых принципов законодательства, ТО они остались чисто варварскими, т.е. чисто германскими... Правда не является таким кодексом действующего права, Который задавался бы целью точно регламентировать все стороны жизни варвара-франка. Являясь не чем иным, как Частичною, и даже случайною записью обычного права германцев, Салическая правда о многих сторонах жизни варвара-франка совершенно умалчивает, а о других упоминает вскользь, мимоходом. Это и естественно, так как весь уклад внутренней жизни франкского общества для каждого члена данного общества был очевидным, общеизвестным фактом, почему и не нуждался в какой-либо специальной регламентации. Единственная цель Правды, вызванная практическими

потребностями времени, — установить точным образом формы судебной процедуры и перечислить штрафы за преступления и проступки. Правда — это не что иное, как судебник, и притом судебник далеко не систематический и не полный, составившийся путем возведения конкретных судебных казусов в судебный обычай. И само собой разумеется, что нечего и думать восстановить на основании этого судебника полную картину быта салических франков. Вот почему данные Салической правды необходимо пополнять данными других близких ей по характеру и по времени памятников. Таковы все остальные варварские Правды, формулы, грамоты или акты, капитулярии королей и императоров, полиптики и картулярии, жития святых, хроники. Однако и то немногое, что дает Правда как исторический источник, издавна приковывало к ней внимание ученых-исследователей» *(Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории... С. 72—74). Салическая правда, как и другие варварские правды, дает богатейший материал об аграрном строе германцев в период после завоеваний и образования варварских королевств (см. стр. 140—143). В сочетании же с перечисленными более поздними источниками и дополнениями, а также с данными археологии она позволяет проследить и дальнейшую эволюцию франкского общества в меровингский период (см. стр. 143—146).

Согласно Салической правде, основная масса населения, которую составляли простые свободные, была защищена вергельдом в 200 солидов, королевские дружинники и должностные лица — тройным вергельдом в 600 солидов. На одной позиции с полусвободными литами и вольноотпущенниками в отношении вергельда стояли представители галло-римского населения (100 солидов). Рабы вовсе не защищались вергельдом: убийца был лишь обязан возместить ущерб господину раба. В V—VI вв. временно вновь выросло значение рабов, которые широко использовались *в* доме, на полях и в мастерских. «Рабы полностью принадлежали своему господину; дети рабыни также становились рабами. Господин мог наказывать, продавать, покупать и дарить рабов. Возможна была продажа себя в рабство; применялось обращение в рабство и в виде наказания. Еще в VI—VII вв. церковь не осуждала рабство, хотя отпуск раба на волю и тогда считался богоугодным делом. Бежавшие рабы не имели право убежища. Как и в античности, раб не имел ни имущества, ни семьи и не мог жениться на свободной женщине. Господин имел право на жизнь и смерть раба. В V—VI вв. рабство еще является у франков жизнеспособным и вполне реальным институтом» *(Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок... С. 155—156). Хозяйственное значение рабов во Франкском государстве в известной степени сохраняется до IX в., но в их положении происходят существенные изменения: рабы получили право иметь семью, убивать их запрещалось под угрозой церковного отлучения, отпуск рабов на волю поощрялся. Находясь на королевской службе, раб мог достичь высоких государственных постов.

В результате раздачи королевской властью дружинникам и королевским слугам, а также церквам и монастырям огромных земельных фондов, попавших в ее руки после завоеваний, все больше развивается крупное землевладение. Уже во второй половине VI в. король Хильперих жаловался на обеднение фиска: «Вот бедным стал наш фиск, богатства наши перешли к церквам; совсем никто не правит — только епископы, погибнет наше достоинство и , уже перешло к епископам городов». Одновременно с растратой земельных владений, из фонда которых наделялась землей служилая знать, сокращались налоговые поступления, не в последнюю очередь из-за пожалований крупным земельным собственникам налоговых иммунитетов.

«Единственным способом обеспечения верности знатных оставалось предоставление им все новых привилегий: исключение их самих и их владений из подчинения графскому суду, передача им права взимания судебных штрафов, освобождение от обязанности выставлять в распоряжение королей ополчение, обещание «не смещать» с занимаемых должностей, расширение налоговых изъятий. Некоторые из этих привилегий были закреплены эдиктом Хлотаря II в 614 г., другие зафиксированы иммунитетными грамотами середины VII в. Эдикт 614 г. предоставил знати и возможность контролировать назначение графов, которые отныне могли

подбираться только из местных землевладельцев... Рост во Франкском государстве частной власти светских и церковных магнатов был использовал ими для увеличения числа зависимых от них крестьян. В VII — начале VIII в. среди таких зависимых преобладали галло-римские колоны и рабы, становившиеся несвободными держателями земли. Превращение же в зависимых людей оскудневших свободных крестьян галло-римского и германского происхождения в этот период только начиналось, реализуясь на основе закладных сделок, договоров о патронате, актов самозакабаления, а также прекарных договоров (т.е. договоров о передаче земли в пользование на основе просьбы)» (История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 116—117).

Изменения происходили как в среде франков, так и в среде галло-римлян, причем влияние культурных традиций и общественных отношений было обоюдным и интенсивным. В VII в. в военное ополчение входят уже не только германцы, но и свободные галло-римляне, а «мартовские поля» превращаются в собрания служилой знати разного этнического происхождения, которые утверждают решения, принятые в королевском совете. С другой стороны, государственные налоги, сохранившиеся с римских времен, теперь уже взимаются не только с галло-римлян, но и с германцев.

«Взаимодействие германского и галло-римского обществ затронуло в VII в. и этническую сферу. Важнейшим был здесь процесс ассимиляции франков, алеманнов, бургундов и других германцев галло-римлянами. Он обусловливался не только численным перевесом последних, но и более высоким уровнем производственной и духовной культуры галло-римлян, их правосознания и политической практики. И хотя многое из римского наследия было тогда же отброшено или изменено, именно оно стало исходным пунктом этнокультурного развития. Так, потомки франков-завоевателей восприняли язык, на котором говорило галло-римское население и на котором составлялись и распоряжения королей, и проповеди священников. Правда, в словарном запасе латинского языка, в его грамматическом строе и произношении произошли определенные перемены. Они были тем более естественны, что базой языкового развития была в Галлии не классическая, а народная латынь. Но романские основы языка сохранились полностью... Наиболее интенсивной была этнокультурная диффузия в среде знати: в VII—VIII вв. знатный человек мог, например, быть франком по имени, бургундом по рождению и галло-римлянином по языку и одежде... В целом на территории франкского государства сложились две основные народности — северофранкская (к северу от Луары) и южнофранкская (будущая провансальская), различавшиеся по происхождению, культуре и языку. Самостоятельные этнические группы представляли, кроме того, бритты, переселившиеся в V—VI вв. на полуостров Арморику (Бретань) из Англии, и немецкое население германских племенных герцогств в Рейнской долине» (Там же. С. 118).

Щедрая раздача Меровингами земель и иммунитетов истощала ресурсы королевской власти и ослабляла ее в пользу духовных и светских магнатов, все более укреплявших свое экономическое могущество и власть над людьми. Междоусобные войны, которыми наполнена франкская история этого периода, будучи одним из выражений этого процесса, одновременно создавали для него и чрезвычайно благоприятную почву. Постепенно королевская власть все более становится простым орудием в руках аристократии, преследовавшей свои собственные интересы, собрания магнатов начинают играть решающую роль в государственных делах. После смерти Хлотаря II, сделавшего серьезные уступки знати, освободив ее от налогов и узаконив ее контроль над местным управлением, уходит из рук «правящей» династии и власть в центре. Уже при его сыне Дагоберте и позднее страной фактически правят майордомы, удачно соединившие в своем лице положение крупнейшего магната и главы центральной администрации. Преемники Дагоберта, как правило, рано умирали и не обладали реальной властью, они вошли в историю под именем «ленивых королей». Летописец Карла Великого Эйнгард (770—840 гг.) писал о них:

«Род Меровингов, из которого франки имели обыкновение ставить себе королей, закончился, как это принято думать, королем Хильдериком, который велением

Стефана, первосвященника римского, был... пострижен и заключен в монастырь. Но хотя и может казаться, что этот род кончился с ним, но [в действительности] он не имел никакой жизненной силы и ничем, кроме пустого титула короля, не блистал, ибо государственная казна и государственная власть находились в руках начальников дворца, именовавшихся майордомами, которым принадлежала вся сила в государстве. Королю же оставалось довольствоваться одним лишь титулом и, восседая на троне с длинными волосами и отпущенной бородой, представлять собой только одно подобие государя, выслушивать отовсюду являвшихся послов и давать им при прощании, как бы от своего имени, ответы, заранее им заученные и ему продиктованные. Кроме бесполезного титула и скудного содержания, которое выдавалось королю по усмотрению начальника дворца, он имел только одно собственное поместье, да и то очень мало доходное, помещение в нем и весьма немногочисленных слуг. Всюду, куда бы король не отправлялся, он ехал в повозке, запряженной по-деревенски парою волов, которыми правил пастух. Так он ездил во дворец, на народные собрания, которые ежегодно собирались на благо государства, таким же образом он и возвращался обратно домой. Управление же государством и все, что нужно было исполнить или устроить во внутренних или внешних делах, — все это лежало на попечении майордома» (Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. С. 427—428).

После войн между майордомами и победы австразийского майордома Пипина Геристальского над своим «коллегой» из Нейстрии в 687 г. должность майордома всего франкского государства становится наследственным достоянием рода Арнульфингов, или Пипинидов. Используя королей-марионеток в качестве «прикрытия» во избежание оппозиции прочей знати и не претендуя до поры до времени на королевский титул, носивший сакральный (священный) характер, майордомы председательствуют в верховном суде, раздают королевские земли и иммунитетные грамоты, назначают на должности и смещают с них, принимают клятву верности от духовных и светских магнатов, называя их «своими верными», издают свои дипломы в форме королевских грамот и даже ставят свое имя на монетах.

Незаконный сын Пипина Карл, вошедший в историю под именем Карла Мартелла («Молота», 715—741 гг.), завладел властью в стране в период обострения внутренних смут и внешней угрозы. Ему удалось разгромить восставших магнатов Нейстрии, Аквитании и Прованса, вновь покорить и заставить платить дань зарейнские племена саксов, фризов, алеманнов, баваров. Главным его военным успехом считается отражение натиска арабов в битве при Пуатье в 732 г. Однако вокруг стратегического значения этой военной операции разгорелись жаркие споры. Точки зрения историков расположились в диапазоне от признания того, что «в этом решающем сражении в мировой истории в лице Карла Мартелла Европа одержала победу над Азией и Африкой», до полного отрицания какого-либо воздействия этой «рядовой стычки» на дальнейший ход событий. По мнению востоковедов, эта битва лишь показала, что арабы достигли границы «доходных» набегов и дальнейшее продвижение потребовало бы наращивания военных ресурсов, что стало невозможным из-за волнений на Ближнем Востоке, оказавшихся роковыми для Омейядского халифата. Мусульманская же Испания еще целые века оставалась сильной, ее могущество даже возрастало. Между тем значение битвы при Пуатье следует, быть может, искать не только во внешнеполитической, но скорее в социальной сфере (см. стр. 146—153).

С постоянными угрозами арабских набегов обычно связывают изменения в организации военного дела во Франкском государстве в VIII в. и так называемую бенефициальную реформу Карла Мартелла, хотя и то и другое имело несомненно и более глубокие внутренние основания: реорганизация военных сил была призвана создать прочную опору власти пока некоронованных правителей. «Исчерпание земельных ресурсов фиска и прекращение завоеваний лишило к этому времени франкских королей возможности вознаграждать служилых людей новыми пожалованиями; утратившие авторитет короли перестали быть центром притяжения знати; расширение ее частной власти «выводило» все большую часть рядовых свободных из-под королевского подчинения и затрудняло их призыв в ополчение. К

тому же военное значение пешего ополчения сократилось... Карл Мартелл сделал главную ставку не на пеших ополченцев из простых свободных, но на людей среднего достатка, имевших материальные возможности для службы в конном войске. Чтобы привлечь их к себе, он прибегнул к секуляризации земельных владений церкви (в первую очередь в Нейстрии, где церковное землевладение было особенно обширным) и к передаче их в пользование всем, готовым служить под его знаменем. А чтобы предотвратить выход служилых людей из повиновения, Карл установил, что земельные пожалования предоставляются не навечно, а на срок службы (или пожизненно) и в дальнейшем могут быть переданы другому служилому человеку (такие условные пожалования назывались бенефициями, из-за чего эту реформу стали именовать бенефициальной)» (История Европы. Т. 2. С. 119).

Так вместо преобладавших при Меровингах дарений земли в полную, безусловную собственность была введена система пожалований земли в условную феодальную собственность. Распространение этой формы пожалований на военные контингенты магнатов привело к созданию иерархической структуры вассалитета. Проведенная в политических целях реформа имела в исторической перспективе огромные социальные последствия: формирование слоя мелких и средних феодалов — профессиональных воинов, предшественников будущего рыцарства, и укрепление крестьянской зависимости.

На время цели реформы были достигнуты: Карлу Мартеллу и его сыну Пипину Короткому (741—768 гг.) удалось, опираясь на новый слой землевладельцев-бенефициариев, усилить позиции центральной власти внутри страны и проводить активную политику «превентивных завоеваний», в ходе которых границы Франкского государства значительно расширились. В последние несколько лет Карл Мартелл даже правит один, не считая нужным назначить нового короля взамен умершего в 737 г., но в 743 г. его сыновья Карломан и Пипин все-таки дали титул короля последнему из Меровингов. Став в 751 г. единственным главой государства Пипин «по совету и с согласия всех франков» отправил к папе Захарии посольство, чтобы испросить у него совета «по поводу королей, которые были тогда у франков и носили этот титул, не имея королевской власти». После получения от папы недвусмысленного ответа, что «лучше называть королем того, кто имеет власть, чем того, кто ее лишен», Хильдерик III и его сын были заключены в монастырь, а Пипин с женой помазаны на царство на соборе в Суассоне св. Бонифацием.

«В начале 754 г. прибыл к франкскому двору папа Стефан II, чтобы лично просить у франкского короля помощи против лангобардского короля Айстульфа. Он бросился на колени перед Пипином и заклинал его «защитить дело св. Петра и римской республики». Пипин дал папе клятвенное обещание сделать все, что было в его власти, чтобы избавить его от лангобардов, и на осеннем собрании франков было решено предпринять поход в Италию. Но прежде, чем это собрание было созвано и это решение было постановлено, в июле того же 754 г. папа еще раз совершил обряд помазания над Пипином, его женой и детьми и, под страхом отлучения, запретил Франкам на будущее время избирать себе королей вне этой фамилии, «которая была возвеличена божественной милостью и освящена, по заступничеству св. апостолов, руками их наместника, верховного первосвященника». Помазание должно было поднять Пипина и весь его род на недосягаемую высоту и дать его королевской власти религиозный характер. Подняв королевскую власть новой династии с помощью средств мистического воздействия, папа тогда же возвеличил ее и иным способом, украсив Пипина и его двух сыновей титулом «патриция римлян», который когда-то украшал Одоакра, Теодориха и других варварских вождей. Никакой власти над Римом титул этот новому королю франков не давал, но зато приобщал его собственную власть к кругу представлений, связанных с Римом, его былым величием, его мировой державой, его цивилизацией и еще много говоривших воображению и чувству как романца, так и в той или иной мере романизированного варвара...» *(Петрушевский Д. М.* Очерки... С. 345). Выполняя свои обязательства, Пипин силой оружия заставил лангобардов возвратить ранее захваченные города Римской области и Равеннского экзархата, которые он передал папе формальным актом дарения, чем было положено начало светскому государству пап и установлены

тесные связи новой франкской династии с папским престолом и с Италией.

Наивысшего расцвета Франкское государство достигло при сыне Пипина Карле Великом, прозвище которого, без сомнения, отражает масштаб его личности. Наиболее выдающиеся события его правления включают тридцатилетнюю изнурительную и жестокую войну с саксами, завершившуюся их покорением и христианизацией, поход в Испанию и образование пограничной испанской марки, уничтожение аварского каганата, войны со славянами и датчанами, завоевание ланго-бардской Италии и, наконец, венчание короной императоров Западной Римской империи в 800 г. (Отрывки из «Жизнеописания Карла» см. стр. 153—156).

Ни один из ученых, писавших о Франкском государстве эпохи Каролингов, не мог пройти мимо биографии Карла Великого. И в научной, и в популярной литературе создано множество его исторических портретов разной степени полноты и достоверности. Большинство из них — явно апологетические, идеализирующие его и как полководца, и как государственного деятеля. Его называли «самой выдающейся личностью, порожденной племенем франков», приравнивали по военному таланту к Александру Македонскому и Юлию Цезарю. Но были и другие подходы, ориентированные на анализ и оценку заслуг исторической личности в контексте ее времени, исторических задач и исторических последствий ее деятельности. Один из таких портретов принадлежит перу Ю. Л. Бессмертного (см. стр. 156—158).

25 декабря 800 г. вновь — спустя более чем три столетия — был коронован римский император Запада. Это произошло во время рождественской мессы в соборе св. Петра, которую служил папа Лев III в присутствии Карла Великого, «короля франков и лангобардов», прибывшего в Рим по просьбе папы и для его защиты. Карл, в римской тунике и плаще с золотым поясом, в украшенных драгоценными камнями сандалиях, молился у алтаря, на котором покоилась великолепная корона. Когда он поднялся с колен, папа взял корону с алтаря и возложил ее на голову Карла. При этом собравшиеся в церкви римляне трижды вскричали: «Карлу, благочестивейшему Августу, коронованному Богом, великому и миролюбивому императору, многая лета и победу!» Папа преклонил колена у ног Карла и поцеловал край его одеяния, по византийскому обычаю. Коронация в качестве римского императора бесспорно свидетельствовала о признании Карла самым могущественным человеком в Европе. И все же его биограф Эйнгард сообщает, что Карл был удивлен и недоволен и что если бы он знал о ней заранее, то не пришел бы в собор. Что же все это означало и каково место этого события в истории?

В целом историки почти единодушны в оценке его значения, но расходятся в объяснении мотивов его участников и степени заинтересованности сторон. Различия взглядов находят обобщенное отражение в следующих версиях.

«Императорская корона не была неожиданностью для Карла. С мыслью о ней давно уже носились в кругу близких к Карлу людей, воспитанных на римской литературе и грезивших о возвращении того идеального, как им казалось, порядка, когда мир имел одного верховного главу, обеспечивавшего мир и охранявшего веру, великого христианского императора Константина, Валентиниана, Феодосия. Мечты эти никогда не умирали в умах образованных людей Запада. Теперь они лишь ожили с новой силой и казались близкими к осуществлению после того, как Карл объединил под своею властью столько племен и народов и распространил славу своих завоеваний по всему миру, вместе с своей воинской славой ревностно распространяя среди покоренных язычников христианскую веру, верховным защитником которой он теперь являлся в качестве помазанника божьего и римского патриция. Принятие императорского титула являлось лишь завершительным моментом, последним штрихом. Уже и до этого Карл Великий был верховным главою христианского Запада, осуществлявшим идею мировой христианской монархии, усвоенную им и проводившуюся им в жизнь с помощью всех средств, какие были в его распоряжении. Императорская корона давала лишь окончательную формулировку занятого уже Карлом положения.

Неожиданностью для Карла явилось, по-видимому, то, что императорскую корону возложил на него сам папа и тем как бы поставил его в зависимость от себя... Делая этот шаг, папство решительно и окончательно разрывало всякую связь с

императором Восточной империи и в сущности даже делало ему прямой вызов, игнорируя его права на верховенство над миром, бесспорно ему принадлежавшие, и окончательно связывало судьбу с политическим главою Запада, под защитой которого ему казались более осуществимыми все его планы и мечты... Через несколько лет и византийский двор признал западного императора: в 812 году император Михаил отправил к Карлу в Ахен посольство, которое формально признало за Карлом императорский титул и приветствовало его как «басилевса» *(Петрушевский* Д.М. Очерки... С. 349—350).

«Идея восстановления империи на Западе, кажется, принадлежала скорее папе, а не Карлу. Карл Великий более всего заботился о том, чтобы освятить раздел бывшей римской империи на возглавлявшийся им Запад и Восток, который он не собирался оспаривать у византийского василевса, но отказывался признать за ним титул императора, напоминавший об исчезнувшем единстве... Он именует себя «королем Галлии, Германии, Италии и сопредельных провинций», а василевса — «королем, имеющим резиденцию в Константинополе». Ему казалось необходимым подчеркнуть это равенство и свою независимость, тем более что благодаря иконоборческому движению в Византии франки вновь стали, как и во времена Хлодвига, защитниками ортодоксии на Западе, и он хотел опротестовать постановления второго Никейского собора 787 г., претендовавшего на разрешение вопроса об иконопочитании для всей церкви, и восточной, и западной.

Но папа Лев III в 799 г. узрел тройную выгоду для себя во вручении Карлу императорской короны. Будучи преследуемым и даже плененным своими врагами в Риме, он нуждался в восстановлении своего авторитета как на практике, так и в теории, и это мог сделать лишь тот, чья власть бесспорна для всех, — император. Далее, как глава светского государства, патримония св. Петра, он желал, чтобы признание его суверенитета было подкреплено силой государя, который в действительности и по своему титулу был бы выше всех прочих. И наконец, он мечтал вместе с частью римского духовенства сделать Карла императором всего христианского мира, включая сюда и Византию, дабы искоренить иконоборческую ересь и установить суприматию римского понтифика над всей церковью.

Карл Великий дал согласие неохотно. Он считал себя королем, получившим корону от Бога.., и, видимо, находил излишним предложение папы, человека отнюдь не всеми признаваемого в качестве «викария Бога». Как короля франков его мало соблазняла церемония, благодаря которой он становился в первую очередь королем римлян, жителей Рима 800 г., уже утратившего славу древнего Рима. Однако он дал убедить себя и короновался...» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация.., с. 44—45).

Косвенным образом о действительном отношении самого Карла к своему императорскому званию, далеком от энтузиазма, может свидетельствовать тот факт, что он и после коронации продолжал именовать себя «королем франков и лангобардов» и больше никогда не посещал Вечный Город. Но в историю *“рождественская коронация” вошла как символический акт рождения новой Европы — западноевропейской средневековой цивилизации.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Григорий Турский.

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

Глава 49. О том, как Сигиберт пришел в Париж

Во время этих событий, король Сигиберт набрал войско из племен, живших по ту сторону Рейна, и, затевая междоусобную войну, решил выступить против своего брата Хильперика. Хильперик, узнав об этом, направил к своему брату Гунтрамну послов. Объединившись, они заключили между собою союз о взаимной помощи и поддержке (буквально: о том, чтобы ни один из братьев не допустил гибели другого). Но когда пришел Сигиберт и привел с собой упомянутые племена, а Хильперик со своим войском находился на другой стороне [реки], король Сигиберт, не зная, где ему перейти Сену, чтобы напасть на брата, послал своему брату Гунтрамну послание следующего содержания: «Если ты мне не позволишь перейти эту реку в твоей области, я пойду на тебя со всем моим войском». Испугавшись этого, Гунтрамн заключил с ним союз и разрешил перейти реку. Лишь только Хильперик заметил, что Гунтрамн оставил его и перешел на сторону Сигиберта, он снялся с лагеря и дошел до деревни Авелю, в области Шартр, Сигиберт преследовал его, требуя, чтобы тот с ним сразился. Но Хильперик, боясь, как бы не погибло их королевство, если оба войска столкнутся в битве, попросил мира и вернул Сигиберту его города, которые Теодоберт несправедливо захватил. Вместе с. тем он попросил Сигиберта о том, чтобы он никоим образом не ставил в вину жителям этих городов того, что Теодоберт в свое время несправедливо — огнем и мечом — заставил их подчиниться. Большинство деревень, расположенных вокруг Парижа, он также сжег; вражеское войско разграбило как дома, так и прочее имущество, а жители были уведены даже в плен. Король Сигиберт дал клятву, что этого не произойдет, но не мог сдержать дикую ярость племен, пришедших с противоположного берега Рейна. Он все переносил терпеливо, до тех пор пока не вернулся домой. Тогда некоторые из этих племен начали роптать, почему он уклонился от битвы. Но Сигиберт, будучи бесстрашным, сел на коня, прискакал к ним и усмирил их ласковой речью, а впоследствии многих из них он приказал забросать камнями...

Глава 50. О том, как Хильперик заключил союз с Гунтрамном, и о кончине сыта его Теодоберта

Душа моя наполняется болью при рассказе об этих междоусобных войнах. В самом деле, год спустя Хильперик опять направляет к своему брату Гунтрамну послов со словами: «Пусть мой брат приедет ко мне, чтобы мы, примирившись, обдумали, как нам преследовать нашего врага Сигиберта». Когда произошла между ними встреча и они обменялись подарками, Хильперик выступил в поход и дошел, все и вся сжигая и подавляя, до Реймса. Узнав об этом, Сигиберт вновь позвал упомянутые мною племена и пришел в Париж. Намереваясь идти походом против своего брата, он послал вестников к жителям Шатодена и Тура, передать им требование, чтобы они выступили против Теодоберта...

Глава 51. О смерти короля Сигиберта

...Сигиберт же, заняв города, расположенные вокруг Парижа, дошел до Руана, намереваясь уступить эти города врагам-чужеземцам. Но свои помешали ему сделать это. Он вернулся оттуда и прибыл в Париж, куда к нему приехала Брунгильда с детьми. Тогда франки, которые некогда находились под властью старшего Хильдеберта, направили послов к Сигиберту с просьбой, чтобы он пришел к ним, а они, оставив Хильперика, поставят его самого королем над собой. Когда Сигиберт услышал такие слова, он послал своих людей начать осаду своего брата в упомянутом городе, намереваясь и сам туда поспешить... Когда он прибыл в виллу, называемую Витри, и все войско собралось около него, его поставили на щит, подняли и провозгласили своим королем. Тогда двое слуг по злодейскому плану королевы Фредегунды, вооруженные острыми ножами.., намазанными ядом, подскочили к Сигиберту, как будто бы у них было какое-то дело к нему, и поразили его с двух сторон. Тут Сигиберт громко вскрикнул, упал и, спустя немного времени, испустил дух... Хильперик же находился в затруднительном положении и сомневался, удастся ли ему избежать смерти или нет, до тех пор пока к нему не пришли послы с известием о кончине брата. Тогда он выехал вместе с женой и сыновьями из Турнэ, облачил Сигиберта в саван и похоронил в деревне Ламбр...

Корсунский А. Р. **Возникновение феодальных отношений в Западной Европе.** М.. 1973. С. 35-37.

2.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ФРАНКОВ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

...Если у древних германцев королей выбирали хотя обыкновенно и из членов одного королевского рода, то в государстве, основанном Хлодвигом и его сыновьями, о выборе короля народом нет уже и речи, и королевская власть, как мы знаем, делилась между наследниками, как и всякое другое фамильное достояние. Так продолжалось до тех пор, пока успела вырасти, в значительной мере при содействии самой королевской власти, новая общественная сила в лице франкской аристократии, которая и стала оказывать влияние при решении вопроса о переходе верховной власти и самой власти ставила определенные границы, тем более необходимые, что в результате завоевательных успехов власть эта временами вырождалась в самый необузданный и дерзкий произвол, попиравший всякое право и закон. Поднятию престижа королевской власти могло способствовать и перенесение на нее католическою церковью ветхозаветных представлений о святости Богом дарованной царской власти... Фактическая сила и могущество короля нашли свое правовое выражение, как это было в других германских государствах, в развитии королевского банна, этого принадлежавшего еще древнегерманским королям права издавать, в пределах существующего обычного права племени, распоряжения и под угрозой наказания требовать повиновения им. Из этого скромного права распоряжений очень скоро вырастает военное, судебное, полицейское, административное, отчасти законодательное верховенство короля...

...Образование обширной франкской державы, вызвав резкое усиление королевской власти, сделало в то же время невозможным дальнейшее существование народного собрания как правильно функционировавшего верховного органа политической власти и жизни народа... Пока франки, До объединения их Хлодвигом, жили разрозненными политическими группами, составлявшими небольшие самостоятельные королевства, в каждом из этих королевств могло существовать настоящее народное собрание, на что указывают известия о древнейшем периоде франкской истории, свидетельствующие далее о праве этих собраний избирать королей (сам Хлодвиг был избран в короли рипуарских франков на народном собрании этого племени). Собрания эти, как и народные собрания тацитовской поры, были собраниями вооруженного народа и поэтому могли являться и военными смотрами. Для военных смотров собирал свои военные силы и Хлодвиг, уже стоя во главе обширного разноплеменного государства, и эти военные собрания происходили весною, в марте, и поэтому носили название *Мартовского поля...*

...Органом управления франкской державой, ее правительством являлся *королевский двор.* У франкских королей не было постоянной резиденции, и они переезжали со всем своим двором из одного из своих многочисленных поместий (вилл) в другое и устраивались в находившихся здесь и в изобилии снабженных всеми необходимыми приспособлениями и запасами дворцах (пфальцах). Эти постоянные передвижения королевской резиденции, а вместе с этим и центра управления находят свое объяснение отчасти в хозяйственной обстановке, в которой жило тогдашнее франкское общество: при слабом развитии обмена и транспорта приходилось потреблять сельскохозяйственные запасы на местах их производства и на недалеком расстоянии от них. Может быть, и административные соображения играли здесь роль: периодическое появление правительства в разных частях государства должно было оживлять и укреплять его авторитет среди населения и парализовать стремления к независимости со стороны территориальных местных властей.

Смешанный характер королевской власти и всей представляемой ею государственности вполне отразился на характере и организации королевского двора. Королевский двор является прежде всего разновидностью двора обыкновенного франкского магната. Как и в этом последнем, здесь мы видим многочисленный штат личных слуг короля, распределенных по разным отраслям его обширного домашнего хозяйства, и лиц, заведующих этими хозяйственными отраслями, а также

сосредоточивающих в своих руках управление королевскими поместьями, не отданными в чужие руки. Весь этот служебный персонал, как и стоявшие во главе его министериалы, первоначально в огромном большинстве состоял из рабов или вольноотпущенников... Среди слуг франкского магната были и вооруженные слуги, составлявшие вместе с его военными товарищами его военную силу, без которой в те времена ему было бы трудно сохранить свое материальное и социальное положение. Были они и у короля.

В качестве двора королевского этот типичный двор франкского магната должен был подвергнуться некоторым изменениям, которые, однако, не привели к его коренному переустройству. Хозяйство магната-короля чрезвычайно расширилось и усложнилось, в особенности, когда он оказался во главе обширной разноплеменной державы, и ему пришлось организовать эксплуатацию новых и богатых источников Хозяйственных благ в виде всякого рода поступлений, следуемых ему как главе государства, и в виде огромных земельных фондов, доставшихся ему от римского фиска и иными путями. Но, кроме эксплуатации новых источников хозяйственных благ, приходилось заботиться и об организации военных сил большого политического целого и об обеспечении в нем внутреннего мира и порядка, опираясь на существовавшую в отдельных частях этого целого военную и судебную организацию... И все эти сложные заботы были возложены на тот же несложный по существу аппарат, созданный для хозяйственных надобностей большого магнатского дома, соответственно осложненный новыми органами, иногда создававшимися по римским образцам...

...Более непосредственно связанными с государственным управлением были две должности: *референдария* и *пфальцграфа.* Референдариев, как и пфальцграфов, было несколько. Они заведовали королевской канцелярией, имея в своем распоряжении целый штат канцеляристов, которые под их наблюдением изготовляли королевские дипломы и всякие другие документы и вели всю письменную часть; они представляли королю для подписи предварительно проверенные ими грамоты и прикладывали к ним находившуюся у них на хранении королевскую печать; по-видимому, во главе их стоял главный *референдарий,* настоящий канцлер меровингского государства. Пфальцграфы были главными помощниками короля в его судебной деятельности, непосредственно осуществлявшейся им в верховном трибунале, организованном при королевском дворе. Но они, как и все другие сановники меровингского двора, должны были исполнять и всякие другие поручения, которые возлагал на них король, и мы не должны удивляться, встречая, например, и пфальцграфов, и референдариев и во главе франкского войска.

Майордом стоял во главе королевского двора в его двойном значении магнатского дома и центра государственного управления и, следовательно, совмещал в своих руках обязанности по управлению двором и по управлению государством... Он был первым министром франкского короля, а во время малолетства короля и его воспитателем. Источники называют его вицекоролем, и он действительно был главным помощником короля и его заместителем во всех областях управления, как гражданского, так и военного, и во время войны становился во главе всех военных сил государства... Если первоначально король по своему усмотрению назначал и смещал майордома, как и всех других своих слуг, то с течением времени ему пришлось признать его несменяемость. Этот факт стоит в связи с социальной позицией, постепенно занятой майордомом как главою франкской служилой аристократии, все более и более усиливавшейся, все более и более заставлявшей королевскую власть считаться с ее интересами и выслушивать ее мнение в делах государства...

Население королевского двора было весьма многочисленно и разнообразно. Кроме должностных лиц.., мы здесь находим... близких к королю людей, не имевших определенных обязанностей, но исполнявших разные возлагавшиеся на них королем поручения и составлявших главный контингент его советников... Есть среди них и военные слуги короля, члены его военной дружины, его антрустионы, связанные с ним более специфическими узами верности службы. Не мало при дворе короля и

духовных лиц, как членов его капеллы, так и сановников церкви, временно или постоянно пребывающих здесь и занимающих первые места в рядах королевских советников. Королевский двор является и школой, где сыновья магнатов получают под руководством тех или иных сановников, под опеку которых их отдали их отцы, воспитание и образование, подготовляющее их к дворцовой и государственной службе, которую, они тут же и начинают, как только пройдут весь курс «дворцовой науки».

Областная администрация франкского государства отличалась крайней несложностью. Да и задачи ее были несложны, в особенности на первых порах. Извлечение из населения всего, что полагалось королю как главе государства, эксплуатация королевских земельных богатств и обеспечение повиновения королю со стороны его подданных, а также обеспечение внешней безопасности, — вот и все эти задачи, и для их решения не было надобности в сложном административном механизме. Рассылавшиеся королем на места временные комиссары для взыскания следуемой королю части судебных штрафов (а может быть, и для других взысканий), так называемые сацебароны и королевские агенты, постоянно находящиеся на месте, поставленные во главе определенных округов графы, наделенные прежде всего военной и полицейской властью, но также и другими, в частности, фискальными полномочиями, — в таком виде представляется нам франкская администрация при Хлодвиге по данным Салической правды (V в.) и по более поздним данным, их дополняющим...

...Не следует забывать, что... не только франки (салические и рипуарские), но и все другие германские племена, и войдя в состав основанной Хлодвигом и его сыновьями франкской державы, продолжали жить каждое по своему племенному праву, которое теперь было записано и постепенно дополнено новыми статьями. Так возникли (между половиной V и половиной IX в.) так называемые *«варварские правды»,* представлявшие собою сборники судебных обычаев, судебники, в которых мы находим тарифы вергельдов и судебных штрафов и описание форм судопроизводства. Раньше других, еще при Хлодвиге, возникла таким образом Салическая *Правда,* затем *Рипуарская Правда,* затем две записи швабского права (алеманнского)... и к концу меровингского периода *Баварская Правда...*

И военная организация общества оставалась прежняя: по-прежнему каждый свободный человек должен был во время войны выступать в поход и на свой счет содержать себя во время похода. И эта натуральная государственная повинность распространяется на все племена, вошедшие в состав франкской державы, не исключая и римских провинциалов Галлии.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М., 1917. С. 297—308.

3.

А. Я. Гуревич.

ГЕРМАНСКАЯ ОБЩИНА ПОСЛЕ ВАРВАРСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

После расселения в завоеванных провинциях Римской империи рядовые свободные германские соплеменники стали превращаться в крестьян. Несмотря на то, что и на старых местах жительства, внутри Германии, они с давних времен занимались оседлым земледелием и скотоводством, до Великих переселений крестьянами, непосредственными производителями, поглощенными хозяйством, они не являлись. Ибо наряду с хозяйственной деятельностью они вели жизнь воинов, принимали участие в управлении и суде... Общая картина, вырисовывающаяся при чтении «Германии»: неторопливые сборы на народные сходки, отнимающие подчас несколько дней; толпы («сотни»), следующие за старейшинами; непробудное пьянство на долгих пирах; оружие, с которым германцы никогда не расстаются; тяга молодежи в дружины; склонность отдавать сну не только ночь, но и часть дня; наконец, особенности германцев, которые поражали сторонних наблюдателей, а именно — большая выносливость в ратных делах и неприспособленность к труду и напряженной деятельности, — свидетельствуют о том, что перед нами отнюдь не крестьянское общество.

Сколь разителен контраст между этой картиной и тем, что выступает на первый план в древнейших записях обычного права германцев — варварских «Правдах». Главное содержание судебников — охрана имущества и личной неприкосновенности домохозяев, их усадеб, домов, скота, рабов, движимости. Средоточием их хозяйственной и социальной жизни являются усадьба и дом, и они явственно доминируют в сознании германца. Преступления, совершенные против него внутри ограды его усадьбы и тем более в доме, караются особенно сурово; изгороди, отделяющие его хозяйство от внешнего мира, неприкосновенны; лица, проживающие в его усадьбе, составляют ли они его семью или принадлежат ему в качестве зависимых, рабов, находятся под его покровительством, и он несет за них ответственность; в доме надлежит ему вчинять иски и вызывать на суд; человек, который должен уплатить вергельд, но вынужден в силу своей имущественной несостоятельности переложить эту обязанность на родственников, бросает горсть земли, стоя на пороге своего жилища, и затем прыгает через плетень, что, видимо, символизировало его отказ от дома, двора и имущества.

Кроме усадьбы свободный германец владеет пахотным участком, лугом, выпасом для скота, делянкой в лесу, и неприкосновенность этих его владений и угодий также охраняется правом, хотя и не в той же мере, как неприкосновенность дома и двора. Право пользования «травою, водою и дорогою» принадлежит всем жителям населенного пункта, и потому любой хозяин может воспретить постороннему лицу сюда переселиться, дабы его собственные интересы не оказались ущемленными. Скрупулезность, с какой составители судебников вникают во все возможные казусы краж и ограблений, подробнейшие перечни крупного и мелкого скота, птицы, утвари с установлением пеней за их похищение.., за потравы, нарушение границ и иной ущерб, причиненный хозяйству, — все это продиктовано интересами мелких производителей. Поводы для тяжб между ними нередко возникают во время пахоты, рубки леса, выпаса домашних животных, помола зерна на мельнице.

Разумеется, они свободны и полноправны, а потому вооружены, и в судебниках видное место отводится карам за убийства и ранения; видимо, вооруженная стычка между людьми, что-то не поделившими, была заурядным явлением. Еще недавно эти люди принимали участие в военной колонизации Галлии, и военный быт, очевидно, не вовсе ушел в прошлое. Не следует забывать и того, что в условиях только зарождавшегося государства свободному человеку самому приходилось охранять от посягательств свою жизнь и достоинство, а равно своих ближних и достояние, прибегая при этом не только и, может быть, даже не столько к средствам судебной

защиты, сколько к силе оружия. И тем не менее центр их интересов явственно переместился в сферу хозяйственной деятельности. Тот, кто предпочел войну земледелию и скотоводству, стал антрустионом, дружинником короля и защищен утроенным против обычного вергельдом. Все остальные — крестьяне...

Совместное проживание в населенном пункте и занятие сельским хозяйством в пределах одной территории естественным образом приводили к возникновению некоторых отношений и связей между крестьянами. В первую очередь эти отношения определялись необходимостью пользования угодьями, и постольку жители деревни образовывали общность... Никаких намеков на родственные связи между жителями виллы Салическая правда не содержит. Из судебника ясно видно, что все конфликты и правоотношения, которые предусматриваются, суть отношения между отдельными лицами, обособленными хозяевами...

...Таким образом, община, вырисовывающаяся из памятников периода после Великих переселений, — это не коллектив больших семей или бывших сородичей, обладавших верховенством над обрабатываемыми ими пахотными землями, а скорее объединение соседей, которые раздельно владели своими наделами, но были заинтересованы в регулировании пользования угодьями. Германская община периода Меровингов, самое существование которой не вызывает сомнений, представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего средневековья. Подобно тому как самое крестьянство находилось в процессе становления, складывалась и крестьянская община...

Что же касается формы поселения, которая нашла свое отражение в Салической правде, то, как показал Н. П. Грацианский, составители судебника имеют в виду небольшие поселки в один, два или несколько дворов, нередко расположенных по соседству; по мере освоения пустоши и вырубки леса эти поселки могли объединяться либо же разрастался отдельный хутор... Франки и другие германцы в тот период селились просторно, не стесняя друг друга и выбирая себе удобные места на лесных полянах, на опушке леса, близ рек и водоемов. Полевые участки, принадлежавшие жителям хуторов и небольших деревень, были расположены не чересполосно, как в последующий период, а обособленно один от другого и разделялись межами... Поскольку еще не существовало трехпольного севооборота, отсутствовала и система «открытых полей».

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.

Т. 1. М., 1985. С. 127—134.

4.

ФРАНКИ И ГАЛЛО-РИМЛЯНЕ В V—VI вв.

Франкские поселения в Галлии в V—VI вв.

О жизни франков в период создания Франкского государства и в последующие столетия нам известно благодаря сохранившимся франкским законам, а также благодаря Материалам раскопок и аэрофотосъемок. Они позволяют представить, какими были франкские поселения, где они располагались, как велось в них хозяйство, кто и как жил по соседству, как постепенно изменялись сами франки и их соседи.

Франкские деревни редко располагались во владениях, принадлежавших раньше галло-римлянам: слишком различны были обычаи жизни тех и других. Франки предпочитали селиться по соседству. Их деревушки были чаще всего небольшими, в 4 или 5, реже в 10 или 12 домов. Сами дома больше походили на маленькие землянки. Они имели 8—10, редко 15—20 кв.м. площади. В таких землянках обитала обычно одна семья: отец, мать и их малые дети. Вокруг дома-землянки находилась усадьба с изгородью. В располагающихся поблизости землях каждая семья имела свой пахотный надел, свой лужок и выпас для скота. Пастбищами, лесом, водопоями, дорогами жители деревни владели сообща. Сообща же они договаривались о том, как будут пользоваться этими угодьями, как охранять их. Никто, если только на то не было специального королевского распоряжения, не смел на эти совместные деревенские угодья посягать.

Кое-кто из селян мог иметь полузависимого работника или раба, помогавших по хозяйству. Но работали они бок о бок с хозяином, так что на римских рабов или вольноотпущенников эти люди походили мало.

Римские поселения в Галлии V—VI вв.

Общее число франкских деревень в Галлии было очень невелико. Почти все они располагались на севере. (Вспомним, что по численности франки многократно уступали исконным жителям этой страны.) Основными в Галлии и после ее подчинения франкам оставались галло-римские поселения. Часто это были довольно большие огороженные поместья квадратной формы по 100, а то и по 300 м. длиной с каждой стороны. Владел таким поместьем прежний римский хозяин, или какой-нибудь другой галло-римлянин, знавший как вести такое хозяйство. Франкские короли не отобрали земли у прежних собственников, не отменили они и рабства. Поэтому в уцелевших римских поместьях как и раньше работали рабы и колоны-арендаторы. Это позволяло франкским королям взимать с владельцев поместий римские налоги, хотя и в уменьшенном размере.

Сохранилась и часть галльских городов, властью в которых пользовались христианские епископы-союзники франкских королей. Правда, из-за резкого сокращения торговли и ремесла сами эти города стали скорее походить на большие укрепленные деревни. Но жили в них по-прежнему галло-римляне. Из числа франков в них селились только назначавшиеся королями чиновники — королевские судьи и военачальники. Со временем, однако, становилось все труднее различать, происходят эти чиновники из франков или галло-римлян, поддерживавших франкских королей. Все королевские приближенные (в том числе и имевшие римских предков) стали все более походить друг на друга и по костюму, и по образу жизни, и даже по их именам, выбиравшимся на германский лад. Все чаще общим оказывался и язык, на котором говорили при дворе короля или же в местном суде. Этим языком была латынь галло-римлян, дополненная несколькими десятками франкских слов. Франки-завоеватели стали забывать родной язык, сохранившийся только на севере Галлии, в области более многочисленных франкских поселений.

Почему многие галло-римляне поддерживали франкских королей? Простой народ привлекало уменьшение налогов, сокращение военных разорений, возможность более спокойно заниматься своим хозяйством. Церковные магнаты сохранили все права и даже расширили свои владения за счет пожалований, которые короли делали церкви во искупление своих грехов. Многие крупные римские землевладельцы были взяты франкскими королями на службу. Их безопасность, как и безопасность церковнослужителей оберегалась теперь так же строго, как и безопасность Королевских приближенных из числа коренных франков.

Это не значит, что жизнь во Франкском государстве Мало изменилась по сравнению с Римом. Помимо резкого сокращения городов и торговли и уменьшения связей отдельными областями, стало постепенно меняться отношение к труду. Обычный для Древнего Рима взгляд на труд как удел одних только рабов начал, не без влияния христианской церкви, сменяться другим. В труде стали видеть хоть и наказание, ниспосланное роду человеческому за грехи первых людей, но все же долг не одних только рабов или иных изгоев. Каждый истинно верующий христианин должен по учению церкви добывать себе хлеб насущный трудом своих рук. Правда, равенства в таком труде быть не может. Но так как каждый трудящийся выполняет господний завет, он заслуживает сочувствия и снисхождения. Это отчасти помогало постепенному смягчению несвободы галло-римских рабов. Рабство все чаще заменялось полусвободой, при которой работник мог иметь свое хозяйство, а его обязанности перед землевладельцем были ограничены.

Ю.Л.Бессмертный.

5.

ЧТО СТОИТ ЗА МИФОМ О ПУАТЬЕ

17 октября 732 г. арабско-иберийский экспедиционный корпус при поддержке аквитанцев и под водительством эмира Абдуррахмана перешел через Пиренеи и совершил набег на франкские земли, но потерпел поражение от Карла Мартелла на пути из Тура в Пуатье. На первых порах исход сражения не получил особого отзвука среди франков. Сарацины предприняли очереденой набег, и по чистой случайности франкам удалось его отбить. Только один анонимный христианский автор.., писавший спустя двадцать лет после означенного события, подчеркнул «европейский» масштаб победы. Но этот автор, живший в краю, страдавшем от мусульманского ига, быть может, и преувеличил значение происшедшего. В самом деле, под Пуатье произошла одна из многих стычек, которую вряд ли можно было сравнивать с поражением, которое потерпел в 739 г. азиатский ислам от византийцев. Тогда василевс Лев III действительно остановил мусульманское наступление на Константинополь, метрополию христианства. Однако ко времени описываемых событий восточная и западная части христианского мира слишком отдалились друг от «руга. Лев III считался на Западе еретиком-иконоборцем, тогда как преемники Карла Мартелла стремились войти в соглашение с папством. По этой причине вклад василевса в дело борьбы с исламским экспансионизмом был незаслуженно проигнорирован, а подвиги его западных оппонентов столь же незаслуженно преувеличены...

Наряду с этим старым мифом, согласно которому под Пуатье якобы было спасено христианство, в течение долгого времени имел хождение и другой миф, освященный авторитетом немецкого ученого Генриха Бруннера, посчитавшего возможным принять Пуатье за исходную точку в развитии феодальной Европы. Бруннер исходил из того объективно ограниченного предположения, что феодализм, мол, является сугубо военным явлением и, следовательно, его политические, социальные, экономические и юридические аспекты — все без исключения — возможно объяснить через создание и деятельность тяжелой кавалерии, что в корне неверно. Однако стержень концепции Бруннера все-таки заключается в попытке найти ответ на вопрос о генезисе этой кавалерии...

...В 732 г. франки противопоставили иберийским арабам свою обычную тактику. Они стояли «неподвижно, словно стена, плечо к плечу, словно глыба льда», — сказано в одном из источников. В этой связи Бруннер подчеркивал, что франки, выступившие под Пуатье в роли пехотинцев, несколько десятилетий спустя превратились внезапно в умелых и опытных конных воинов. Такими они и были во времена Карла Великого, во всяком случае начиная со второй четверти IX в. Сдвиг произошел, судя по всему, сразу же после Пуатье или чуть позже. И доказывает это тот факт, что в 755 г. Пипин Короткий, сын Карла Мартелла, перенес генеральную ассамблею франков на май месяц, то есть на период, когда было больше корма и лошади уже смогли восстановить силы после скудости зимы. Прежде, согласно обычаям предков, она созывалась в марте. Это подтверждает также и то, что в 758 г. он потребовал от саксов поставлять себе в счет дани лошадей, а не волов, как прежде.

Исследуя цепь событий в течение двадцати лет, последовавших за Пуатье, Брукнер обратил внимание на политику широких и насильственных конфискаций церковных земель, которую проводил Карл Мартелл. Он конфисковывал и перераспределял эти земли среди членов своей свиты с целью укрепить армию. По его мнению, франкам в то время угрожала только арабская конница. Во время столкновения под Пуатье франкская пехота не могла поспеть за всадниками Абдуррахмана, и Карл Мартелл, следовательно, оказался лишенным возможности развить успех. В этой связи он принял решение обзавестись кавалерией и с этой целью осуществил меры по широкой экспроприации церковных земель и перераспределению их среди членов своей свиты. Таким образом, они получили возможность продолжать службу уже в качестве конных воинов, более того, .такая служба вменялась им в обязанность. Высокая стоимость лошади и тяжелого вооружения объясняет отчасти решительность тех мер, которые навлекли на Карла гнев церкви. Одной из причин тесной взаимосвязанности между вассалитетом и

бенефицием и, следовательно, становления феодальных структур была и военная необходимость, в частности предполагавшая тяжелую кавалерию.

Сегодня представления о происхождении феодализма и о роли, сыгранной в процессе его становления военным фактором, намного более гибкие и в то же время более сложные, чем бруннеровские тезисы. Самым уязвимым их местом является как раз вопрос о сражении при Пуатье... Только применив насилие над теми немногими источниками, что были в его распоряжении, можно было, например, прийти к выводу, будто арабы Абдуррахмана сражались верхом на коне. Анонимный автор из Кордовы ничего не говорит об этом, а лишь указывает, что арабы после длившейся целый день баталии, завершившейся отнюдь не в их пользу и гибелью самого эмира, отступили в свой лагерь, который, однако, покинули под покровом ночи и обратились в бегство. На следующее утро франки, не ведая ничего о том, что противник уже бежал из лагеря, приготовились было к сражению, как вдруг им стало известно о бегстве арабов. На первых порах они сомневались, нет ли тут какой-либо военной хитрости. Они обыскали окрестности вдоль и поперек. Наконец удостоверились: враг и в самом деле бежал. Не помышляя о преследовании, франки разошлись по домам. Выходит, только романтическая картинка — араб и его лошадь — дала основание Бруннеру пофантазировать на тему о том, что воинство Абдуррахмана сражалось верхом на коне.

Однако гораздо серьезнее другое насилие над источником: франки были якобы лишены возможности преследовать побежденного врага. Говоря об этом, Бруннер априорно объясняет невозможность преследовать врага отсутствием лошадей, совершенно игнорируя тот факт, что в источнике ясно говорится о том, что у франков не было какого-либо желания пускаться вдогонку за неприятелем. Так что, несмотря на патетический тон анонима из Кордовы, оказавший столь сильное влияние на целую научную школу и от которого не суждено было уберечься даже Бруннеру, ясно одно — битва под Пуатье была весьма скромным «успехом». По завершении военных действий противник организованно отступил в свой лагерь, создав у франков впечатление, будто назавтра сражение должно возобновиться. Арабы ничем не напоминали стоящее на грани катастрофы войско. Решение отступить — именно об отступлении, а не о беспорядочном и паническом бегстве здесь идет речь, — судя по всему, было принято во время ночного совета. Его основная мотивировка — гибель эмира. Арабы оставили лагерь организованно в полной тишине. Данное обстоятельство не может не навести на мысль о том, что, вероятнее всего, при них не было лошадей, так как ржание и топот коней непременно подняли бы по тревоге передовые дозоры франков.

Время, которое выиграли арабы, снявшись с лагеря Ночью, объясняет, отчего на следующее утро франки отказались от преследования. Можно даже предположить, что христиане, обнаружив намерение сарацинов отказаться от второго сражения, поостереглись помешать им осуществить задуманное. Как ясно следует из источника, франки глазам своим не поверили, не ожидали они такой манны небесной, как отказ арабов сражаться. Новость эту они восприняли с радостью и облегчением. И в самом деле, разграбив арабский лагерь, они ушли восвояси. В общем, повели себя не так, как положено победителям...

...Ошибочна и та оценка, которую Бруннер дает битве при Пуатье. Однако, вне всякого сомнения, речь здесь идет о «счастливой ошибке». Благодаря исследовательской работе самого Бруннера и тех, кто пытался углубить либо опровергнуть его выводы, мы располагаем сегодня возможностью показать во всей широте то, что с середины VIII в. значение военного фактора, то есть и войны, и ее главного действующего лица — воина, все более возрастает, тогда как число воинов идет на убыль. Целям войны начинает служить уже не весь свободный люд, как это диктовали германские обычаи, а аристократия профессионалов, имеющих коня, тяжелое вооружение и средства для приобретения и содержания дорогостоящего снаряжения. Речь, таким образом, идет о военной аристократии, профессионалах, бывших в то же самое время аристократией экономической, становящейся также благодаря распылению власти в связи с распадом каролингской империи политико-юридической аристократией.

Пуатье, несомненно, находится в хронологической точке, знаменующей собой начало этих изменений, особенно заметных во франкском обществе, но дававших о себе знать и в иных краях. Не подлежит сомнению, что средневековый рыцарь, конечно же, не родился в Пуатье.., однако с VIII в. лошадь все решительнее вторгается в пределы военного искусства Запада, становясь самым эффективным его инструментом...

Каролингская кавалерия, будучи связана с экономической структурой общества, возникла в обезлюдевшей бедной стране, где не бывало такой весны, чтобы в самый разгар полевых работ не обрушивались бы на ее землю враги, не захлестывали бы ее войны. Нельзя же было в самом деле бросить сеять хлеб, чтобы заниматься только войной. Невозможно было каждый год ставить народ этой страны перед необходимостью выбора: или смерть от руки захватчика, или голодная смерть. Отсюда жизненная необходимость в формировании такой категории людей, которые, находясь на содержании трудящихся и будучи свободными от материальных забот, могли бы полностью посвятить себя войне, совершенствованию своего боевого мастерства и вооруженной борьбе с врагами...

Главный же враг франков в течение всего VIII в., несомненно, испанские арабы. Арабско-берберская оккупация Испании и покорение вестготов сарацинами (при сохранении ограниченного очага сопротивления в труднодоступной Астурии) совершились всего за три года, с 711 по 714 г. Вдохновленные легким успехом, мусульмане тотчас двинулись за Пиренеи в ту часть Галлии, которая принадлежала вестготскому королевству. Нарбонн пал в 718 г., Ним и Каркассон — в 725 г.; в 721 г. арабы появились у стен Тулузы и в Провансе. Весь бассейн Роны стал театром военных действий. В 725 г. (по другим данным, в 731 г.) был сожжен Отен. В этот момент эмир Абдуррахман предпринял решительные действия. Он двинулся в Аквитанию, пересек Гасконь, разграбил Бордо, откуда был готов совершить бросок на Тур... В октябре 732 г. набег Абдуррахмана был остановлен близ Пуатье. Авантюра, столь блистательно начатая эмиром, завершилась поражением... Однако франки не на шутку перепугались, продолжали они бояться и после битвы при Пуатье, не избавившей Галлию от мусульманских набегов.

«Посмертная», так сказать, слава Пуатье затушевала ту простую истину, что в 734 г. арабы, стоявшие под Нарбонном, разграбили Арль, добрались до Бургундии и угнали оттуда в Испанию огромное количество рабов... Речь шла о необычайно мобильном и агрессивном противнике, чьи силы были дислоцированы вдоль протянувшейся на многие сотни километров границы. Необходимо было создать такой род войск, который был бы способен передвигаться с максимальной скоростью..

...Усовершенствования в области вооружения и техники верховой езды с VIII столетия привели к тому, что конный воин, чтобы хорошо вооружиться, нуждался в более сильной лошади и гораздо большем количестве металла, чем прежде.

сравнении с пехотинцем его расходы претерпели качественный и количественный скачок, особенно в связи с покупкой лошади. Экипироваться он тоже должен был на свой собственный счет. Подобные расходы мог позволить себе только богатый человек... В этих условиях конным воином становился преимущественно выходец из аристократической среды, круг которой к тому же постоянно сужался и дифференцировался относительно первоначально однородной массы свободных крестьян-пехотинцев. Дифференциация касалась как богатства, так и образа жизни: аристократия считала войну и подготовку к ней своим постоянным профессиональным занятием... При этом социальный статус неимущих резко падал, и они фактически оказывались на положении зависимых людей, почти рабов... По обе стороны Альп в середине VIII в. древнее право — обязанность каждого свободного германца быть при оружии — постепенно исчезало. «Народ» и войско уже не были синонимами. Вооружаться теперь мог только тот, кто достиг известного экономического уровня. Внутри этой группы лишь ограниченная элита и ее свита была в состоянии обеспечить себе обладание боевым конем и тяжелым вооружением, то есть военную гегемонию...

...Воин, имевший меч, коня, латы и седло, даже среднего качества, «тащил» на

себе, сжимая в руке щит и водрузив на голову шлем, около 250 солидов, иными словами, эквивалент более четырех поместий, или 25 отличных волов, либо 250 овец, либо 250 четвертей пшеницы. Целое состояние, не так ли?... Таким образом, бедняки становятся «безоружными» по своему положению... Но верно также и то, что в чрезвычайных обстоятельствах корона могла создавать «новых имущих», предоставляя земли лицам, зарекомендовавшим себя в качестве искусных воинов, вовсе не принимая во внимание их юридический статус... Физическая сила и военная выучка становятся важнейшим фактором продвижения по служебной лестнице и социальной мобильности...

...Мало-помалу происходит выделение, с одной стороны, немногочисленных богатейших военных семейств, тесно сплоченных друг с другом на основе профессионально специализации, готовиться к которой начинали с самого раннего возраста, и, с другой — массы неимущих семей, безоружных и обреченных на то, чтобы весь свой век гнуть спину в поле. В духовном плане человек, рядившийся в одеяния защитника своего народа и во имя его спасения готовый даже пролить свою кровь, символически как бы повторял деяния Христа. Выполнение профессионального долга воин оправдывал образом распятого Христа. Землепашец в эпоху, когда физический труд воспринимался по-библейски как наказание за первородный грех (первым де, кто был вынужден возделывать землю, считался Каин), становится символом падшего, греховного и проклятого человечества. Феодализм складывается в систему строго регламентированных духовных и социальных отношений. Рыцарская этика является идеологическим оправданием этой системы отношений, и с ней соглашаются, разделяя ее в меру своего разумения, эксплуатируемые массы.

Кардини Франко.
Истоки средневекового рыцарства.

М., 1987. С. 279—307.

6.

ЭЙНГАРД: ЖИТИЕ КАРЛА

Гл. 7. ...Не было войны более затяжной, жестокой и тяжкой для народа франкского, чем война с саксами. Ибо саксы, как почти все народы, населяющие Германию, жестокие по природе, преданные служители демонов, супротивники веры нашей, не считали зазорным осквернять и преступать законы божеские и человеческие. Были и Другие причины, которые ежедневно расстраивали мир: наши и их границы почти всюду соприкасались, притом на ровном месте — за исключением немногих местностей, где либо большие леса, либо горные хребты определенно Ограничивали земли обоих; на ровных-то местах и проводили беспрерывные взаимные убийства, грабежи и пожары. Всем этим франки настолько были ожесточены что сочли необходимым не платить им тем же, а прямо начать с ними войну.

И вот началась против них война, которая велась с великим взаимным ожесточением, но с большим все же вредом для саксов, чем для франков, целых тридцать три года. Могла бы она кончиться и скорее, если бы не вероломство саксов. Трудно сосчитать, сколько раз они были побеждены и сдавались на милость нашего государя, обещали исполнять все по приказу, немедленно давали требуемых заложников, принимали отправляемых к ним посланцев; не раз бывали настолько укрощены и замирены, что даже обещали бросить служение демонам и подчиниться христианской вере. Но насколько они иногда бывали готовы исполнять все это, настолько же они всегда бывали склонны и нарушать...

Никогда государь не давал им безнаказанно совершать подобное, мстя им за измену и карая по заслугам, либо сам приводя войско, либо посылая его со своими графами. Наконец, раздавив всех, кто то и дело восставал, и окончательно подчинив их, он перевел десять тысяч человек, живших по обе стороны Эльбы, подняв их вместе с женами и детьми, и всячески распределил их по всей Галлии и Германии. Известно, что эта война, тянувшаяся столько лет, закончилась на следующих условиях, предложенных государем и принятых ими: отречься от служения демонам, бросить дедовские обряды, принять таинства и обряды христианской веры и, слившись с франками, образовать с ними один народ...

Гл. 13. Наиболее крупной из войн, которые имел Карл, была — помимо Саксонской — война с аварами, или гуннами. Да он и вел ее особенно энергично и с паи большими приготовлениями. Но лично совершил он ли один поход, в Паннонию (эту область в то время занимали авары), все остальные поручил он сыну своему Пипину, областным начальникам, графам и даже посланцам; и хотя те вели войну деятельно, она кончилась лишь на году. Сколько было сражений, сколько было пролито крови, об этом свидетельствует безлюдная Паннония, а также место, где была ставка кагана, — такая пустыня, что нет даже следов обитаемости. Вся знать гуннов погибла в этой войне, вся слава исчезла. Вся казна их и накопленные за долгое время сокровища были отняты; и не было, сколь упомнят, войны против франков, в которой бы они более обогатились и приобрели. До этого времени они казались почти бедняками: теперь же было найдено столько золота и серебра в ханской ставке, столько добыто драгоценностей в сражениях, что поистине можно сказать: франки справедливо отобрали у гуннов то, что гунны несправедливо АО этого отобрали у других народов.

Гл. 17. ...Создал он также флот против норманнских набегов, построив для этого корабли по рекам, которые из Галлии и Германии втекают в Северный океан. И так как норманны беспрерывно тревожили и опустошали берега Галлии и Германии, то он по всем гаваням и речным устьям, куда могли войти суда, расставил посты и дозоры так, что враг не мог уйти. То же самое он сделал и с полуденной стороны, по берегам Нарбоннской и Септиманской провинции, а также по всему итальянскому берегу вплоть до Рима против мавров, недавно принявшихся за морской разбой. И таким образом во дни его ни Италия от мавров, ни Галлия и Германия от норманнов не терпели тяжкого ущерба; только Чивитавеккия, город Этрурии, изменою был взят маврами и опустошен, да во Фризии ограблено было норманнами несколько островов, смежных с германским берегом.

Гл. 23. Он носил национальную одежду, т.е. франкскую...

Гл. 24. ...Пиры давал очень редко, в особо торжественных случаях, но тогда уже многолюдные... Во время обеда он слушал рассказчиков или чтеца. Читали ему из истории о деяниях древних. Нравились ему также книги блаж. Августина, особенно та, что озаглавлена «О Граде Божием». В вине и других напитках он был до того умерен, что за обедом редко пил больше трех раз...

25. Речь его текла богато, и свободно мог он выразить то, что хотел. Не довольствуясь родной речью, старался изучить и иностранные языки; латынь он настолько, что умел говорить на ней, как на родном языке; по-гречески же лучше понимал, чем сам объяснялся. Он был так речист, что мог даже казаться болтливым.

Он ревностно занимался «свободными науками»; высоко чтя учителей этих наук, он осыпал их великими почестями. Грамматику он изучал у старца диакона Петра Пизанского. В других науках наставником его был Альбин, прозываемый Алкуином, тоже дьякон, из Британии, человек саксонского племени, муж всячески ученый; ему Карл уделил особенно много времени и труда, изучая с ним риторику, диалектику и особенно астрономию. Учился он и искусству счета; ревностно, тщательно и проникновенно исследовал течение звезд. Пытался и писать; для этого возил с собою на постели под подушкой дощечки и листки [пергамента], чтобы в свободное время приучить руку выводить буквы. Но мало имел успеха труд, начатый не в свое время, слишком поздно...

Средневековье в его памятниках//Сб. переводов под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913. С. 24—32.

7.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАНЦИИ

...В течение ряда последующих столетий Карл выступал как герой легенд и сказаний. Ему приписывались подвиги, которых он не совершал, победы которых он не одерживал. Самое имя его стало синонимом могучего властителя. И подобно тому, как в древности римские императоры присваивали себе титул «Август» (по имени Октавиана Августа), правители европейских государств стали впоследствии называть себя «королями» (по латинской форме имени Карла — Karolus). Объясняется это прежде всего тем, что в течение столетий, предшествующих и последующих правлению Карла Великого, на Западе не существовало политических образований, которые хотя бы формально объединяли столь значительную территорию. Существенно важной была также связь империи Карла со становлением трех крупных европейских государств — Франции, Германии и Италии. Известную роль в увековечении памяти о Карле Великом сыграло, вероятно, и то, что он был одним из очень немногих крупных политических деятелей раннего средневековья, о которых источники сохранили сравнительно богатый биографический материал, достаточный для воссоздания сколько-нибудь конкретного образа...

...Карл был действительно незаурядным государственным деятелем. Его основная заслуга в том, что он сумел максимально использовать политические результаты, достигнутые его предшественниками, и довести до конца начатое ими дело расширения Франкского государства. Осознанно или неосознанно, Карл стремился сохранять и укреплять свои связи с окружавшей его знатью и, несмотря на свою, казалось бы, неограниченную власть, не предпринимал обычно ничего, что не получало бы прямого или косвенного одобрения тех, кто составлял его социальную опору (известно, в частности, что, прежде чем обнародовать многие свои политические или военные решения, Карл обсуждал их не только со своими ближайшими советниками, но и на широких ежегодных съездах знати во время так называемых «майских полей»). И хотя Карл не мог, конечно, полностью оценить ограниченность политических перспектив своей империи, ему не была чужда известная трезвость в определении реальности тех или иных государственных задач. Он избежал, например, ошибки, допущенной в дальнейшем правителями Священной Римской империи, и не позволил, чтобы борьба за подчинение Италии отодвинула на второй план внутриполитические задачи. Карл сознавал, по-видимому, невозможность сохранения единства созданной им империи и потому еще при жизни пытался разделить ее на отдельные королевства между своими сыновьями.

При всем том величие Карла было во многом относительно. Карл Великий не был ни столь крупным военачальником, каким его нередко рисуют, ни оригинальным законодателем. За свою жизнь он не выиграл ни одного крупного сражения. Серьезные поражения наносили его войскам и саксы, и испанцы, и итальянцы. Нам неизвестно ни одно тактическое или стратегическое новшество, которое бы он предложил. Проведенные им политические реформы также содержат мало нового, ограничиваясь осуществлением мероприятий, намеченных еще его предшественниками... Его роль не шла дальше завершения дел, начатых еще до него. И потому понятно, что усиление Франкского государства при Карле Великом следует объяснять не только (или даже не столько) его политическими талантами, сколько более глубокими социальными процессами, о которых говорилось выше.

Эти процессы позволили лишь на время восстановить могущество франкских королей. Новая знать приобрела экономическую и политическую самостоятельность и все меньше нуждалась в королевской поддержке. Апогей в ходе социальной дифференциации основной массы свободных — особенно в центральных областях Галлии — к концу правления Карла Великого был уже пройден. Ресурсы политического усиления Каролингов были, таким образом, в значительной мере исчерпаны. А между тем действие центробежных сил продолжалось и даже усиливалось. Сепаратистские тенденции знати сочетались со стремлениями

многоплеменного населения Каролингской империи к высвобождению из-под власти чужеземцев-франков. Экономические стимулы к сохранению единства империи отсутствовали, так как хозяйственные связи отдельных ее частей были неразвиты. В этих условиях никакие политические акции — ни коронация Карла Великого в 800 г. в качестве «римского императора», ни реформирование системы государственного управления (в частности, создание для контроля за действиями местных властей института разъездных королевских «посланников» - так называемых missi dominici) не смогли надолго отсрочить распад государства...

История Франции.
Т. 1.1972. С. 63—66.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Блок М. Характерные черты французской аграрной истории.

Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.

История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1. М., 1985.

История Франции. Т. 1. М., 1972.

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М., 1917.

Уотт У.Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Bader K.S. Dorfgenossenschaft und Dorfgemeinde. Weimar, 1962.

Bader K.S. Studien zur Rechtsgeschichte des mittelalterlichen Dorfes. T. 1—2. Weimar, 1957—1962.

Bosl K. Franken urn 800. Structuranalyse einer frankischen Konigsprovinz. Munchen, 1969.

Duby G. Guerriers et paysans, Vile — Xlle siecles. P., 1973.

Faber G. Das erste Reich der Deutschen: Geschichte der Merowinger und Karolinger. Munchen, 1980.

Распад Каролингской империи. Эпоха новых вторжений

Карлу Великому приходилось сталкиваться с огромными трудностями управления своей необъятной империей (за время его правления территория Франкского государства выросла почти вдвое). Много усилий было положено на Распространение и упрочение вассальных связей, которые стали оформляться специальными договорами и присягами, свободный должен был наряду с подчинением своему сеньеру принести присягу королю; для этого составлялись списки присягнувших, а тех, кто пытался уклониться, принудительно доставляли ко двору для приведения к присяге.

Для. большей эффективности управления вся территория франкской державы была разделена примерно на двести пятьдесят графств. Графы, назначавшиеся королем, обладали в пределах своего графства высшей военной, судебной и административной властью, не распространявшейся, однако, на иммунитетные территории. Почти все графы были королевскими вассалами, причем многие из них находились в родственных отношениях с Каролингской династией. Контроль за их деятельностью осуществлялся через специальных королевских посланцев, которые могли отменять принятые графами решения и смещать назначенных ими должностных лиц. Об итогах своей проверки посланцы докладывали на очередном собрании знати, но и графы, являясь ко двору, должны были рапортовать о деятельности посланцев. Перекрестный контроль должностных лиц дополнялся личными королевскими инспекционными поездками на места. Такая организация управления позволила в течение нескольких десятилетий поддерживать единство огромной державы, противостоять развивавшимся в ней центробежным тенденциям.

Но очень скоро после смерти Карла Великого начались междоусобицы, которые оставили глубокий след на политической карте Западной Европы. Сын Карла Великого Людовик Благочестивый (814—840 гг.) находился под влиянием идеи создания «государства Божьего на земле», для чего пытался добиться объединения под своей властью всех христиан. Однако он уже в 817 г. разделил свои владения между сыновьями, оставив за собой верховную власть. Ожесточенная борьба между наследниками, каждый из которых опирался на территориальную знать, и последовавшие за первым новые переделы вылились в череду смут и междоусобиц. Сыновья постоянно бунтовали против отца и даже не раз добивались временного отстранения его от власти. Вот, в частности, что сообщают «Сен-Бертенские Анналы» о событиях 832—833 гг.:

«**832 год**. Пипин, недовольный плохим приемом со стороны отца, бежал... *с* несколькими своими приближенными и с великой поспешностью вернулся в Аквитанию. Император был очень взволнован этим; он никогда не рассчитывал, что сын может пойти на подобное и бежать, чтоб не быть с отцом. Тогда он [император] созвал отовсюду своих советников и держал с ними совет, что тут следует делать. И было решено, что император объявит о созыве общего собрания в Орлеане. Лотарь должен отправиться туда из Италии, Людовик же — в Ахен, а потом вместе с отцом на собрание. После того как все это было обдумано и повсюду разосланы посланцы для оповещения, благочестивейший император получил неожиданно весть, что Людовик намеревается вместе со всеми баварами, свободными и несвободными, а также со славянами, которых он сможет привлечь к себе, вторгнуться в Алеманнию, которая давно уже была пожалована отцом его брату Карлу, опустошить и разграбить ее и присоединить к своему королевству. И все население этого королевства готово, мол, обещать ему верность. Совершив все это — вторгнуться с войском во Францию, захватить и поставить под свое господство сколько он сможет из королевства своего отца. Как только это стало известно, император изменил место созыва собрания и приказал всем восточным и западным франкам, а также саксам собраться 18 апреля в Майнце и там ожидать его. Услышав об этом, все оживленно поспешили явиться к своему императору, желая оказать ему всяческую поддержку...

833 год. Отпраздновав святые дни [Рождество], он [император Людовик]

направился прямым путем в Ахен. Немного дней пробыв там, он получил известие, что сыновья вновь объединились против него, восстали и собираются напасть на него с большим войском. Император, посоветовавшись, еще до начала поста отправился в Вормс, где он отпраздновал также святую Пасху и Троицу. Тем временем он собрал войско и решил идти навстречу сыновьям, и если не сможет миролюбивыми словами отвлечь их от наглости, то усмирит оружием, чтобы они Не причинили зла христианскому народу. Затем братья, желая совершить задуманное, соединились в округе Эльзас, в месте, именуемом Ротфельд: Лотарь из Италии, приведший с собой папу Григория, Пипин из Аквитании и Людовик из Баварии, каждый с большой массой людей. Когда император встретился с сыновьями, он не смог заставить их отказаться от упрямства. Они же низкими приемами уговоров и лживыми обещаниями так ввели в заблуждение людей, пришедших с императором, что все его оставили...» *(Корсунский А. Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М., 1979. С. 44—45).

Борьба между преемниками разгорелась с новой силой после смерти Людовика Благочестивого. В 842 г. два младших брата, объединившись против старшего, заключили между собой своеобразный «договор о взаимопомощи» — принесли так называемую Страсбургскую присягу:

«И вот 14-го февраля (842 года] Людовик и Карл собрались в городе, который некогда звался Аргентария, ныне же в просторечии Страсбург, и произнесли они нижеприведенные клятвы, Людовик на языке романском, Карл же на тевтонском. А перед присягой обратились они к окружающему народу, один на тевтонском, другой на романском языке. Людовик, как старший, говорил первым: «Сколь часто Лотарь после смерти родителя нашего пытался извести меня с братом, — вы хорошо знаете. Когда же ни братское, ни христианское чувство, ни все старания наши не могли привести к тому, чтобы был между нами мир без нарушения правды, тогда мы поневоле передали дело суду Всемогущего Господа, чтобы Он, на удовлетворение всех нас, указал, что кому следует. На сем суде мы, как вы знаете, милосердием Господа оказались победителями, он же, побежденный, вместе с присными удалился туда, где была еще у него сила. Проникнутые братской любовью и из сострадания к люду христианскому, мы не пожелали его преследовать и уничтожить, но и теперь, как и раньше, поручили [себя Господу], чтобы каждому, наконец, воздано было по справедливости. А он и после этого, недовольный Божьим судом, все снова и снова преследует нас с братией войной, а народ наш пожарами, грабежом и убийством; а посему мы, вынужденные необходимостью, собрались ныне и, предполагая, что вы сомневаетесь в прочности и силе нашей братской верности, порешили принести присягу в вашем присутствии... Если же — да не будет этого! — я нарушу клятву брату моему, то этим я разрешу всех вас от подданства и от присяги, которую вы принесли мне». После того как Карл провозгласил то же самое на романском языке, первым принес клятвенное обещание Людовик, как старший, в следующих выражениях: «Из любви к Господу, ради христианского и общего нашего спасения, отныне и впредь, насколько Господь Бог даст мне разумение и силу, я поддержу сего брата своего Карла и [военной] подмогой, и всяким другим делом — так, как и всякий человек воистину должен поддерживать брата своего, — если он мне ответит тем же. А от Лотаря я не приму никакого условия, которое заведомо будет в ущерб сему брату моему Карлу». Когда Людовик окончил, Карл произнес в тех же словах клятвенное обещание на тевтонском языке...» (Средневековье в его памятниках. С. 35—36).

Обращает на себя внимание тот факт, что текст Страсбургской присяги 842 г. был составлен отдельно на двух языках. Это несомненно свидетельствует о признании этнических особенностей двух королевств. Страсбургская присяга являлась прелюдией к Верденскому договору 843 г., заключенному в результате вмешательства церкви с целью прекратить братоубийственные войны. Верденским договором внуки Карла Великого — сыновья Людовика разделили его державу на три самостоятельных королевства: Западно-франкское (к западу от Рейна), которое получил Карл Лысый (ум. в 877 г.), Восточно-Франкское (к востоку от Рейна), доставшееся Людовику Немецкому (ум. в 876 г.), и «Среднее» (Италия и

пограничные земли вдоль Рейна), которым владел Лотарь (817—855 гг.), сохранивший за собой по праву старшинства императорский титул. Борьба Людовика II Немецкого с Карлом Лысым из-за наследия Лотаря I и его сына ЛотаряII, который умер в 869 г., Привела к новому, Мерсенскому разделу, по условиям которого восточная часть прирейнского «коридора» Лотаря отошла к Людовику, а западная — к Карлу. Так было юридически закреплено обособление отдельных частей Франкского государства, предвосхищавших современные Францию, Германию и Италию.

Но с этим распадом Каролингской империи на три государства процессы раздробления и децентрализации не приостановились. Отношения вассалитета, получившие широкое распространение в обновленном государстве Каро-лингов, оказали глубокое воздействие на судьбу этого непрочного политического образования. Еще в последние годы жизни Карла усилилось могущество светских и духовных магнатов. После развала Каролингской державы оно неизмеримо возросло, причем постоянные войны, как внешние, так и внутренние, в высшей степени этому способствовали. Всеобщность и иерархическая структура вассальных связей в новых условиях играла на руку уже не королевской власти, а отдельным крупным феодалам, которые, располагая значительными земельными и людскими ресурсами, все больше стремились к независимости и укреплению собственной власти. Уже в правление Карла Лысого графы, прежде назначавшиеся королем из крупнейших местных землевладельцев, превращаются в наследственных обладателей прав, соединенных с должностью, а их связь с верховной властью становится вассальной. Ситуация усугубляется прогрессирующим параличом королевской власти в организации отпора нападениям извне. Особенно это стало очевидным в связи с усилившимися в середине IX в. норманнскими вторжениями, от которых более всего страдали западно-франкские земли. Действительно, с 40-х годов набеги норманнов-датчан на города северо-запада повторяются ежегодно с удручающей регулярностью. В 841 г. они разграбили Руан, в 842 г. — Квентовик, в 843 г. — Нант, в 845 г. — Париж. Мобильные отряды викингов датского, норвежского, шведского происхождения появлялись в самых неожиданных местах, сея панику и производя молниеносные и разрушительные операции. Не надеясь на занятых выяснением «семейных» отношений и сведением личных счетов правителей, графы и епископы действуют самостоятельно. Прекрасно передает сложившуюся обстановку небольшой отрывок из Сен-Бертенских Анналов под 853/854 годом:

«...Почти все аквитанцы отпали от Карла и послали к Людовику, королю Германии, в знак отдачи под его господство послов и заложников. Карл, подозревавший брата своего Людовика в неверности, явился к Лотарю в Люттих. Они здесь долго договаривались относительно совместной и неразрывной дружбы и в конце концов закрепили это вновь перед лицом всех, кто там присутствовал, взаимными клятвами всем святым и поручая друг другу своих детей, своих приближенных и свои королевства. Между тем юный Людовик, сын Людовика, короля Германии, которого аквитанцы выпросили себе у его отца, перешел Луару и был принят теми, кем был призван. Карл выступил в Аквитанию во время великого поста. И там он оставался еще и после пасхального праздника; его люди занимались лишь грабежами, поджогами, захватом людей в плен, и не щадили в своей алчности и наглости даже самих церквей и алтарей Божьих... Датчане, стоявшие на Луаре, подошли к бургу Блуа и сожгли его. Отсюда они намеревались идти к Орлеану, намечая для него то же самое. Но поскольку епископы Агий из Орлеана и Бурхард из Шартра подготовили против них корабли и воинов, они отказались от этого намерения и отошли к нижней Луаре... Король Карл... изгнал своего племянника из Аквитании и заставил его вернуться к отцу в Германию...» А между тем в это время датские викинги поднимаются вверх по Сене, берут и грабят Париж.

Впечатляющая картина политической безответственности: семейные распри отвлекают короля от защиты его попавших в беду подданных. Вполне естественно в их положении обратить свои надежды на более досягаемых и менее безучастных к их повседневным нуждам представителей местной власти разного уровня, светских и церковных Магнатов, которые оказались способными взять на себя организацию

обороны от варваров. Необходимость ответа на внешнюю опасность сплачивает вокруг них местных средних и мелких феодалов, владельцев наследственных Феодов, в которые превратились прежде условные бенефиции (Кьерсийским капитулярием Карл Лысый дал юридические гарантии неприкосновенности прав наследования отцовских бенефициев сыновьями его вассалов, закрепив таким образом уже сложившуюся обычную практику). Полнота власти сосредоточилась в руках тех светских и церковных магнатов, которые, располагая обширными земельными владениями, могли предоставлять бенефиции для содержания значительного числа вооруженных вассалов. В этих условиях сохранение политического единства теряет свою актуальность и привлекательность, более того — оно становится абсолютно нереальным.

Яркий эмоциональный отклик на вакханалию децентрализации в середине IX в. мы находим в оде дьякона Флора Лионского, озаглавленной «Жалоба о разделе империи»:

«...Франкская нация блистала в глазах всего мира. Иностранные королевства — греки, варвары и сенат Лациума — посылали к ней посольства. Племя Ромула, сам Рим — мать королевства — были подчинены этой нации: там ее глава, сильный поддержкой Христа, получил свою диадему, как апостолический дар... Но теперь, придя в упадок, эта великая держава утратила сразу и свой блеск и наименование империи; государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором; вместо государя — маленькие правители, вместо государства — один только кусочек. Общее благо перестало существовать, всякий занимается своими собственными интересами: думают о чем угодно, одного только Бога забыли. Пастыри Божьи, привыкшие собираться, не могут больше при таком разделе государства устраивать свои синоды, нет больше собрания народного, нет законов, тщетно вздумало бы прибыть посольство туда, где нет двора. Что же сталось с соседними народами на Дунае, на Рейне, на Роне, на Луаре и на По? Все они, издревле объединенные узами согласия, в настоящее время, когда союз порван, будут раздираемы печальными раздорами... В то время как империя разрывается на клочья, люди веселятся и называют миром такой порядок вещей, который не обеспечивает ни одного из благ мира» (Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1... С. 501).

В стране, раздираемой внутренними противоречиями, соперничеством, жаждой мести, тайными заговорами и предательствами, передаваемой из поколения в поколение фамильной враждой владык и приближенных к ним группировок знати, нельзя было, конечно, рассчитывать на «блага мира». Тем более что она стала жертвой обрушивавшихся со всех сторон ударов извне: с севера и северо-запада — норманны, с юга — арабы из Ифрикии (Туниса), которые, проникнув в Сицилию (на завершение ее оккупации им потребовалось три четверти века), совершали грабительские рейды в Италию (в 846 г. они разграбили собор св. Петра в Риме), и испанские сарацины, вторгавшиеся в Прованс, Лигурию и Тоскану.

И все же самую страшную и длительную угрозу создавали походы норманнов-викингов. Данные картулярия процветавшего при Меровингах и Каролингах старинного аббатства св. Петра Шартрского позволяют восстановить печальную историю его разорения в результате неоднократных норманнских набегов. «Но вот в одно время, значится в картулярии, — приплывши из-за моря на кораблях с птичьими клювами, языческий народ всю почти Нейстрию жестоко и хищнически обнаженным мечом опустошил, некие святые места разорил и всепожирающему пламени предал; города захвативши, совершенно с землею сравнял, христиан же либо... железом истребил, либо захваченных в плен продал в вечное рабство. До того дошло неистовство этих язычников, что на веслах поднялись они по Сене реке, опустошивши окрестности и подошедши к городу Шартру.., всю округу, по которой прошли, разорили и обезлюдили.» Самый город Шартр, после долгой осады, совершенно истощившей силы защитников, был захвачен внезапным ночным приступом норманнов и, «совершенно разрушенный, огнем спален», причем все его население подверглось поголовному истреблению. «Тогда же вышеназванный монастырь, оскверненный врагами, предан был пламени». Это случилось в 858 г.

Около 860 г. монастырь был восстановлен, но в 888 г. «язычники из-за моря снова город опустошили и монастырь разорили до основания» (Социальная история средневековья. Т. 1. М., Л., 1927. С. 212).

Во второй половине IX в. набеги викингов приобрели более «организованный» характер: от несогласованных быстрых рейдов отдельных отрядов они перешли к объединению усилий и проведению довольно длительных операций не только в прибрежных, но и во внутренних районах подвергавшихся их нападениям стран. В 886—887 гг. состоялась описываемая Аббоном, монахом аббатства св. Германа, осада норманнами Парижа:

«Кровь твоя [Париж] пролита этими варварами, приплывшими на 700 парусных кораблях и прочих маленьких ладьях, многочисленных до того, что нельзя их и счесть; народ называет их барками. Поверхность глубоких вод Сены до того покрыта ими, что ее волны исчезли под их судами на пространстве более 2 миль... Едва занялась заря, как этот вождь [Зигфрид-Сигурд?] повел свое войско на битву. Все они бросаются со своих кораблей, бегут к башне, колеблют ее жестоко до основания учащенными ударами и осыпают градом стрел. Город оглашается криками, жители торопятся со всех сторон, мосты дрожат под их шагами, все бежит и стремится на защиту башни. Между ними отличаются своим мужеством граф Эд [Одо, граф Парижский, с 888 г. — король Франции), брат его Роберт и граф Рагнар... Первый, победоносный Эд, не испытавший поражения ни в одном бою, воодушевляет своих и поддерживает их истощенные силы. Он ходит беспрестанно по башне и поражает врага. А враг старается покачнуть башню при помощи подкопов. Но Эд льет на осаждающих масло, перемешенное с воском и горохом; масло льется на них огненным ручьем, пожирает, жжет и палит волосы на голове данов. Многие из них погибли, а другие ищут спасения в волнах реки» (Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. С. 503—504).

В обстановке перманентных войн и возросшего политического влияния знати была возрождена выборность королей. В 887 г. проявивший свою несостоятельность Карл Толстый был низложен поднявшими мятеж феодалами, а на его место собрание светской и церковной знати Западно-Франкского королевства избрало графа Парижского, который возглавлял героическую оборону города от датчан. Низложение императора Карла Толстого, при котором на короткий срок Франкское государство было вновь объединено, означало в сущности рождение двух самостоятельных государств — Франции и Германии.

Что же представляли собой столь досаждавшие Европе викинги-норманны? Что порождало их агрессивную активность в тот период — с конца VIII и до середины XI в., который нередко так и называется в исторической литературе «эпохой викингов»? В истории скандинавских стран — это время широкомасштабной внешней экспансии, военных экспедиций и заморских плаваний, сопровождавшихся разбоем, торговыми операциями или мирной колонизацией новых земель. В истории западноевропейских стран страшные бедствия, которыми оборачивались для них походы викингов — кровавые расправы над мирными жителями, жестокий плен и рабство, грабежи, поджоги, массовые угоны скота, были повторением опустошительных германских вторжений полутысячелетней давности.

Общественное устройство скандинавов в VIII—IX вв. в целом соответствовало существовавшему у древних германцев в эпоху завоеваний, с характерными пережитками родового уклада в виде семейных общин, с народными собраниями-тингами и выборными конунгами. До X в. скандинавы были язычниками, они приносили богам жертвы, в том числе и человеческие. Отличие норманнской экспансии от общей модели процесса, присущего данной стадии развития, состояло в том, что она осуществлялась не племенами, а отдельными группами воинов или переселенцев. Пионерами этого процесса стали шведы, основавшие первые свои колонии в Юго-Восточной Прибалтике в VII в. и даже ранее. Норвежские переселенцы обосновались на Шетландских, Оркнейских и Фарерских островах в конце VIII в. В это же время походы скандинавов становятся более активными, начинаются разбойничьи рейды, военные экспедиции викингов, как они сами себя называли, или норманнов, данов, варягов, как их называли соседи. Они грабят берега

Ирландии и Франции, Балтики и Италии, Испании и Северной Африки.

Ежегодные морские набеги датчан и норвежцев на раздробленную англосаксонскую Англию, на соседние острова, на побережье Ирландии и Уэльса начались с 793 г., когда они, появившись впервые у берегов Северо-Восточной Англии, разграбили один из островных монастырей Нортумбрии. Во второй половине IX в. северо-восточное побережье Англии начинает использоваться датчанами для заселения. Их владения в Северо-Восточной Англии впоследствии получили наименование «области датского права» — Денло.

Норвежские конунги приступили к завоеваниям в середине IX в. В 30—50-е годы IX в. они основали два королевства в Ирландии. В конце IX—X вв. норвежцами были колонизованы Исландия и Гренландия. Около 1003 г. сын первооткрывателя Гренландии Эйрика Рыжего — Лейв Эйриксон совершил первую высадку в Северной Америке.

Основной поток скандинавской экспансии составляли походы датчан, которые уже около 800 г. обрушилось на Каролингскую империю. Однако при жизни Карла Великого империя оказалась датским викингам не по зубам. Но их корабли заходили все дальше к югу, в Ла-Манш (820 г.), а затем в Бискайский залив и Средиземное море. Походы данов на каролингскую Францию не прерываются вплоть до основания Нормандского государства в 911 г. Нередко они нанимаются на службу к местным феодалам и принимают участие в их междоусобных войнах. Грабят они и Германию, поднимаясь по Рейну и Эльбе.

На рубеже IX—X вв. характер норманнской экспансии меняется. В результате походов IX в. в руках викингов скопились огромные богатства, которые в условиях дальнейшего раздела больших семей на индивидуальные хозяйства, способствовали ускорению процесса возвышения норманнской знати над массой свободных. В самом конце IX в. набеги викингов временно прекращаются, не в последнюю очередь из-за полученного ими отпора со стороны английского короля Альфреда Великого и германского императора Арнульфа, которые нанесли — каждый на своей территории — первые поражения датчанам. В середине X в. датские и норвежские владения в Британии пали одно за другим.

В начале X в. происходит событие, знаменующее окончание первого этапа экспансии викингов. В 911 г. датский вождь Ролло (Роллон) вынудил короля Карла Простоватого признать свои территориальные притязания. Нормандский поэт XII в. Роберт Вас в своем «Романе о Роллоне», описывая раннюю историю Нормандского герцогства, дает следующую версию: «...Роллон, — сказал Франко, архиепископ Руанский, — богу угодно возвеличить твою славу... Перемени свое поведение, дай другой исход своему мужеству, вступи в христианство и оказывай почтение королю. Учись жить в мире и укрощай свою ярость, не разрушай его королевства, чем ты ему причиняешь великую обиду. Он имеет прекрасную дочь... и хочет отдать ее тебе в замужество, и ты получишь в приданое всю приморскую страну от реки Эр до моря. Таким образом, ты будешь жить своими ежегодными доходами, без грабежа; будешь иметь много хороших крепких замков и прекрасных жилищ. Согласись на трехмесячное перемирие, не причиняя вреда, не ходи в это время грабить ни на кораблях, ни на лодках; тебе дадут хороших заложников для обеспечения договора. Неужели ты почтешь стыдом жениться на дочери короля?». Роллон выслушал эту речь, и она доставила ему большое удовольствие... Он согласился на перемирие; ему прочли договор, и обе стороны подтвердили его... Роллон стал вассалом короля и положил в его руки свои. Когда он должен был поцеловать ногу короля, то, не желая наклониться, опустил только руку, поднял ногу короля к своим губам и опрокинул Карла. Все засмеялись над этим, а Карл встал. Перед всеми он отдал свою дочь и Нормандию... Когда Роллон был крещен, он женился на дочери французского короля, что скрепило их мир... Роллон просил и уговаривал всех своих людей креститься и осыпал их почестями: некоторым дал деревни, замки и города, другим — поля, доходы, мельницы и луга, давал также леса, земли и большие земельные владения, смотря по службе и достоинству, по знаменитости и возрасту. Все утвердившиеся в Нормандии как владетели ленов были награждены по их желанию» (Хрестоматия по истории средних веков... Т. 1. С. 505).

Итак, Роллон стал герцогом и получил в феод от короля область, названную Нормандией, где его викинги, в свою очередь превратившиеся в его вассалов и подданных (их число в X в. постоянно увеличивалось за счет притока новы)? поселенцев из Дании и Норвегии), довольно быстро офранцузились. Они не очень-то остепенились, но активная феодализация направила их воинственный потенциал в новое русло — русло феодальной экспансии, к которой мы еще вернемся.

В конце X в. властители трех скандинавских королевств столкнулись между собой. Датский король Свейн Вилобородый выступил в союзе со шведским королем Олавом Скотконунгом против норвежского короля-викинга Олава Трюггвасона. В знаменитой морской битве при Сволде (на Балтике, 1000 г.) норвежец проиграл и погиб. Норвегия признала верховенство Свейна, а восточные ее области достались шведскому королю. Подробно об этом событии рассказано в знаменитой «Саге об Олаве, сыне Трюггви» (см. стр. 178—184).

На рубеже X—XI вв. походы скандинавов на Англию возобновились с удвоенной силой. После взятия Лондона Свейн перед самой своей смертью (1014 г.) стал правителем Англии. Его сын Кнут (ум. в 1035 г.) носил титул «короля всей Англии и Дании, и Норвегии, и части Швеции». Но после смерти Кнута его эфемерная держава (так называемая Североморская империя) распалась. Норвегия вновь стала независимой, один из ее королей, «последний викинг» Харальд Строгий вновь пытался завоевать Британию, но его армия была разбита и сам он пал в сражении при Стамфордбридже, близ Йорка, 25 сентября 1066 г., за три недели до нормандского завоевания Англии. Так закончилась эпоха викингов.

Конечно, норманны занимались не только разбоем, но и торговлей. Задолго до начала походов и позднее, они совершали торговые поездки за море. Скандинавские купцы появлялись в Англии и Ирландии, во Франции, Испании и Южной Италии, в Германии, на Руси и в Византии (в восточном направлении действовали главным образом выходцы из Швеции).

Походы викингов — это последний этап германских нашествий, вторая волна варварской экспансии в Европе. Подобно тому как первая волна — Великие переселения народов в IV—VI вв. — привела к созданию новых государств на Западе, вторая волна — нападения скандинавов в IX—XI вв. — в конечном итоге имела те же последствия: возникли викингские королевства в завоеванных странах и первые государства в самой Скандинавии.

В основе экспансии лежали процессы разложения родового строя, рост общественного неравенства и выделение воинственной знати, которая и возглавила походы. Кроме того, относительная перенаселенность, нехватка пригодной для обработки земли на родине побуждали искать ее за пределами страны. Для организации пиратских экспедиций нужны были не только люди, но и корабли, вооружение, съестные припасы, а при переселении — также скот и сельскохозяйственные орудия. «Что касается военной экспансии, нападений на другие страны, пиратства, наемничества, то руководящая роль здесь принадлежала знатным предводителям, хотя в их отряды охотно вступали сыновья бондов, рассчитывавшие на легкую добычу и приобщение к славе вождя. Такие вожди в случае успеха добивались большого авторитета и собирали в своих руках немалые богатства, которые использовались в первую очередь для рекрутирования более обширных дружин, ибо верную службу воинов можно было обеспечить, только щедро раздавая им драгоценные металлы, кольца, запястья, оружие, пышные одежды и другие редкие предметы, каких они не могли приобрести у себя на родине. Война, грабеж, торговля давали богатство, но это богатство приобретало социальную ценность постольку, поскольку могло быть использовано, как средство повышения общественного престижа» (История Норвегии. М., 1980. С. 112—113).

Потребность в новых землях и источниках существования, жажда добычи, торговля, неизбежно в ту эпоху сопровождавшаяся пиратством, расцвет судостроительной техники и мореходства — вот основные предпосылки экспансии викингов. Небывалое для того периода развитие кораблестроения и мореходства у скандинавов позволило викингам избороздить на своих кораблях все омывающие Европу моря и выходить в океанские просторы. Викингский корабль, в отличие от

своих предшественников, имел не только весла, но и руль и мачту с парусом; устойчивость ему придавал киль; борта его были сшиты из узких и гибких дубовых планок, связанных со шпангоутами, такие корабли не страшились ударов океанских волн, отличались значительной быстроходностью, могли пристать практически к любому берегу, глубоко заходить в устья рек и почти совсем не зависели от течений и ветров. Корабли, найденные в курганах Юго-Восточной Норвегии (они датируются концом IX — началом X в.), имели длину 20—23 м при ширине 4—5 м и управлялись 11—16 парами весел. Но у викингов существовали и более крупные суда, обладавшие значительной грузоподъемностью. (В конце X — начале XI в. иногда строили корабли с 30 и более парами весел). Наличие таких кораблей закрепляло за скандинавами, прежде всего именно за норвежцами, безраздельное морское превосходство. (Только английский король Альфред сумел построить флот, способный соперничать с флотом скандинавов, совершавших в конце IX в. непрерывные нападения на берега Англии.) И лишь наличие подобных кораблей сделало для них возможным развернуть в широких масштабах наступление на страны Запада, гарантируя внезапность нападения и большую мобильность боевых отрядов. Жители стран, которые подвергались атакам, в панике бежали от викингов. Нередко казалось, что нападают целые полчища их, хотя на самом деле отряды викингов, особенно в первый период их походов, были численно невелики: викинги достигали успеха именно в силу высокой подвижности их судов и беспримерной дерзости, с какой они совершали свои набеги (История Норвегии... С. 114—115).

Особенности системы представлений и ценностей, которые определяли своеобразие поведения викингов, прежде всего в ситуациях, требующих наивысшего напряжения физических и духовных сил, и во многом способствовали их военным успехам, раскрываются, в частности, А. Я. Гуревичем (см. стр. 184—188).

В самом конце IX в. к набегам викингов добавилась агрессия мадьяров, или венгров с Востока. Они впервые появились у границ германских герцогств в 862 г., но не представляли тогда серьезной угрозы. В самом конце IX в. ситуация резко изменилась. В 899 г. венгры вторглись во фриуль и Венецианскую область. Однако их главный удар пришелся на Саксонию. В 919 г. после опустошительного вторжения был заключен договор, согласно которому венгры обещали перемирие на девять лет при условии выдачи их плененного вождя и уплаты ежегодной дани. Этот срок был использован саксонским герцогом и германским королем Генрихом I Птицеловом для строительства укрепленных пунктов вдоль границ Саксонии и Тюрингии и организации войска. Когда венгры, получив в 933 г. отказ в уплате дани, вторглись в Саксонию и Тюрингию, они были разбиты конницей Генриха и саксонским пешим ополчением при поддержке баваров и других племен. Между тем, еще ранее венгры осуществляют целую серию набегов на другие германские герцогства, а также на Италию и Западно-Франкское королевство, захватывая добычу, угоняя пленных, разрушая монастыри и села. «Из глубины Азии снова вторглись в Европу полчища жестоких и воинственных конников, обликом напоминавших гуннов и аваров, — венгры. Чтобы дать представление об их внешнем виде и наводивших страх деяниях, европейским летописцам пришлось воспользоваться литературными штампами, описывавшими гуннов и аваров. Но дело не ограничилось только внешним сходством. Общие места в этих описаниях не должны ввести нас в заблуждение насчет тех действительных чувств, которые испытывали европейцы: отчаяние, бессилие, безграничный страх перед лицом врага, регулярно повторявшего свои набеги, которые повергали в стенания немало европейских народов...

...Набеги венгров на Западную Европу становятся регулярными: 900 г. — Бавария; 901 г. — Италия и Каринтия; 904 г. — снова Италия; 907—911 гг. непрерывно — Саксония, Бавария, Тюрингия, Швабия; следом за ними — Германия, Эльзас и Лотарингия; 920—924 гг. — снова Италия, когда они доходят до Апулии и сжигают Павию; 924—927 гг. — разрушительные набеги в Бургундию, Прованс, Баварию и Италию; в 935 г. — снова в Бурнугдию, Аквитанию и Италию.

Раздоры, с новой силой вспыхнувшие среди германских феодалов в связи с восшествием на трон Оттона I, привели к тому, что венгры предприняли новое,

гораздо более широкое по масштабам и ужасное вторжение. Предательство Арнульфа Баварского, из ненависти к Оттону пропустившего их орды, показало, что венгры не ошиблись в своих расчетах. Оказавшись в Германии, они перешли Рейн и вторглись в пределы Западной Франции, где из-за междоусобиц местных правителей им не было оказано никакого сопротивления. Затем венгры пересекли Бургундское королевство и осенью 937 г. вступили в Италию. За этим последовали другие набеги: 938 г. — Саксония; 942—943 и 947 гг. — Италия; 950—951 гг. — Италия, Бургундия, Аквитания; 954 г. — Бавария, Франкония, Лотарингия. Наконец в 955 г. они были остановлены на реке Лех. Из анналов западной истории венгры исчезли столь же стремительно, как и появились, оставив за собой пепелища пожарищ и отпечатки подков своих коней. Они осели в Паннонии, которая и стала их новой родиной, получившей по имени этих своих обитателей наименование Венгрия. Они продолжали заниматься коневодством, постепенно становились земледельцами и виноградарями...

...Несмотря на то, что в западных источниках венгры представлены варварами, они, как и их дальние родственники гунны, явившиеся в Европу несколькими столетиями раньше, и монголы, пришедшие сюда несколькими столетиями позже, были очень дисциплинированными воинами. Их сокрушительный натиск, леденившие кровь воинственные вопли, гул и гром их барабанов и бубнов отчасти служили магическим целям (вспомним шаманский воинственный транс), отчасти же являлись реализацией «психологической войны» как техническое ухищрение, рассчитанное на то, чтобы взять врага «на испуг». Лошади христианских воинов, тяжеловесные и неповоротливые, не обладали такими же скоростными данными и выносливостью, как низкорослые закаленные лошади венгров, кроме того, из-за своей неуклюжести они мало подходили для проведения операций преследования или маневренного отступления, по своим физическим данным не годились они и для устройства засад.

Град стрел, который венгры обычно обрушивали на врага, наносил больше вреда животным, чем самим воинам. Однако, падая, лошадь увлекала за собой и всадника, а иногда и оказавшихся поблизости от него соратников. Гибель лошади означала потерю всех вложенных в ее приобретение средств. Единственно возможный способ защиты воина, чье тяжелое вооружение превращало его в легкую мишень, состоял в том, чтобы заключить себя в еще более прочные латы, снабдив также ими и своего боевого коня. В результате расходы все больше возрастали, а подвижность всадника уменьшалась. При этом следует также помнить, что христианские конники в отличие от венгров вели бой в рассредоточенных порядках. В атаку они шли цепью, и, как правило, довольно нестройной. В скором времени цепь распадалась, а рассыпавшиеся на поле боя воины становились удобной мишенью для врага, применявшего массированный удар силами лучников с применением резерва конных воинов.

Перед лицом подобной опасности в конечном итоге надежней всего было запереться в крепости и переждать, пока схлынет неприятельская волна. Правда, за подобную тактику приходилось расплачиваться невосполнимыми потерями урожая, а значит, ценой голода. Весьма остроумно замечание, что в Италии вынужденное пребывание населения за крепостными стенами, поддержание которых в должном порядке стало жизненной необходимостью, способствовало возрождению городов. Благодаря новым исследованиям можно утверждать, что строительство замков и крепостей на территории Франции в X в. и создание «военных поселений» было одним из факторов, способствовавших возникновению средневекового рыцарства. По крайней мере создание укрепленных центров, способных предоставить убежище и средства для организации сопротивления захватчикам, сдерживало набеги венгров и прилив новой варварской волны» IX—X вв. и было связано с Ростом престижа воина в западном мире... *(Кардини Франко.* средневекового рыцарства. М., 1987. С. 314—317).

1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

САГА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

XCШ...Олав конунг созвал тинг в городе. Он объявил всему народу, что будет набирать летом войско для похода за пределы страны и потребует поставки кораблей и людей из каждого фюлька, и он сказал, сколько кораблей должны будут поставить фюльки Фьорда. Он посылает гонцов на север и на юг страны, по морю и по суше и велит собирать войско.

Затем Олав конунг велит спустить на воду Великого Змея, а также все другие суда, большие и малые. Он сам правил Великим Змеем. И когда набирали людей на корабли, то отбор был очень тщательным: ни один человек на Великом Змее не должен был быть старше шестидесяти и младше двадцати лет, и они тщательно отбирались по силе и храбрости. Первыми были набраны люди в дружину Олава конунга. В нее брались как изнутри страны, так и из других стран самые сильные и самые храбрые.

XCIV. Ульвом Рыжим звали знаменосца Олава конунга. Он был на самом носу Змея... Много других очень знаменитых мужей было на Змее, хотя мы не можем их перечислить. Восемь человек было на каждой полускамье в Змее, и все это были отборные мужи. Тридцать человек было на корме корабля.

Все говорили, что люди на Змее так же превосходили красотой, силой и храбростью других людей, как Змей превосходил другие корабли. Торкель Невья, брат конунга, правил Малым Змеем. Торкель Дюрдиль и Йостейн, дядья конунга, правили Журавлем. На обоих этих кораблях люди были как на подбор. У Олава конунга было из Трандхейма одиннадцать больших кораблей и, кроме того, корабли с двадцатью скамьями для гребцов и более мелкие суда—

CI. Свейн конунг датчан и Олав конунг шведов и Эйрик ярл были там теперь со всей их ратью. Погода была хорошая, и светило солнце. Все трое правителей взошли на остров со своими дружинами и смотрели, как великое множество кораблей выплывает в море. И вот они видят, как выплывает большой и великолепный корабль. Тут оба конунга сказали:

— Вот большой и очень красивый корабль. Наверно, это Великий Змей.

Но Эйрик ярл отвечает и говорит:

— Нет, это не Великий Змей.

И было так, как он сказал. Это был корабль Индриди из Гимсара. Немного спустя они увидели, как выплывает другой корабль, много больший, чем предыдущий. Тут Свейн конунг сказал:

— Трусит Олав сын Трюггви: не смеет плыть с драконьей головой на носу корабля! Но Эйрик ярл говорит:

— Нет, это не корабль конунга. Я знаю этот корабль и парус, потому что парус этот полосатый. Это Эрлинг сын Скьяльга. Пусть плывет мимо. Но для нас было бы лучше не видеть такого красивого корабля у Олава конунга.

Еще через некоторое время они увидели и узнали корабли Сигвальди ярла, которые повернули к острову. Потом они увидели, как плывут три корабля и один из них особенно большой. Свейн конунг и сказал, что пора идти к кораблям, так как это плывет Великий Змей. Но Эйрик ярл говорил:

— У них много других больших и великолепных кораблей, кроме Великого Змея. Подождем еще. Тогда очень многие стали говорить так:

— Эйрик ярл не хочет сражаться и отметить за своего отца. Это — позор, о котором будут говорить во всех странах: мы стоим здесь с такой большой ратью, в то время как Олав конунг перед нашими глазами уплывает в открытое море.

Некоторое время шли такие разговоры, и тут они , как выплывают четыре корабля, и один из них — большой и с позолоченной драконьей головой. Тут стал Свейн конунг и сказал:

-- Высоко будет нести меня сегодня вечером Змей! Я буду им править!

И многие стали говорить, что Змей удивительно большой и красивый корабль, и слава тому, кто велел построить такой корабль. Тогда Эйрик ярл сказал так, что кое-кто услышал:

— Даже если бы у Олава конунга не было ни одного корабля, кроме этого, то Свейн конунг никогда бы не захватил его с одним датским войском.

Люди пошли к кораблям и разобрали шатры. Но когда три правителя разговаривали между собой, как было только что рассказано, они увидели, как выплывают еще три очень больших корабля и за ними — четвертый, и это был Великий Змей. А те большие корабли, которые выплыли раньше и которых они приняли за Змея, так первый и них был Журавль, а второй — Малый Змей. И когда он увидели Великого Змея, все узнали его и никто не выразил сомнения в том, что на нем плывет Олав сын Трюггви. И все пошли к кораблям и приготовились к бою.

Три правителя — Свейн конунг, Олав конунг и Эйрик ярл — заключили между собой соглашение, что каждый из них получит треть Норвегии, если они сразят конунга Олава сына Трюггви, и тому из них, кто первый взойдет на Змея, достанется вся добыча, которую он сам захватит, и каждому из них достанутся те корабли, которые он сам очистит от людей.

У Эйрика ярла был удивительно большой боевой корабль, на котором он обычно ходил в викингские походы. Нос и корма у него были обиты толстыми железными листами, доходящими до воды.

CII...Когда конунг подошел к острову, то вся вражеская рать выплыла на веслах в пролив. Увидев это, люди конунга стали просить его плыть дальше своим путем и не вступать в бой с такой огромной ратью. Конунг громко крикнул, стоя высоко на корме корабля:

— Уберите паруса, не должны мои люди думать *о* бегстве! Я никогда не бежал из битвы. Пусть бог распорядится моей жизнью, но я никогда не обращусь в бегство...

CIII. Олав конунг велел трубить сбор всем своим кораблям. Корабль конунга стоял в середине. С одной стороны стоял Малый Змей, с другой — Журавль. Когда стали связывать носы кораблей, то связали и носы Великого Змея и Малого Змея. Увидев это, конунг громко крикнул, приказывая продвинуть вперед его большой корабль, чтобы он не оказался среди всех других кораблей. Тогда Ульв рыжий отвечает:

— Если Змей будет настолько дальше выдвинут вперед, насколько он длиннее других кораблей, то здорово будет доставаться тем, кто стоит на его носу!

Конунг говорит:

— Не знал я, что тот, кто стоит на носу моего корабля, не только рыж, но и труслив. Ульв говорит:

— Попробуй-ка защити так спиной корму, как я буду защищать нос!

Конунг схватил лук, положил на него стрелу и стал целить в Ульва. Ульв сказал:

— В другую сторону стреляй, конунг, туда, куда нужнее. Ведь для тебя делаю я то, что делаю.

CIV. Олав конунг стоял высоко на корме Змея. Он возвышался над всеми. У него был позолоченный щит и обитый золотом шлем. Его было легко отличить от других людей. Поверх кольчуги у него был короткий красный плащ.

Когда Олав конунг увидел, как стали строиться вражеские корабли и как стали поднимать знамена перед предводителями, он спросил:

— Кто предводитель на кораблях, которые прямо против нас?

Ему отвечают, что там конунг Свейн Вилобородый с войском датчан.

Конунг говорит:

— Этих трусов мы не боимся. Нет духа у датчан. А кто предводитель там за теми знаменами дальше направо?

Ему отвечают, что там Олав конунг с войском шведов. Олав сын Трюггви говорит:

-- Лучше было бы шведам оставаться дома и лизать свои языческие жертвенные чаши, чем идти против Змея подставлять себя под наше оружие. А чьи эти большие корабли, что стоят слева от датчан?

— Там, — отвечают ему, — ярл Эйрик сын Хакона. Тогда Олав конунг говорит:

— У него есть причина сражаться с нами. С этим войском битва будет жестокой. Они — норвежцы, как и мы.

CV. И вот конунги велят начинать бой. Свейн конунг поставил свой корабль против Великого Змея. Дальше в сторону моря поставил свои корабли Олав Шведский, и они двинулись на крайний корабль конунга Олава сына Трюггви. А с

другой стороны поставил свои корабли Эйрик ярл...

CVI. Битва была очень ожесточенной и кровопролитной. Те, кто стояли на носу Великого Змея, Малого Змея и Журавля, бросили якоря и абордажные крюки на корабли Свейна конунга и разили людей на этих кораблях сверху. Они очистили от людей все те корабли, которые они могли удержать крюками, и Свейн конунг с теми его людьми, которые уцелели, бежал на другие корабли, и после этого они держались вне досягаемости метательного оружия. Так оправдалось то, что конунг Олав сын Трюггви сказал об этом войске.

Тогда Олав конунг шведов подошел на их место. Но когда шведы приблизились к большим кораблям, с ними произошло то же самое: они потеряли много народу и несколько кораблей и вынуждены были отступить.

Между тем Эйрик ярл поставил свой корабль борт о борт с крайним кораблем Олава конунга и очистил его от людей. Затем он перерубил канаты, связывавшие этот корабль с другими, подошел к следующему кораблю и бился до тех пор, пока и этот корабль не был очищен от людей. Тут люди Олава конунга стали бежать с малых кораблей на большие, а ярл рубил канаты, связывавшие корабли, по мере того как он очищал их от людей. Датчане и шведы тем временем со всех сторон настолько приблизились к кораблям Олава конунга, что могли пустить в ход метательное оружие. А Эйрик ярл все время становился борт о борт с кораблями и завязывал рукопашный бой, и по мере того как люди на его кораблях гибли, их заменяли другие — датчане и шведы... Битва была очень ожесточенной, и много народу гибло, и в конце концов все корабли Олава конунга были очищены от людей, кроме Великого Змея. На него перешли все те из людей Олава конунга, кто еще мог сражаться. Тут Эйрик ярл поставил свой корабль борт о борт со Змеем, и разгорелся рукопашный бой...

CVII. Эйрик ярл стоял на корме своего корабля, и вокруг него стояли его люди, сомкнув щиты. В битве рубили мечами, разили копьями и пустили в ход все оружие, какое только было. Одни стреляли из лука, другие бросали руками. Натиск на Змея был настолько силен, что люди на нем едва могли оборонить себя щитами. Копья и стрелы так густо летели в Змея потому, что вражеские корабли со всех сторон окружили его. Люди Олава конунга в исступлении вскакивали на борт корабля, чтобы оттуда разить врагов ударами меча. Но многие из врагов не приближались настолько к Змею, чтобы можно было завязать рукопашный бой. А многие из людей Олава шагали за борт, не замечая, что они сражаются не на гладком поле, и шли ко дну со своим оружием...

CIX. Конунг Олав сын Трюггви стоял высоко на корме Змея в тот день и то стрелял из лука, то метал копья, и всегда два сразу. Он смотрел вперед и видел, как люди на его корабле рубят с размаха мечами, но он видел также, что мечи плохо режут, и громко крикнул:

— Что же вы так вяло рубите? Я вижу, что мечи ваши не режут! Кто-то отвечает:

— Мечи наши притупились и очень зазубрились.

Тогда конунг спустился с кормы, открыл рундук под почетным сиденьем, вынул оттуда много острых мечей и раздал людям. И когда он опускал вниз правую руку, то люди видели, что кровь текла у него из рукава кольчуги. Но никто не знает, куда он был ранен.

CX. Всего больше защищались и всего больше разили врагов те, кто стоял на корме и на носу Змея. И там и там люди были как на подбор и всего выше борт.

И вот, так как посередине корабля погибло всего больше народа и у мачты уже мало кто стоял на ногах, Эйрик ярл пошел на приступ и взошел на Змей.., люди ярла стали всходить на корабль по всему борту. И все те, кто еще мог защищать Змей, пошли на корму корабля, где находился конунг...

CXI. Кольбьерн Окольничий поднялся туда, где стоял конунг. У него была такая же одежда и такое же оружие, как у конунга. Кольбьерн был очень статен и красив. Снова завязалась ожесточеннейшая схватка на корме. Но так как на Змей взошло столько людей из войска ярла, сколько вмещал корабль, и корабли ярла со всех сторон окружили Змей, и слишком мало оставалось народу, чтобы защищаться от такой огромной рати, то, как ни могучи и храбры были люди конунга, большинство

из них вскоре погибло. И тогда они оба — сам Олав конунг и Кольбьерн — прыгнули в море, один — с одного борта, а другой — с другого. А люди ярла поставили мелкие суда вокруг Змея и с них убивали тех, кто прыгал в море. Когда же сам конунг прыгнул в море, они хотели схватить его и доставить Эйрику ярлу. Но Олав конунг, прыгая, поднял щит над собой и потонул в пучине. А Кольбьерн, прыгая, опустил щит, чтобы защититься от копий, которые летели с более низких судов, и упал в море так, что щит оказался под ним. Поэтому он не потонул так быстро и был схвачен. Его втащили на лодку и думали, что это конунг. Его доставили ярлу, но когда ярл увидел, что это Кольбьерн, а не Олав конунг, он подарил Кольбьерну жизнь. В это время все люди Олава конунга, которые еще были в живых, стали прыгать за борт со Змея... Торкель Невья, брат конунга, из всех этих людей прыгнул за борт последним...

Снорри Стурлусон. **Круг земной**.

М., 1980. С. 155—165.

2.

СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА

Боялся ли древний скандинав смерти? Смерть — тот момент, когда с наибольшей полнотой раскрывается судьба человека и обнаруживается подлинная его ценность. Смерть — последнее и величайшее испытание, и нужно выдержать его, не уронив своего достоинства. Поведению человека перед лицом смерти, его словам и поступкам в сагах уделено исключительное внимание. Чем обусловлен этот неотступный, пристальный интерес?

Может показаться, что скандинавы не боялись смерти, пренебрегали ею и даже презирали ее. Герои саг и в самом деле ведут себя в смертный час с редкостной выдержкой и самообладанием и говорят о грозящей им гибели с крайней сдержанностью и без всякой патетики...

...Отношение к смерти в этом обществе, скорее всего, объяснялось отсутствием сознания полной обособленности и изолированности индивида, его неспособностью мыслить себя атомарно. Род воплощался в каждом из его представителей. Человек был частью родственной группы, принадлежал к более обширному организму, чем он сам, и в этом смысле продолжал существовать и после своей смерти.

Нам трудно, опираясь на высказывания саг, согласиться с точкой зрения, что скандинавы не страшились смерти. О страхе смерти саги, как правило, и в самом деле не говорят. Но что этим доказывается? Скандинав не должен бояться смерти, от него ожидают, что перед лицом ее он проявит хладнокровие и бесстрашие... Однако история крещения норвежцев свидетельствует о том, что страх смерти оказывался эффективным средством обращения в новую веру, только под угрозой кровавой расправы бонды соглашались отречься от веры и обрядов своих отцов.

В «Хеймскрингле» можно найти свидетельства и того, что в минуты смертельной опасности люди впадали в панику. Ярл Хакон, могущественный и смелый человек, вряд ли поступил очень мужественно, прячась от бондов в яме в свинарнике вместе с рабом. Он и не скрывал своего страха:

— Главное — спасти жизнь!

Человек страшится смерти, этот страх заложен в его природе. Человек не может избавиться от сознания конечного характера своей жизни. Страшился смерти и Древний скандинав. «Лучше живым быть, чем мертвым», — гласили «Речи Высокого»; перед лицом смерти исчезают различия .между богатством и бедностью, даже хромой, безрукий, глухой или слепой еще могут быть на что-то полезны, но «что толку от трупа!». Трудно эти слова эддической песни истолковать как, презрение смерти. Конечно, они не воплощали героического идеала, но, повторяем, идеал этот состоял не в пренебрежении угрозой гибели, а в том, что страх смерти должен быть побежден. Дело не в том, страшится ли человек смерти, неизбежно его поджидающей, а в том, какие средства предлагает ему культура для того, чтобы преодолеть этот животный страх.

Разгадка отношения к смерти людей, о которых прежде всего повествуют королевские саги, содержится в знаменитых словах той же песни «Старшей Эдды»:

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.

...В эпоху, когда человеческая индивидуальность не была сконцентрирована на самой себе, она, естественно, искала оценку своей собственной сути и своего поведения прежде всего в окружающей среде, в суждении других людей. Давление общественного мнения на индивида было колоссальным, оно-то, собственно, и определяло в первую очередь его поступки.

Следовательно, главное — мнение, приговор людей об умершем, и об этой посмертной репутации, славе нужно заботиться больше, чем о сохранении жизни.

Суждение людей о человеке — единственное, что останется навсегда. И так как перед угрозой смерти с наибольшей силой и полнотой могут проявиться его мужество, бесстрашие и стойкость, то он преодолевает страх и ведет себя так, как об этом повествуется в сагах.

Понятия «честь», «достоинство» занимают в сознании скандинавов и соответственно в сагах столь же важное место, как и понятия «судьба» и «удача». Эти понятия тесно между собой связаны, так как именно в ситуациях, в которых обнаруживается человеческая судьба, более всего требуется вести себя с достоинством и отстаивать свою честь. Тот, кто способен утвердить собственное достоинство в глазах общества, побеждает смерть, и слава о нем сохранится в памяти людей...

В битве между викингами из Йомсборга и норвежцами один из предводителей викингов, Буи Толстый, получил смертельную рану в голову. Разрубив одним ударом меча своего противника пополам, Буи схватил два своих сундука, полных золота, и с возгласом:

— За борт, все люди Буи! — прыгнул в море. Многие из его людей последовали за своим вождем, предпочтя смерть храбрецов плену.

Потерпев поражение, многие из йомсвикингов попали в руки противников. Пленников связали и усадили на большое бревно. Палач с секирой шел вдоль бревна и отрубал головы сидящим. Один юноша с прекрасными длинными волосами сказал ему, когда подошел его черед:

— Не замарай кровью мои волосы.

Ловким движением ему удалось избежать удара секиры, который пришелся по рукам того, кто держал его за волосы. Тогда ярл Эйрик, присутствовавший при казни, осведомился, кто этот юноша.

— Они зовут меня Сигурдом, — отвечал тот, — и мне сказали, что я сын Буи. Еще не все йомсвикинги мертвы.

Ярл предложил Сигурду сохранить жизнь, но юноша ответил:

— Это зависит от того, кто предлагает.

— Предлагает тот, — сказал ярл, — кто имеет власть предлагать: ярл Эйрик.

— Тогда я принимаю предложение, — ответил Сигурд.

Бесстрашие сына Буи внушает уважение его врагу красота же физическая считалась проявлением благородства внутреннего), и тот дарует ему жизнь. Но не от всякого готов принять пощаду мужественный человек, ибо не так дорога жизнь, как важны условия, на которых ему удалось ее сохранить, — они должны быть почетными. Другой викинг, которому ярл также предложил пощаду, отвечал:

— Я согласен, если мы все ее получим.

И всех оставшихся в живых помиловали. Чувство товарищества ценится выше, чем сохранение жизни ценою отказа от него и, следовательно, ценою утраты чести...

...Умереть нужно красиво, так, чтобы потомство помнило и восхищалось, — только в этом бессмертие. Легендарный шведский конунг Хаки получил в битве смертельные раны и знал, что «дни его жизни недолги». Тогда он повелел, чтобы один из кораблей, на который погрузили убитых и оружие, спустили на воду с распущенными парусами и развели на борту погребальный костер. Ветер погнал корабль прочь от берега. Когда Хаки положили на погребальный костер, он был мертв или близок к смерти. «И это долго впоследствии прославляли»...

...Слова, сказанные человеком перед смертью, запоминаются, в них как бы резюмируется его сущность. Смертельно раненный Тормод, скальд конунга Олафа Святого, отвечает импровизированными стихами на вопрос о его самочувствии. Вытащив из груди наконечник копья и увидев на нем волокна собственного сердца, он произносит:

— Хорошо кормил нас конунг. Я жирен до самых корней моего сердца.

С этими словами он умер.

Сохранение присутствия духа в свой последний час — вот высшая доблесть в

глазах этих людей.

Подобно этому исландец Екуль, получив смертельную рану в голову, сочинил стих, в котором описывает, как льется у него кровь из головы, но мужество его не оставляет. «Затем Екуль умер». Конунг Магнус Босоногий, сломав дротик, пронзивший ему обе ноги, восклицает, обращаясь к дружине:

— Так мы ломаем любой костыль, ребята!

Очевидно, в представлении скандинавов смерть наступает тогда, когда дело жизни свершено, — нити жизни обрезают не люди, а норны, определяющие судьбу человека. Потому-то смерть и есть итог, и в ней в наибольшей мере раскрываются человек и его судьба.

Гуревич А. Я. **История и сага**. М, 1972. С. 63—72.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972. *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 1966. *Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага. М., 1979. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. История Норвегии. М., 1980. История Франции. Т. 1. М., 1972.

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Mussel L. Les invasions: le second assaut centre 1'Europe tiretienne (Vile—Xle siecles). P., 1965.

Sawyer P.H. The Age of the Vikings. L, 1962.

Sawyer P.H. Kings and Vikings. Scandinavia and Europe, A.D. '700—1100. L, 1982.

Simpson, Jacqueline. The Viking World. L., 1980.

РАЗДЕЛ III

РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Идейные и организационные основы средневекового западного христианства были заложены еще в позднеантичную эпоху. Их главные принципы были обобощены и сформулированы отцом церкви Аврелием Августином (354— 430 гг.). Им была создана концепция церкви как иерархической организации, подчиненной строгой дисциплине и имеющей исключительные права на посредничество между богом и людьми. «Суровое, мало гуманное августиновское христианство признавало благим и справедливым существующий строй как кару божью за грехи, как порядок, проникнутый «добрым духом» покорности в отношении господ... Предопределение (предистинация) было одним из самых дорогих тезисов развитого жестокого августинианства, заковывающего судьбы большинства человеческого мира в предопределение ко злу, греху и каре и лишь меньшинство — в предопределение к благу, добру и поэтому к «награде»... Противоположной фигурой в августиновской традиции был почти в те *же* годы британский монах Пелагий. Между ним и столпом католической церкви завязался захвативший широкий круг поединок. Вера Пелагия в здоровую целостность человеческой природы и во всемогущество свободной воли — не таилась ли она в чувстве молодой полуварварской общественности, с доверием пробивавшей себе путь под солнцем? Во всяком случае, иные выражения Пелагия, заставляя думать, что британский монах как бы не видел для спасения нужды в помощи бога, взволновали церковь... В дни суда над Пелагием восемнадцать епископов Италии и Сицилии отказались от своих престолов, чтобы не подписываться под формулой папы Зосима, осуждавшей Пелагия... В Британии Пелагий насчитывал массу приверженцев. В числе его последователей был и «отец западного пустынножительства» Иоанн Кассиан, который считал, что инициатива добра принадлежит человеку, хотя поддержку дает ему бог...» *(Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 157—160).

Красноречие многих талантливых церковных авторов служило утешению тех, кто приходил в отчаяние от бедствий своего времени, от царящих в обществе хаоса и насилия. Сальвиан писал в своем сочинении «О правлении божьем», советуя примириться с новым порядком вещей и укрепиться в вере: «Если христиане жалуются, так как думают, будто поклоняясь богу, они должны бы получить от него специальную защиту, они тем показывают цену своей веры. Они прикрываются ею как притязанием на исключительные привилегии. Напротив: если бы бог не карал всю массу оскорблений, нарушений его закона, то именно и следовало бы усомниться в реальности его вмешательства в мир» (Там же. *С.* 162—163).

Ереси Позднего Рима и раннего Средневековья носили преимущественно богословский характер. Самые знаменитые из них возникли вокруг вопроса о значении лиц святой Троицы. В каком отношении стоят друг к другу бог-отец, бог-сын и бог-дух святой? Больше всего волнений в церкви вызвали выступления александрийского священника Ария (ум. в 336 г.), заявившего, что не все лица троицы равны: бог-сын не тождествен («не единосущен») божественностью отцу. Он не вечен, не существовал до рождения и не «равен», но лишь подобен отцу. Когда началось обращение в христианство варварских племен, расселявшихся на территории Римской империи, некоторые из них приняли арианство, с которым римская церковь и ее епископы вели непримиримую борьбу, пытаясь диктовать свою волю Правителям варварских королевств. Так, например, некоторые епископы в Бургундском и Вестготском королевствах активно действовали против королей-ариан, поощряя вместе с папой и другими епископами Галлии завоевательную политику принявшего католичество короля франков Хлодвига. Война Хлодвига с вестготами носила в глазах католической церкви религиозный характер и во многих городах вестготского королевства именно католики открывали Хлодвигу ворота. В

итоге длительных военных и дипломатических усилий в лоно католической церкви вошли заблудшие ариане — вестготы и лангобарды, были обращены в христианство англы и саксы.

Наиболее дальновидные деятели церкви, учитывая психологические моменты и стремясь смягчить переход от старой религии к новой, находили целесообразным считаться с глубоко укорененными языческими традициями. В одном из своих посланий папа Григорий Великий рекомендовал духовенству Англии выполнять свою миссию по крещению англосаксов с большой осторожностью, не пытаясь покончить с язычеством одним ударом. Он советовал, в частности, не уничтожать старые святилища, а лишь окропить их святой водой и разместить в них христианские алтари и мощи святых. В дни святых позволялось собираться на религиозные пиршества, не принося животных в жертву демонам, а убивая их для собственного пропитания.

Папа Григорий Великий (590—604 гг.) сыграл выдающуюся роль не только в процессе христианизации Европы, но и в укреплении политического и морального авторитета римской церкви. Григорий считал долгом всех христиан покаяние и духовное очищение в предчувствии приближения конца света и Страшного суда. В качестве образца для подражания он в своих пастырских наставлениях предлагал св. Бенедикта с его монашеским отречением от мира. Вот как оценивала его деятельность замечательный историк петербургской школы О.А.Добиаш-Рождественская: «...Знатный член семьи Аницией, после служения Вечному городу в должности префекта он в дни голода и грозной чумы в Риме избран клиром и миром в папы в 590 г., приняв имя Григория I, чтобы стать самым сильным и своеобразным деятелем среди первых пап Вечного города. Энергичный управитель «вотчины св. Петра», в которую в то время входили земли Средней и Южной Италии, Сицилии, Сардинии, Далмации, Галлии и Северной Африки, он направил деловитую свою хозяйственность на приведение в порядок, на извлечение колоссальных доходов из огромного патримония, которым он управлял исключительно с помощью клириков. Суровая, построенная на строжайшей дисциплине организация патримония была в его руках основой организации церкви, широкой благотворительности и укрепления папского, почти государственного, безграничного авторитета. Постоянные воинственно-политические агрессии лангобардов вынудили и главу Рима и патримония принять на себя известную политическую роль, осторожно проводя корабль своей политики между притязаниями Византийской империи и ее представителя в Италии, равеннского экзарха, и предприятиями лангобардских герцогов и королей. На обращение близких и далеких национальностей Григорий полагал особенно живую энергию, на удержание прежде всего под властью и влиянием Рима латинских церквей в соперничестве с греческой иерархией... Особенно успешной была миссия посланного Григорием епископа Августина Кентерберийского с его знаменитой, начертанной ему Григорием «программой компромисса», рекомендовавшей искусно и тактично приспособляться в проповеди христианства и насаждении нового обряда к старому языческому обычаю, смыкая новые святилища.., праздники, героев и обычаи со святилищами, праздниками и т.п. народной языческой старины... Верный слуга римской церковной идеи, поклонник бенедиктинского ордена папа Григорий, хотя лично имел славу «учености», при каждом удобном случае высказывался против «мирской науки». Его сочинения, определившие догматику средних веков, говорят о глубоком падении богословской мысли, о дальнейшем огрубении августинства, о смешении с ним самых наивных представителей народной вульгарной религии...» *(Добиаш-Рождественская О. А.* Культура... С. 174—175). Между тем это «падение богословской мысли», т.е. приближение ее к уровню народного сознания того времени, было необходимым условием и неизбежным результатом христианской экспансии.

Огромную роль в процессе христианизации играла государственная власть, добивавшаяся искоренения язычества и насаждения христианства насильственными средствами. Впечатляющая панорама этого процесса возникает под пером итальянского историка Франко Кардини:

«Если с той только целью варвары были впущены в пределы Рима, чтобы церкви

Христовы наполнились гуннами и свевами, вандалами и бургундами, разными народами и несчетным числом верующих, то уже одного этого достаточно, чтобы восславить милосердие господне, ибо столь многочисленные народы сподобились познания истины, которая в противном случае осталась бы им недоступной», — так оправдывал Павел Орозий постепенное растворение в «варварстве» истории Римской империи... Итак, церкви наполнились варварами. Однако наряду с этой радостной констатацией прозвучали и тревожные вопросы. Что ищут варвары в церковных пределах? Что доступно им из христианской проповеди?

Отношения римской церкви с варварами упираются в вопрос об эгзегетике (толковании священных текстов). История миссионерства показывает, до какой степени проповедь и крещение, следовательно, миссия и обращение, евангелизация и христианизация неразрывно связаны между собой. Крещение по сути своей должно было явиться заключительным актом обращения в новую веру. Исторически же оно чаще всего предшествовало, если не сказать — подменяло собой процесс обращения. И никакого связанного с фактом обращения глубокого, личностного и радикального духовного переворота в данном случае не происходило.

В душах варваров, подвергавшихся, как правило, массовому крещению, старое умирало далеко не всегда и нередко оно воскресало вновь. Задачи быстрой и широкой христианизации варварского мира привели к появлению у церковников двух различных подходов к потенциальной массе верующих. Первый был связан с моментом утверждения христианства и носил, так сказать, «краткосрочный» характер. Его кульминация — обряд крещения без какой-либо глубокой подготовки и ответственного к нему отношения со стороны неофита (новообращенного). Второй подход основан на убеждении, поучении, постепенном доведении смысла евангельской проповеди до сознания будущего христианина. Такой подход носил «долгосрочный» характер. Здесь мы имеем дело с типично пастырским отношением к порученному делу — с бережным и неспешным подходом к человеку. При таком отношении к делу нельзя было не учитывать факт сохранения значительных языческих массивов в душе, которая не была дочиста отмыта водой крещения. Собственно говоря, в этом и состоит суть проблемы, которую принято именовать вопросом о «германизации христианства». «Как сделать приемлемой для военных народов проповедь миролюбия и прощения? Каким образом совершить духовное обновление, которое не означало бы полного и резкого разрыва с преданиями. В том, что такой разрыв не только невозможен, но и нежелателен, очень скоро убедилась и римская церковь. Ей самой понадобились услуги вооруженных варваров. В руках римской церкви они стали орудием обращения в христианство... Военные обычаи да и сам опыт вооруженной борьбы за существование слишком укоренились не, скажем, в сознании, ибо не об этом сейчас речь, а в формах гражданского общежития, чтобы их можно было выкорчевать, не спровоцировав хотя бы частичное самоуничтожение культуры этих народов. Правда, ни Римская империя, ни ее наследница — церковь — не имели намерений выкорчевывать подобные обычаи, так как они могли послужить целям обороны и распространения веры силой оружия. Да и как можно было лишить оружия тех, кто видел в нем не только средство обеспечения жизни, не только божественный символ, но и осязаемую гарантию своих политических прав, своего гражданского статуса. Быть воином и быть при этом свободным членом общества — эти понятия слиты в его представлении в нерасторжимое целое. Можно ли было проповедовать отказ от войны тем, кто, следуя за своим вождем — вождем, которого избрала воинская община, — не видел никаких различий между военным походом, целью которого был грабеж, и своими возвышенными чувствами, такими, как верность, чувство долга, дружба, личное достоинство? Разве можно было рассчитывать, что заповедь прощать своего обидчика немедленно войдет в обиход общественной системы, где солидарность по крови и, следовательно, кровная месть пользовались широчайшим общественным уважением?.. Новый Иерусалим проповедовал евангельскую любовь и прощение, однако жаждал победы над неверными вполне в духе Апокалипсиса и Ветхого завета, в которых воинов уважительно называли «святыми господа». Итак, церковь стремилась подчинить себе силу и отказываться от нее не желала...

...Германцы неохотно расставались со своими древними преданиями хотя бы потому, что те были глубоко связаны со структурой их общества. Но германцы охотно принимали и новые культы и ритуалы. Правда, интерпретировали они их в сугубо магическом ключе, добавляя к прежним верованиям, которым хранили верность. В начале X в. архиепископ Реймса писал папе о том, что викинги в его диоцезе «были крещены дважды, однако, несмотря на это, по-прежнему предпочитают вести языческий образ жизни, убивают христиан и священнослужителей, приносят жертвы идолам»... Роллон, вождь викингов, принявший крещение и ставший герцогом норманнов, будучи на смертном одре, конечно, лелеял надежду попасть в рай, но не забывал и о Вальхалле. В духе соломоновой мудрости и норманнской практичности он подарил сто золотых ливров христианским священникам и одновременно принес в жертву древним богам сто военнопленных. Например, взятые сами по себе законы, которые были провозглашены народным собранием и окончательно закрепили в 1000 г. переход Исландии к христианству, могут показаться современному исследователю образцом просветительской веротерпимости... По этим законам все были обязаны совершить обряд крещения. Однако такие древние обычаи, как оставление новорожденных на произвол судьбы и употребление в пищу конского мяса (культовые обычаи, связанные с тяжелыми условиями жизни на острове), не подлежали отмене. Каждый, если он того пожелает, имел право совершать жертвоприношения «на манер древних». Это считалось его частным делом... Был принят ряд мер, направленных на замену язычества христианством: возведение христианских церквей в местах отправления языческих культов и проведения тингов — освященных древним преданием народных собраний; перевод на язык христианской литургии ритуальных языческих возлияний; замена рождеством языческого праздника зимнего солнцестояния.

Не следует, однако, идеализировать переход германцев от язычества к христианству. Наряду с примирительными тенденциями и мирно протекавшим процессом распространения культуры имеются факты иного рода. Их немало: у миссионерской церкви, как известно, были свои мученики. Культ поклонения им оказался весьма прочным. Но были мученики и среди тех, кто хранил верность старым богам. Правда, о них очень скоро забыли. Обращение в христианство могло происходить по примеру или по приказу вождей. «Классический» пример — крещение франков Хлодвигом. Обращение в христианство могло совершаться с применением насилия или в силу неизбежности выбора — смерть или крещение. Большая часть истории христианизации германцев прошла под знаком принудительного обращения в христианство... При обращении франков в христианство с ними не особенно церемонились. Миссионеры, заручившись поддержкой светской власти, выкорчевывали священные деревья, опрокидывали идолов, уничтожали капища. Так что мы вправе предположить, что насильственная и ускоренная христианизация отнюдь не способствовала углублению процесса принятия новой веры. Подданные короля, ставшего христианином под впечатлением могущества «нового» бога, франки обращались в христианство из страха или расчета — в общем, формально. Содержательная сторона христианства вряд ли их сколько-нибудь затронула. Язычество франков при этом не претерпело каких-либо изменений, оно, так сказать, было загнано вглубь, укрывшись за внешне христианским декором... Складывается впечатление, что в VI—VII вв. официально отвергнутое язычество взяло реванш и что с наступлением каролингской эпохи произошла своеобразная «регерманизация» франкской культуры. Салическая правда содержит указания на жертвоприношения животных... Григорий Великий возмущался, что франки обожествляли деревья и животных. Сто пятьдесят лет спустя положение мало в чем изменилось. Капитулярий Карла Великого, составленный в 742 г., содержит длинный перечень языческих обычаев и традиций...

...Однако именно франкам, народу столь поверхностно христианизированному, суждено было стать передовым отрядом, несшим христианство другим германцам. Во главе похода встал Карл Великий. В период его правления франков заставляли воевать с такими язычниками, как саксы, авары, народы, населявшие примыкающие

к государству Карла области Пиренейского полуострова. Оправданием войн служило то, что ведутся они в защиту христианства. Войнам был придан характер воинствующего мессианства... Даже современники Карла, причем из числа его верных сторонников, были встревожены тираническим ходом насильственной христианизации. Они сокрушались, что королевские миссионеры ведут себя в саксонских землях «подобно хищникам», а не так, как подобает проповедникам... Были пущены в дело огонь и меч: массовые убийства, насильственные крещения, тысячи заложников...

...В какое в конце концов христианство обращались язычники, предпочтя жизнь и крещение смерти? О нет, не в то христианство, которое проповедовали Иисус, Павел и Августин. Во всяком случае, не в христианство в исконных его формах, хотя, надо сказать, религия, в которую их обращали, и была своеобразным развитием этих форм... В успокоительной полутьме под церковными сводами возносились хвалы и молитвы богу любви и мира. Но там, где насильно крестили и убивали упрямцев, массы новообращенных исподволь учились бояться бога войны, страшного в гневе юного господа, который одержал-таки победу над древними богами... Кредо мира, любви, прощения врагов своих могло показаться — и действительно казалось — возвышенным идеалом только тем, кто воспитан был в атмосфере античной духовности эллинистического Средиземноморья. Воинам, жившим среди дремучих чащоб и северных скал, чье гражданское существование было основано на принципах войны и кровной мести, подобный идеал не мог не представляться противоестественным и даже бесчеловечным заблуждением. Отсюда необходимость предоставить в их распоряжение образ победоносного бога, исполненного мощи и величия, то есть такого бога, который запечатлен в Ветхом, а не в Новом завете... С практической точки зрения только этим путем можно было достичь расширения сферы влияния христианства, обращать в новую веру целые народы.., одним словом, приговаривать их к унизительному и постыдному отречению от собственной культуры...» *(Кардана Франко.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 176—212).

В скандинавских странах обращение в христианство началось с IX в. и осуществлялось в более или менее сходной обстановке, сопротивление норвежских бондов конунгам, начиная с Хакона Доброго и кончая Олавом Святым, пытавшимся ввести христианство, было долгим и упорным, в том числе вооруженным. В этих восстаниях участвовало практически все население под руководством местной верхушки, связанной со жреческими функциями. Бонды видели в крещении угрозу их традиционному жизненному укладу и независимости. Они боролись против христианизации под лозунгом неприкосновенности старинных обычаев и вольностей. Отрывки из саг, повествующих о христианизации Норвегии приведены на стр. 207—211.

Только с наступлением VIII в. христианство сделалось действительно господствующей религией на Западе. В раннее Средневековье выделялась и усваивалась преимущественно ветхозаветная традиция, которая больше отвечала состоянию общества и его духовному складу. По существу же христианство каролингской эпохи сводилось к внешним обрядам и выполнению предписаний. Духовные идеалы были чужды недавним варварам, христианство густо обросло суевериями. В империи Карла Великого религиозные обряды служили не столько выражением внутренней приверженности вере, сколько демонстрацией подчинения социальному порядку. Именно соблюдение ритуалов составляло главное содержание религиозной жизни этого времени. Сам язык культа (латынь), являвшийся исключительным достоянием клириков, оставался непонятным массам и превращал церковную службу в настоящую тайну. Связь с божеством осознавалась скорее как магическая, чем как духовная.

В IX в. появляются трактаты, воспитывающие в верующих чувство вины перед богом, делаются попытки приблизить религиозные поучения мирян к уровню их понимания. Создаются так называемые покаянные книги, в которых содержатся тарифы наказаний и покаяний во искупление грехов, вводится индивидуальное покаяние, а исповедь становится регулярной процедурой. Это, конечно,

положительно воздействовало на общественную жизнь, способствовало некоторому смягчению нравов, резкое падение которых было одной из характерных черт переходной эпохи, когда разгул насилия доходил до полного беспредела, особенно в том, что касалось действий лиц высокого ранга, как правило, остававшихся безнаказанным. (Можно вспомнить слова Григория Турского: «В те времена было совершено множество преступлений... и каждый видел справедливость в своей собственной воле».)

Народная религиозность выходила далеко за рамки церкви и христианской догмы. Бог воспринимался как таинственная сила, присутствующая в священных местах, олицетворение блага и справедливости, гарант клятв и каратель их нарушителей. Эта народная религиозность разделялась и основной массой священников, за исключением церковной элиты — ученых епископов и аббатов. Церковь постепенно «варваризируется», опускается до уровня, на котором только и было возможным эффективное общение с расширявшейся нецивилизованной паствой. Наряду с божественной литургией получают распространение «паралитургии» — заклинания вод, хлеба, вина, масла, плодов и пр. Возрастающее значение приобретает вера в посредников между богом и людьми — ангелов и святых. Культ святых и их мощей приобретает огромное значение. Мирян больше привлекают в служителях бога не христианские доблести, а творимые ими чудеса, воспринимаемые как свидетельство их могущества и святости. Все эти элементы народной религиозности ярко проявлялись в модели поведения так называемых лжесвятых, одного из которых столь красочно описал Григорий Турский в своей «Истории франков» (см. стр. 211—213).

Церковь стремилась сглаживать социальные конфликты, обращаясь к сильным мира сего с призывом к милосердию по отношению к угнетенным и обездоленным, к прекращению беззаконий, к раздаче милостыни беднякам. Бедности даже отдавался нравственный приоритет. Но, стоя на консервативных позициях, церковь учила, что каждый член общества должен жить в соответствии со своим правовым и имущественным статусом и не добиваться его изменения. Церковные авторы трактовали общественное устройство как отражение иерархии небесной и разделяли его на три разряда — «ордена»: молящихся, воюющих и трудящихся, отношения между которыми покоились на сотрудничестве и взаимопомощи. Идеология трех функций-сословий, распространившаяся в Европе начиная с X в., выдвигала на первое место монахов, людей, преданных молитве и стоявших за пределами общества. Происходила постепенная аристократизация духовенства и монашества, вполне объяснимая в условиях, когда от вступавших в монастыри требовали материального обеспечения, доступного лишь состоятельным людям, а знание латыни предполагало обучение, возможное лишь в определенной среде.

Церковь проводила резкое различие между клириками — «носителями благодати» и непосвященными мирянами. Она настойчиво приобретала и защищала свои привилегии, отстаивала церковные дела от всякого вмешательства лиц, не принадлежавших к клиру. Обстановка анархии и безвластия в переходный период способствовала укреплению позиций епископата. «...В хаосе варварских нашествий епископы и монахи, св. Северин например, стали универсальными руководителями разваливающегося общества: к своей религиозной роли они прибавили политическую, вступая в переговоры с варварами, хозяйственную, распределяя продовольствие и милостыню, социальную, защищая слабых от могущественных, и даже военную, организуя сопротивление или борясь «духовным оружием», когда нет материального. Силой обстоятельств они пришли к клерикализму, смешению полномочий... Церковь преимущественно преследовала свои собственные интересы, не заботясь более об интересе варварских государств, чего не было при Римской империи. Она скапливала земли, доходы, привилегии, добиваясь их в качестве даров от королей, магнатов, даже бедняков, и это в тех условиях, когда накопление еще более обескровливало хозяйственную жизнь, подрывало производство. Епископы, почти все выходцы из богатой аристократии, будучи всемогущими в своих городах и епархиях, стремились к такой же власти и в королевствах... Церковь пыталась руководить государством, а государство — управлять церковью. Епископы

выдвигались в разряд королевских советников и наставников во всех сферах деятельности, силясь преобразовать церковные каноны в гражданские законы, а короли, став католиками, назначали епископов и председательствовали на соборах...» *(Ле Гофф Жак.* Цивилизация... С. 37—38).

Разбившись сначала на ряд полусамостоятельных епархий, церковь начинает с конца IX в. перестраиваться и объединяться на более прочной иерархической основе вокруг папского престола. Уже в середине VIII в. франкские короли, начав завоевание Итали и нуждаясь в помощи пап, подарили им отнятые у лангобардов области в Средней Италии с городами Римом и Равенной и тем положили начало папскому государству. Папы закрепили за собой подарок варварских королей, составив подложную грамоту от имени римского императора Константина Великого (306— 337 гг.), который будто бы пожаловал папам Римскую область и императорские права на Западе. В середине IX в. папы использовали для укрепления своей власти и обоснования теократической доктрины новый подлог, так называемые «Лжеисидоровы декреталии» — сборник вымышленных посланий пап и постановлений церковных соборов, составление которого приписывалось выдающемуся ученому-энциклопедисту VII в. Исидору Севильскому и которые якобы утверждали власть папы над всеми епископами, его полную независимость от светских государей, подчинение светской власти духовной. Папы претендовали на право не только короновать, но и смещать императоров.

X век прошел под знаком упадка папства и «обмирщения» церкви, угрожавшего потерей ее духовного авторитета. Тенденции обмирщения духовенства и церкви были способны противостоять только одни монастыри. Конец X—XI вв. характеризуется все возрастающим воздействием монастырей на все общество. Монашеский образ жизни пользовался высоким престижем в обществе. Кроме того, основание монастыря издавна считалось привилегией суверена, и поэтому сеньоры, создавая монашеские общины, утверждали свой авторитет. Однако от растущей анархии, связанной с распадом Каролингской империи сначала на королевства, а затем на территориальные герцогства и графства, страдали и монастыри. В условиях непрекращающегося ожесточенного соперничества различных политических группировок вокруг избрания епископов монахи стремятся освободиться от епископской власти. Подъем монашества был связан с Клюнийским движением, возглавившим борьбу за оздоровление церкви, укрепление ее материальной и организационной базы, утверждение ее политического господства.

«В 910 г. герцог Аквитании Гильом Благочестивый в бургундском поместье своем Клюни создал монашескую общину, сперва включавшую всего двенадцать братьев, но сразу же получившую исключительную привилегию подчинения папе «без всякого посредника». Так в мысли феодального князя и его небольшой духовной дружины — вернее всего зароненной с вершины римского престола — начинает зреть и крепнуть идея черной римской армии, изолирующейся среди иерархии феодальной и епископской в качестве непосредственной опоры римского трона... Движение растет с изумительной быстротой, захватывая и соседние страны. Одним из самых могучих и на Рейне, и в Лотарингии стал Хиршау, поставщик духовников для императоров германских, как сам Клюни — для королей французских, клюнийские обители Англии — для потомков Вильгельма Завоевателя. Вскоре совесть и политическая Мысль государей Европы всецело находятся в руках клюнийских аббатов, под давлением которых клюнийские монахи превращаются в воинов, «которых они полками бросают на осаду мира». Обширные дворы клюнийских обителей, где их пресловутое гостеприимство собирало огромные массы странников, превращали их в настоящие политические клубы: здесь красноречием ораторов Клюни часто подготовлялись решения и зачастую самые массовые движения. Эта роль Клюни сказалась с началом крестовых походов, а также предшествовавших им еврейских погромов. Особенно мощным становится Клюни, когда он превращается в «конгрерацию» — сплоченную и вместе гибкую корпорацию, действующую согласно, под импульсом воли «отца-аббата». Власть Клюни над сознанием государей, твердость, с какой они научились воздействовать на мирское законодательство, вызвали к жизни ряд законов, боровшихся с феодальной

анархией. Клюнийскому влиянию обязано утверждение законов «божия мира» и «божия перемирия», которых смысл заключался в защите определенных лиц, предметов и сроков (праздники, периоды сельских работ, больших религиозных войн) от домашних нападений, от внутренних войн.

Другой большой задачей Клюни было движение, уже подготовлявшее церковную реформу XI в. и означенное им как «очищение и освобождение церкви»: борьба с симонией и инвеститурой, ставшая делом папы Григория VII. На базе проповеди ораторов, как на базе «божия мира», осуществил Урбан II, сам клюнийский монах, проповедь I крестового похода. Несомненно, кроме предприятий большого стиля, как крестовые походы, какие помогла осуществить клюнийская политика, излюбленную ими систему «божьих перемирий» вызвала к жизни и поддерживала дальновидность деятелей Клюни в качестве предусмотрительных помещиков и сельских хозяев, стремившихся охранить мир и благоприятные условия работы на своих нивах. «Деревни, выраставшие в лесах», пионеры новой деревенской свободы, нередко получали в клюнийском законодательстве защиту от феодального волка, от мирского хищника... Но еще больше служило оно экономическому расцвету и обогащению самого клюнийского помещика. Колоссальный рост земельного богатства стал условием будущего его обмирщения и затем падения...» *(Добиаш-Рождественская О. А.* Культура... С. 207—208).

Итак, монахам Клюни после упорной и продолжительной борьбы удалось добиться независимости от епископа. В 1016 г. их монастырь был признан собственностью папы. Кроме того, папа Бенедикт VIII, который придавал особое значение политическим связям между монастырями и папским престолом, распространил «свободы» Клюни и на другие территории, ему принадлежащие и расположенные в различных районах Бургундии, Аквитании и Прованса. Освободивших от юрисдикции епископов, монастыри объединяются в «ордена», охватывающие десятки обителей и становятся в прямую связь с римским престолом, минуя, между прочим, не только епископов, но и светских сеньеров. Они противостоят феодальной анархии и добиваются введения «божьего мира», они стремятся освободить церковь от подчинения светской власти. В то же время монастыри подчиняются строгой дисциплине, направленной на совместную работу в пользу церкви. Получает новую силу аскетическое направление, отрешение от всех мирских благ и посвящение себя исключительно служению интересам церкви. Создаются монастырские школы для подготовки пропагандистов церковного учения, вырабатываются строгие дисциплинарные уставы. В течение XI и особенно XII в. монастырское движение охватывает все страны Европы. Его возглавляет папская власть, в XI в. проводящая реформу всего церковного управления.

Клюнийское аббатство отличалось от других бенедиктинских монастырей особой интенсивностью молитв и церковных служб. Существовало убеждение в том, что достигнутые силою монашеских молитв милости божьи распространялись на все общество, гарантируя вечный покой и спасение душ, мир живущим, плодородие почвы, победу государей над врагами. Под сенью монастырей создавалась новая духовная аристократия, немногим отличавшаяся по своему составу от светской. В некоторых богословских текстах вступление в монастырь рассматривалось как событие столь же важное, если не более важное, чем само крещение, а монашеская жизнь даже изображалась как единственный путь спасения. Надежда на вечное блаженство соединялась у многих церковных авторов этого времени с презрением к земному миру, которое выражало отказ от морального компромисса с политическими реальностями, далекими от христианства. Но на практике они не следовали буквально учению о презрении к миру и участвовали в общественной жизни, например, в движении за установление «божьего мира». Клюнийские аббаты выступали в качестве арбитров в политических спорах. Монахи и отшельники сыграли свою роль в расчистке лесов под пашню, в строительстве дорог, в проповеди христианства среди населения. Таким образом, уход от мира был весьма относительным, скорее это было отчуждение от господствовавших в нем агрессивности и насилия, отказ от «дьявольских соблазнов».

Активность церкви в борьбе за переустройство мира и подчинение его

божественной воле безмерно возросла на рубеже X—XI вв., в обстановке ожидания прихода Антихриста, который должен был предшествовать Страшному суду. Григорианская реформа (по имени папы Григория VII) совпала по времени с подъемом рыцарства, и церковь приложила немало усилий не только на возвышение священства, но и на христианизацию воинства. Сам ритуал посвящения в рыцари приобретает религиозную окраску, формируются духовные основы крестоносного движения. Об идейных истоках союза меча и креста см. стр. 213—217.

Своеобразным драматическим итогом церковной истории раннего средневековья стала схизма — разделение Восточной, православной, греко-католической и Западной, римско-католической церквей в 1054 г. Взаимной анафемой папы Льва IX и константинопольского патриарха во время обедни в храме св. Софии завершилось постепенное отчуждение христианских Востока и Запада, сопровождавшееся многовековыми спорами по вопросам догматики и правилам богослужения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

ОТРЫВКИ ИЗ САГ

Сага о Хаконе Добром (ок. 934—961 гг.)

Гл. 13. Конунг Хакон был добрым христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как вся страна была языческая и повсюду поклонялись языческим божествам, и поскольку язычниками были многие влиятельные люди, чья помощь, так же как и любовь всего народа, представлялась ему необходимой, то он решил исповедовать христианство втайне. Он соблюдал воскресные дни и постился по пятницам... Конунг рассчитывал, что если ему удастся утвердить свою власть и полностью подчинить себе всю страну, то он сможет ввести христианство. Прежде всего он склонил к христианской вере самых близких к себе людей. Многие крестились из любви к нему, многие покончили с жертвоприношениями. Конунг Хакон подолгу жил в Трандхейме, потому что Трандхейм был средточием силы в стране. Как только ему показалось, что он заручился поддержкой влиятельных людей для того чтобы ввести христианство, он послал в Англию за епископом и другими духовными людьми, и, когда те приехали в Норвегию, конунг Хакон объявил, что он хочет всю страну обратить в христианство...

Гл. 15. Конунг Хакон приехал на Фростатинг. Там собралось множество бондов. После открытия тинга говорил конунг Хакон. Он начал с того, что изложил свое предложение бондам и земледельцам, могущественным и слабым, а также всему народу, молодым и старым, богатым и бедным, женщинам и мужчинам, и просил, чтобы весь народ принял христианство и стал верить в одного бога, Христа, сына Марии. Они должны отказаться от всяких жертвоприношений и отречься от языческих богов. Наконец они должны соблюдать каждый седьмой день и в этот священный день не браться за работу, и через каждые шесть дней они должны поститься. Едва конунг объявил об этом народу, как поднялся сильный ропот...

Асбьерн из Медальхуса в Гаулардале поднялся, чтобы ответить на речь конунга. «Конунг Хакон, мы, бонды, думали, — начал он, — что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя конунгом, а ты вернул нам наш одаль. Теперь же мы не знаем, вправду ли мы получили свободу или ты снова хочешь поработить нас, выставляя такое удивительное требование, чтобы мы отказались от веры, которой придерживались наши отцы и наши предки, сначала во времена сожжения и теперь во времена погребения покойников, а они были много могущественнее нас, и эта их вера до сих пор нам помогала. Мы выказали вам такое большое доверие, что передали тебе все законы и права в стране, чтобы ты правил нами. Теперь же вот наша воля и твердое решение бондов — придерживаться тех законов, которые ты установил для нас здесь, на Фростатинге, а мы их подтвердили. Все мы будем следовать за тобой и считать тебя конунгом до тех пор, пока будет жив хоть один из тех бондов, которые собрались сегодня здесь на тинге, если ты, конунг, будешь соблюдать подобающую умеренность и требовать от нас лишь то, что мы можем тебе предоставить, и что не будет для нас неисполнимым. Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим. Теперь конунг, до того как закончится тинг, ты должен выбрать одно из этих условий.» После этой речи бонды одобрительно зашумели и подтвердили, что они хотят, чтобы было так, как он сказал.

Гл. 16. Когда наступила тишина, бондам отвечал Сигурд ярл. Он сказал: «Бонды, конунг Хакон желает жить в согласии с вами, и он никогда не хотел бы лишиться вашей дружбы». Бонды ответили, что они хотят, чтобы конунг совершил для них жертвоприношение за удачливый год и мир, как это делал его отец. После этого шум улегся, и тинг был распущен. (Конунгу Хакону пришлось уступить, попытка установить в Трандхейме христианскую веру не удалась.)

Сага Об Олаве Трюггвасоне (ок. 995—1000 гг.)

Гл. 68. ...Конунг Олав направился со всем своим войском в Трандхейм. Когда он приехал в Мерин, там собрались все трандхеймские хевдинги, которые больше всего противились христианству. Вместе с ними были все крупные бонды, раньше совершавшие здесь жертвоприношения... Тогда конунг велел позвать народ на тинг. Обе стороны явились в полном вооружении. После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. «Мы хотим, конунг, — говорил он, — чтобы ты совершил жертвоприношение, как другие конунги до тебя». После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скегги. Тогда конунг говорит, что он хочет поехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм.

Гл. 69. И вот конунг Олав едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олав поднял отделанную золотом дубинку, которую держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный. Это совершили люди конунга.

Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олава. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олав велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства...

Сага Об Олаве Святом (ок. 1015—1028 гг.)

Гл. 58. ...Он всячески стремился искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, вредили христианской вере. В конце концов бонды подчинились законам, установленным конунгом...

Гл. 60. ...Конунг поплыл вдоль берега на юг. Он останавливался в каждом фюльке, созывая бондов на тинги. А на каждом тинге он велел огласить закон о христианстве и связанные с ним установления. Он отменил тотчас многие дурные языческие обычаи в народе, потому что ярлы хотя и придерживались древних законов и права, но в отношении христианства позволяли каждому поступать, как ему хочется. К тому времени уже в большинстве прибрежных селений народ был крещен, но христианский закон большей части людей был неизвестен. Однако в дальних долинах и горных селениях еще процветало язычество, потому что, когда народ был предоставлен себе, в памяти людей сохранялась та вера, которую они восприняли в детстве. Тем же людям, кто не желал подчиняться конунгу в отношении соблюдения христианства, он грозил суровой расправой — как знатным, так и простым...

Гл. 64. Конунг Олав ввел христианский закон во всем Вике так же, как и на севере страны. Это прошло успешно, потому что жителям Вика христианские обычаи были известны гораздо лучше, чем жителям севера страны, поскольку в Вике и зимой и летом было полно купцов — датских и саксонских. Жители Вика также совершали много торговых поездок в Англию и Саксонию или Флемингеланд, или Данию. Некоторые бывали в викингских походах и зимовали в христианских странах...

Гл. 73. Конунг Олав... расследовал, как народ соблюдает христианскую веру. А если ему где казалось что-нибудь неправильным, он учил народ истинной вере. Тех же, кто не хотел отступиться от язычества, он жестоко карал: одних изгонял из страны, другим по его приказу отрубали руки или ноги или выкалывали глаза, иных он велел повесить или зарубить. Никого, кто не хотел служить богу, он не оставлял безнаказанным...

Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1961. С. 661—664, 669—670,673—675.

2.

Григорий Турский.

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

Глава 25. О гибели человека, выдававшего себя за Христа

...Сильный голод постиг области Анжера, Нанта и Ле-Мана. Это было началом тех болезней, о которых сказал Господь в Евангелии: «Повсюду будут чума, голо и землетрясение, и восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса на небе, так что они прельстят избранных», точь в точь, как это сегодня произошло.

Один человек из Буржской области, как он сам впоследствии рассказал, когда он пришел в лес, чтобы нарубить деревья для какой-то необходимой ему работы, был облеплен роем мух, отчего в течение двух лет он оставался безумным. Отсюда можно было понять, что эта порча исходила от дьявола. После этого этот человек прошел соседние города и дошел до Арльской провинции, и там, облачившись в шкуру, набожно молился как человек благочестивый. И как бы в насмешку над ним враг рода человеческого наделил его даром предсказания. Затем, чтобы еще больше преуспеть в этой преступной славе, он переменил место; из упомянутой провинции он пришел в область города Явельс, называя себя всемогущественным и даже не боясь объявить себя Христом. С ним была какая-то женщина, которую он выдавал за сестру и настаивал, чтобы ее именовали Марией. К нему стекалось множество народа, привозя с собой больных, которым он возвращал здоровье своим прикосновением. Все те, кто к нему приходил, приносили ему золото, серебро и одежду. Он же, чтобы легче их совратить, отдавал все это бедным. Распростершись на земле, он ревностно молился вместе с той женщиной и, когда поднимался с земли, он приказывал присутствующим снова поклониться ему. Он предсказывал будущее и предвещал одним — болезни, другим — несчастья, немногим — в будущем благополучие. И всего этого он добивался дьявольским искусством и не знаю, каким волшебством.

Он совратил огромное количество народа, и не только необразованных людей, но даже и священников церкви. За ним следовал народ в количестве более трех тысяч. Между тем он начал с некоторых снимать одежду и грабить тех, кого он встречал по пути, однако награбленное он раздавал неимущим. Он угрожал смертью епископам и горожанам за то, что они отказывались его почитать. Придя в область Белей, он дошел до места, называемого Пюй-ан-Велей, и остановился со своим отрядом, построив его в боевом порядке возле соседних церквей, как бы для того, чтобы начать войну с Аврелием, который тогда был епископом. Вперед себя он направил вестников, обнаженных людей, скачущих и пляшущих, чтобы они возвестили о его прибытии. Удивившись этому, епископ направил к нему смелых людей разведать, что им нужно и что все это значит.

Когда один из них, который был старше, наклонился как будто бы для того, чтобы обнять колени этого самозванца, намереваясь преградить ему путь, тот приказал схватить его и снять с него одежду. Но он, тотчас же обнажив меч, разрубил его; вот так пал тот Христос, которого скорее следует называть Антихристом, и умер. Находящиеся при нем были рассеяны.

А Мария, когда ее подвергли пыткам, раскрыла все его выдумки и колдовские приемы. Однако те люди, которых он совратил с помощью дьявольской хитрости, поверили в него, и они уже никогда не пришли в себя, то и далее чтили его как Христа и верили, что Мария причастна к его божественности.

Но и по всей Галлии появилось много людей, которые с помощью подобных обманов привлекали на свою сторону разного рода женщин, которые в порыве фанатизма провозглашали этих лжебогов святыми. В народе эти святые выдавали

себя за всемогущих. Из них мы многих видели и, порицая их, старались удержать от заблуждения.

Корсунский А.Р. **Возникновение феодальных отношений в Западной Европе.** М.,1968. С. 82-83.

3.

МЕЧ И КРЕСТ. ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ

...Произошло столкновение: с одной стороны, религия, несшая слово любви и мира, с другой — эпоха бесконечных сражений и люди, в чью плоть и кровь вошла война... Церковь была вынуждена уделять войне и ее профессионалам — воинам — такое внимание, которое в силу очевидных обстоятельств вышло далеко за рамки общепринятой церковной утопии, осуждающей войны... В своих, историко-религиозных истоках раннесредневековая церковь, оказавшись лицом к лицу с народами, которые сделали войну стержнем всей своей общественной и религиозной жизни, отыскала не просто оправдание компромисса, но его самую настоящую «теоретическую» основу, хотя и выраженную посредством известной символики, но органично вытекавшую из существа христианского учения. На этой основе сформировалась позитивная концепция войны и воина, сражающегося с оружием в руках.

Разумеется, речь идет о войне не просто как о разрешенном убийстве человека человеком. Это, так сказать, побочная функция войны. Главная задача христианской концепции войны состояла в том, чтобы доказать, будто человек, взявшийся за оружие, освященное церковью, становится борцом против зла или того, что в его мнении или мнении коллектива, частью которого он являлся, представлялось как зло. Таким образом, война интерпретировалась как средство борьбы против зла вообще в земной юдоли. Трагическая реальность отнюдь не отвергалась целиком во имя какого-то утопического идеала, не принимавшего в расчет действительного положения дел в этом мире. Напротив, трагизм войны обратился в некий «знак», указывающий на существование гораздо более высокой и трагической реальности, в силу которой история человечества от грехопадения до Искупления и Страшного суда, равно как и история каждого отдельного человека, является великой духовной войной. Несчастья же, вызываемые земными войнами, таким образом, представлялись всего лишь как бледное отражение этой величайшей схватки...

...Христианская церковь была не в состоянии ни выкорчевать насилие из человеческого сердца, ни вычеркнуть раз и навсегда войну из истории человечества. Поэтому перед церковью встала задача в известной мере насилие обуздывать, регламентировать как ведение войны, так и ее последствия. Так продолжалось по крайней мере до тех пор, пока моральный авторитет церкви в обществе оставался прочным и никем не оспаривался.

Конечно, в том факте, что и в средние века люди продолжали убивать друг друга, можно усмотреть крах «умиротворительной» концепции церкви. Подчеркнув это, следует, однако, и отдать ей должное. Церкви удалось добиться того, в чем никогда бы не преуспел никакой радикальный утопизм: были сформулированы нормы, обусловливающие применение силы, были заложены основания такой этики и такого права, которые, не упраздняя войны, становились препятствием и осуждением насилия над слабым, безоружным, подчиняли саму войну задачам высшего духовного порядка. Война, таким образом, рассматривалась как один из этапов становления отношений между людьми, этапом постыдным и приносящим неисчислимые страдания но тем не менее не выходящим за рамки цивилизованности. Речь идет об этике, правовых нормах, ограничительных нормативах, благодаря которым удавалось удерживать вооруженные столкновения в пределах неких «правил»...

...Отец церкви Аврелий Августин дал первую систематическую христианскую доктрину войны. Но еще и до Августина на эту тему высказывался Амвросий Медиоланский, причем с предельной ясностью. Вряд ли стоит вспоминать о той обстановке страха, чувстве опасности и тревоги, в которой в те времена пребывала империя, в тот самый момент, когда прозвучали его слова, восхваляющие ратный подвиг. Справедливости ради, подчеркнем, что Амвросий, так же как и другие отцы церкви, клеймил позором насилие и человекоубийство. Его возмущение убийством глубоко и искренне. Однако при этом он оправдывает любое действие государства,

направленное на самосохранение. Точно так же Амвросий оправдывает войну, восстанавливавшую, по его мнению, попранную справедливость. Подобно всей церковной иерархии своего времени, он считал, что церковь в отношении империи несет бремя ответственности как наследница и преемница.

Амвросий был духовником императора Грациана. Вместе с ним он заложил основы имперского романо-христианского самосознания. В момент тяжелейшей опасности, нависшей над империей, структуры которой разрушались на глазах у всех, тогда как варвары буквально ломились в ее врата, возникла необходимость пересмотреть вопрос об индивидуальном поведении христианина на войне как воина. Прежде солдат должен был уничтожить противника. Теперь же вопрос был поставлен иначе: праведной, справедливой, или неправедной, несправедливой, является сама война?.. Определять же, какая война праведная, а какая нет, то есть несправедливая, по мнению Амвросия, имела право одна только церковь, вместилище и мерило справедливости. Подобное учение не только заставляло христианина участвовать в войне, по решению церкви являвшейся справедливой, но и наделяло саму церковь правом решать вопросы войны и мира. Не станем повторять, что подобная позиция Амвросия была обусловлена особыми обстоятельствами. Подчеркнем только лишь тот факт, что Амвросий в своем учении о войне основной упор все-таки делает на проблеме сохранения мира, согласно закону справедливости. Если война, считал он, способствует восстановлению мира, то такая война справедлива. Справедлива, таким образом, война внешняя, ведущаяся во имя спасения отечества от варваров-агрессоров, справедлива и гражданская война, ведущаяся во имя спасения общества от «разбойников». Именно в тот момент, когда возникла необходимость защищать империю с оружием в руках, по вопросу о войне высказался и Аврелий Августин...

...По мнению Августина, главное — дисциплина.., дисциплина — единственное, что способно спасти церковь и государство от развала. Восстановление единства, считал он, есть восстановление мира и путь к спасению. Такими представляются ему цели и задачи войны, войны праведной и справедливой: «Естественный порядок вещей, стремящийся к установлению мира среди людей, требует, чтобы решение и право начать войну принадлежали государю. Солдаты же должны беспрекословно выполнять приказы своих командиров во имя мира и общего спасения. Пусть сам государь и запятнал себя несправедливостью, но он военачальник. Приказ начальника делает солдата невиновным в совершенных государем злодеяниях»... Таким образом, государь перед лицом бога является единственным ответственным за все то зло, которое совершается в ходе войны. Это чудовищное бремя ответственности ложится на всякого, осуществляющего власть...

...В сочинении «О граде божьем» и других своих сочинениях Августин уточняет, когда можно вести речь о справедливой войне. Справедлива, по его мнению, та война, которая ведется во имя защиты человека от свирепого агрессора: «Обычно справедливыми называют те войны, которые ведутся для того, чтобы отомстить за оскорбление, возместить ущерб, понесенный одним народом от другого». Вопиющим примером войны неправедной, несправедливой, по Августину, является война против народов, которые не причинили никакого ущерба другому народу. Несправедлива же и та война, которая предпринимается с целью подчинить другой народ во имя удовлетворения собственной жажды власти. Такая война, считает Августин, величайшая подлость...

...Августин в своем послании к Бонифацию сформулировал также принцип взаимодополняемости: с одной стороны, те, кто в тишине молитвы ведет невидимую войну с бесами, с другой — те, кто защищает молящегося с оружием в руках на поле боя. И те и другие — защитники верующих от видимых и невидимых врагов, с ними они ведут войну. Августин сблизил, хотя и провел демаркационную линию между ними, «воина христова» с «воином мирским»...

Кардини Франко. **Истоки средневекового рыцарства.** М., 1987. С. 223—246.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.

Гуревич А.Я. Из истории народной культуры и ереси: «Лжепророки и церковь во Франкском государстве//Сб. «Средние века». Вып. 38. М., 1975.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Корсунский А.Р. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе//Сб. «Средние века». Вып. 44, М., 1981.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Brown P. The cult of the saints. Chicago. 1981.

Duby G. Les trois ordres ou 1'imaginaire de feodalisme. P., 1978.

Lawrence C.H. Medieval monasticism. Forms of religious life in Western Europe in the Middle Ages. L.-N.Y., 1985.

Vauchez A. La spirituahte du Moyen Age occidental, VIIIe—XIIe siecles. P., 1975.

Ward B. Miracles and the medieval mind. Philadelphia. 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(А. Л. Ястребицкая)* 7

ВВЕДЕНИЕ: «Новая историческая наука» и новый образ западноевропейского Средневековья *(А. Л. Ястребицкая)* 11

Приложение 20

РАЗДЕЛ I. У истоков западноевропейской средневековой цивилизации: Рим и германцы *(Л. П. Репина)*.....25

Последние века Римской империи 27
Варварский мир 44
Приложение 51
Падение Римской империи и образование варварских королевств в V—VI вв. 90

РАЗДЕЛ II. Слияние двух миров. Рождение западно-христианского мира *(Л.Я.Репина)*.....112

Франкское государство и империя Карла Великого.....112
Приложение 132
Распад Каролингской империи. Эпоха новых вторжений.....159
Приложение 178

РАЗДЕЛ III. Римская церковь и распространение христианства *(Л. П. Репина)*.....190

Приложение.....207

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ

Часть первая

**РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ.V- IX вв.**

Зав. редакцией В.И. Михалевская Техн. редактор Г.З. Кузнецова

ЛР № 060663 от 05.02.92

Подписано в печать 3.07.95. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Тираж 20 000 экз. Зак.483.
Фирма «Интерпракс»
103031, Москва, Звонарский пер.,4
Отпечатано с готового оригинал-макета
в АООТ "Ярославский полиграфкомбинат"
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97